

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (87) — 2018

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru
Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2018

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 (87) — 2018

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 3—12
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.1

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 3—12
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.1

ЗЕМНОЙ ПУТЬ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ (СОЛОПОВОЙ) КАК ЛИЧНОСТИ С АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИЕЙ

Е. Ю. Коржова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, elenakorjova@gmail.com

Представлен земной путь игумении Таисии Леушинской (Солоповой) как пример активной жизненной позиции женщины, проявившей высокие нравственные и деловые качества. Обсуждается проблема предназначения женщины в контексте общественного сознания России второй половины XIX — начала XX в., периода напряженных духовных исканий и стремления к осмыслению своего места в мире. Рассмотрены труды игумении Таисии по созиданию духовных обителей, ее деятельность по устройению школ для девочек и учительниц, талантливое литературное творчество.

Ключевые слова: жизненный путь, личность, активная жизненная позиция, предназначение женщины, противоречивость русского самосознания, поиск смысла жизни, зрелость личности, духовные основания жизни.

THE LIFE SPAN OF THE ABBESS TAISIYA (SOLOPOVA) AS A PERSONALITY WITH ACTIVE LIFE POSITION

E. Yu. Korzhova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
 St. Petersburg, Russian Federation, elenakorjova@gmail.com

Since ancient times in Russia women played an important role in the political, economic and cultural life. Deep intelligence, insight and foresight, diplomacy, patriotism characterize high moral and business qualities of the best Russian women. The second half of XIX — early XX c. in Russia is a time of intense searching in terms of a controversial system of values

attributed to the activity of the women life position. Its vivid example is the personality, life span and fruitful activity of abbess Taisiya Leushinskaya (Solopova).

Abbess Taisiya (Mariya Vasilyevna Solopova) was born in St. Petersburg in 1842 in a pious noble family and received an excellent education and upbringing. Since childhood Mariya was more attracted to the spiritual side of life, and after graduation she enrolled in Tikhvin Vvedenskiy monastery. In 1881 she was approved of by the chief of the Leushinskaya community, and thanks to her diligent works four years later it was converted into a monastery, and Taisiya became its abbess. For thirty-four years abbess Taisiya ran this monastery which later became a large first-class monastery. Being a spiritual daughter and a close friend of St. Joann of Kronstadt abbess Taisiya on his blessing went into much trouble over the renewal of the abolished monasteries and the establishment of new ones in different provinces of Russia. She organized many monasteries, hermitages and metochions with independent economy. The multilateral activities of abbess Taisiya surprised many of her contemporaries and had a powerful influence on different aspects of social life. Clear evidence of this is the organization of schools for girls at the monasteries organized by Taisiya. With particular zeal abbess Taisiya cared about the spread of literacy among children of the local population and worked hard on establishing good education and spiritually-moral education of the younger generation. Endowed with great literary talent, abbess Taisiya left a rich literary heritage. She is the author of many theological, historical and poetical works published including some works in several European languages. Taisiya proved to be a talented poet. Her poems have been widely published in periodicals. Many spiritual songs and romances were written on her poetry.

Taisiya's life could serve to exemplify the idea of women filling the world with beauty and harmony and making it a better place to live. It can be assumed that women will increasingly be given the role of social life custodians. At least, Taisiya's was exactly the case.

Key words: life span, personality, active life position, purpose of a woman, contradictory nature of Russian identity, search for the meaning of life, maturity of personality, spiritual foundation of life.

Выбор жизненного пути русской женщиной

Понять женское предназначение стремились во все времена. С крайних позиций его видят преимущественно в воспроизводстве рода либо в активном участии в жизни общества наравне с мужчинами. Какой должна быть модель фемининности? Этот вопрос актуален и сегодня, поскольку решение его сопряжено с тем или иным жизненным выбором, который реализуется в индивидуально-своеобразном жизненном пути. Образы «настоящей женщины», как и «настоящего мужчины», отражаются в так называемых гендерных нормах, представляющих собой соответствующие правила поведения и предписания на основе определенных идеалов и ценностей [Клецина, Иоффе, 2017]. Традиционалистский тип норм основывается на дифференциации мужского и женского ролевого поведения, эгалитарный тип — на равноправном распределении ролей и статусов мужчин и женщин. Исторически широко распространилась традиционалистская модель. С точки зрения современных исследователей, активизация жизненной позиции женщин особенно заметной становится с начала XIX в. (см., напр.: [Айвазова, 1998]). Однако и с древних времен в России женщины

играли немаловажную роль в политической, экономической и культурной жизни — и многие труженицы, оставшиеся безымянными, и ставшие знаменитыми выдающиеся правительницы, мудрые княгини и боярыни, высокообразованные женщины. Глубокий ум, проницательность и дальновидность, дипломатичность, любовь к Отечеству характеризуют высокие нравственные и деловые качества лучших русских женщин [Пушкарева, 1989; Козлова, 2012].

«Расколотое общество» России ко второй половине XIX в. вмещало в себя полярные системы ценностей и представлений о нормах поведения, как на уровне общества, так и на уровне отдельных личностей. Это привело к тому, что в настоящее время сформировалась полиментальность России в системе координат «Дух (Бог) — материя (идол)» и «общество (коллектив) — личность (индивидуальность)» [Семенов, 2009]. Н. А. Бердяев указывает на противоречивость, антиномичность русского самосознания и при этом на «бесконечное искание, искание невидимого града-Китежа, незримого дома» [Бердяев, 2008: 13].

С середины XIX в. в России становится явно выраженным русское женское движение — как ответ на «вызов времени» и «европейский ход вещей», но в русле глубоких национальных традиций [Айвазова, 1998]. С этим связана высокая вариативность женских жизненных стратегий, тяготеющих к тому или иному полюсу континуума «Россия — Запад». В настоящее время отмечается рост вариативности поведенческих моделей мужчин и женщин, причем более индивидуализировано поведение женщин.

Историю творят личности. В наследии выдающегося русского историка В. О. Ключевского, одного из наиболее видных представителей отечественной историографии XIX — начала XX в., существенное место занимает характеристика отдельных значительных личностей русской истории, в жизнеописаниях которых ярко проявилась его способность к психологическому осмыслению событий прошлого [Ключевский, 2002]. Именно внимание к личности и ее жизненному пути — особенная черта отечественной историографии второй половины XIX — начала XX в. Это время особенно напряженных его исканий. Оно оказалось очень плодотворным и дало миру множество ярких личностей, успешно реализовавших активную жизненную позицию. Таким примером для нас является личность, жизненный путь и плодотворная деятельность игумении Таисии Леушинской (Солоповой).

Труды игумении Таисии по созиданию монастырских обителей

Игуменья Таисия (в миру Мария Васильевна Солопова) родилась в Санкт-Петербурге 17 октября 1842 г. в благочестивой дворянской семье. Когда Марии исполнилось десять лет, родители отдали ее на обучение в Санкт-Петербургский Павловский институт благородных девиц, который она окончила в 1861 г. До недавнего времени не была известна точная дата ее рождения. Она была установлена в процессе работы над ее Полным собранием сочинений по архивным источникам, а именно по документам фонда Павловского института, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга [ЦГИА СПб., ф. 7, оп. 2, д. 81].

С детства Марию более привлекала духовная сторона жизни, и после учебы она поступила в Тихвинский Введенский монастырь, пребывала затем в других монастырях и была пострижена в монашество с именем Таисия.

Существует универсальная типология жизненных стратегий женщин. Их анализ дан А. М. Коноваловой в соответствии с классификацией Г. Шихи: «заботливые», «или — или», «интеграторы», «женщины, которые никогда не выходят замуж», «неустойчивые». Эти стратегии могут выбираться сознательно или неосознанно в зависимости от уровня личностной зрелости. Лишь последний тип может рассматриваться как однозначно незрелый [Коновалова, 2011]. Игуменья Таисия относится к тем 10 % женщин, «которые никогда не выходят замуж». В данном случае это был сознательный зрелый выбор в пользу личного духовного совершенствования в монашеской жизни.

Однако игуменья Таисии выпала не просто благочестивая жизнь, а еще более высокое служение. В 1881 г. она была утверждена начальницей Леушинской Иоанно-Предтеченской общины, которая благодаря ее усердным трудам через четыре года стала монастырем, а монахиня Таисия была возведена в сан игумении. На протяжении тридцати четырех лет игуменья Таисия успешно управляла этой обителью, ставшей впоследствии большим первоклассным монастырем [Историческое описание... , 1907].

Игуменья Таисия была духовной дочерью и близким другом святого праведного Иоанна Кронштадтского и по его благословию немало потрудились над возобновлением упраздненных обителей и учреждением новых в различных губерниях России. Ее друг и наставник говорил ей: «Подвиги твои не для твоей одной души, а для общего блага, потому они и велики, и выше частных, собственно для себя». И действительно, ее трудами были устроены многие монастыри и скиты, а также подворья, которые представляли собой самостоятельные хозяйства и также требовали много хлопот и опеки. Ею с честью было преодолено множество труднейших жизненных ситуаций, в которых личность проявляется и зреет [Коржова, 2015]. Неслучайно еще при жизни ее почитали святой и называли «игуменья всея Руси». Достаточно посмотреть на такие сухие документы, как ее послужные списки. Некоторые из них обнаружены в Государственном архиве Новгородской области [ГАНО, д. 3976]. На основании исторических повествований, архивных документов и писем можно убедиться, как много сил и трудов положила игуменья Таисия на благоустройство Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря и других обителей. В ЦГИА Санкт-Петербурга хранятся отчеты о состоянии Леушинского монастыря в разные годы, по которым можно судить, как развивалось ее любимое детище при ее непосредственном участии и сколько трудов она на это положила [ЦГИА СПб., ф. 251, оп. 3, д. 2498]. Кротко и смиренно несла игуменья Таисии тяжелый крест храмоздательницы. Она превратила маленькую женскую общину, находившуюся вдали от больших городов и бывшую на грани закрытия, в первоклассный монастырь; воспитала многих монахинь, которые продолжили духовное служение в других монастырях, основала при монастыре школы — «рассадник духовного просвещения» по всей губернии. Архивные документы, сохранившие переписку игумении Таисии, свидетельствуют о ее огромном и часто неблагодарном труде по восстановлению многих обителей, в частности Ферапонтова монастыря [РГАДА]. Среди документов

по открытию подворья Леушинского монастыря в Санкт-Петербурге (благодаря ходатайству этой удивительной женщины) примечательно письмо череповецкого городского головы И. А. Милютина городскому голове Санкт-Петербурга В. И. Лихачёву от 28 марта 1891 г. Человек сугубо светский, он, помимо высокой оценки духовно-нравственного облика игумении Таисии, дает ее портрет как весьма деятельной и энергичной натуры: «...считаю священным долгом засвидетельствовать перед Вами, что мать Таисия обладает большими созидательными способностями; она создала в какие-нибудь 10 лет религиозно-нравственный муравейник с просветительско-культурным направлением в таких размерах, в каких земства целой губернии ничего подобного в гражданско-экономическом направлении не создали, несмотря на то что располагали всеми платежными силами населения самодержавно. В монастыре теперь и школа начальная, и школа профессиональная, приближающаяся теоретическим курсом к прогимназии — все возможные виды рукоделия, художественная живопись; причем идет сельское хозяйство, продолжается корчевание пеня и т. п. Ведь просто эта женщина — американец, заслуживающая глубокого уважения и сочувствия» [ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 75, д. 90, л. 3—4 об.].

Деятельность игумении Таисии на ниве образования

Та многосторонняя деятельность, которой занималась игумения Таисия по обустройству монастырей, удивляла многих ее современников и оказывала мощное влияние на разные стороны общественной жизни. Явное свидетельство этого — организация школ при благоустроенных ею монастырях. С особым усердием заботилась игумения Таисия о распространении грамотности среди детей местного населения и духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Помимо церковно-приходских школ, была открыта и церковно-учительская женская школа при Леушинском монастыре, готовившая учительниц для целой губернии. О том вкладе, который внесла игумения Таисия в дело развития женского образования, можно судить по сохранившимся архивным документам. Прежде всего это отчеты о состоянии леушинских школ по учебной и духовно-нравственной статьям за 1884—1912 гг. (см., напр.: [РГИА, д. 1726, 1740, 1747]). Сохранился устав — положение об обязанностях церковной учительницы. Можно с убедительностью утверждать, что он составлен при непосредственном участии игумении Таисии [ГАНУ, д. 3799].

При организации школ игумении Таисии приходилось преодолевать многие препятствия, чинимые человеческими предрассудками и общественным сопротивлением. До настоящего времени вклад ее в дело образования оставался малооцененным. Огромный объем работ становится видимым благодаря представленным в трехтомном издании документам и письмам [Таисия (Солопова), игум., 2017]. Плодотворные труды игумении Таисии получили признание и были отмечены наградами со стороны как духовных, так и светских властей. Это было время расцвета женского образования, когда непрерывно росло число учащихся женщин: если в 1856 г. их было 36 900, то в 1896 г. — 810 000, а в 1911 г. — 2 130 100. По сравнению с европейскими странами того времени, согласно статистике, Россия имела значительно более развитую систему среднего (а потом и высшего) образования для женщин [Галенин, 2014: 303].

Литературное наследие игумении Таисии

Наделенная прекрасным литературным талантом, игумения Таисия оставила богатое литературное наследие. Она является автором многих аскетических, богословских, исторических и поэтических трудов, издававшихся в том числе и на нескольких европейских языках. Происходя по матери из рода А. С. Пушкина, игумения Таисия проявила себя как талантливая поэтесса, ее стихи широко публиковались в периодических изданиях, на них написано множество духовных песен и романсов. В ее поэтических строках ощутимо поистине пушкинское вдохновение:

Бывают чудные минуты,
Отрады полные святой,
Когда небесной лиры звуки
Как бы беседуют с душой.

[Таисия (Солопова), игум., 2017: 152]

В последнее время мы все больше дорожим нашим культурным и духовным наследием. К 175-летию со дня рождения замечательной подвижницы и незаурядной духовной писательницы Т. Солоповой Общество памяти игумении Таисии подготовило прекрасно выполненное первое 3-томное Собрание ее сочинений [Таисия (Солопова), игум., 2017]. Уникальные материалы, вошедшие в издание, кропотливо собирались более двадцати лет, были проанализированы и структурированы, сопровождаемы редакционными примечаниями. В ряде документов обнаружены даты, что позволило найти ответные письма в переписке с отцом Иоанном Кронштадтским. Анализ творческого наследия игумении Таисии позволил максимально полно раскрыть масштаб личности и жизненного пути подвижницы и ее трудов. Возможно, если будут обнаружены другие тексты пера игумении Таисии, мы узнаем о новых гранях ее одаренной натуры. В любом случае, благодаря настоящему изданию, неоценимый вклад игумении Таисии в духовно-нравственное развитие общества становится документально обоснованным и аргументированным.

Игумения Таисия была не только устроительницей множества храмов и монастырей, но и устроительницей духовной монашеской жизни в этих обителях. Она оставила уникальное духовное наследие — душеполезные наставления, богословские тексты и духовные очерки, свидетельствующие о глубине ее личности, зрелом отношении к себе и миру, духовном становлении, особенном внутреннем мире.

Игумения Таисия — автор многих духовных книг. Помимо духовного просвещения, ее произведения уводят нас от суеты обыденной жизни в мир небесной красоты, раскрывая сердце навстречу Богу. На ее «Записках» отец Иоанн Кронштадтский написал: «Дивно, прекрасно, божественно! Печатайте в общее назидание». Духовная автобиография игумении Таисии, вошедшая в первый том издания, раскрывает ее духовный путь, внутреннюю жизнь и устремленность к духовному. «Записки» выходили не единожды, но у исследователей творчества не было уверенности в ее авторстве. Однако в процессе работы над Собранием сочинений были найдены фрагменты подлинника «Записок», при сопоставлении которых с письмами игумении Таисии была доказана их подлинность: они

созданы, как и письма, подписанные ею, собственноручно [КБИАХМ, ОПИ, РК 86, КП 9090].

Зафиксированные игуменией Таисией беседы с отцом Иоанном Кронштадтским, как и переписка с ним, представляют собой драгоценный памятник их духовной дружбы. В ЦГИА сохранилось несколько ее писем к отцу Иоанну Кронштадтскому. Помимо того что в каждом письме сквозит нежная забота о батюшке, его здоровье, его проблемах, игуменией Таисией поднимаются важнейшие вопросы духовно-нравственной и политической жизни. Она советуется с пастырем относительно особенностей богослужения, высказывает свою точку зрения на события в современном обществе. Так, было обнаружено и опубликовано письмо, в котором игумения комментирует события 1905 г. Среди адресатов игумении Таисии были, помимо ее главного духовного наставника, такие значимые фигуры, как император Николай II, обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, граф С. Д. Шереметев, писатель и богослов И. И. Бриллиантов [ЦГИА СПб., ф. 2219, оп. 1, д. 7б, 7в, 7г].

В произведении «Письма к новоначальной инокине» игумения Таисия лаконично обобщает весь первоначальный опыт иноческой жизни; в него включены жизнеописания святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и юрודивой старицы Евдокии Родионовой, составленные игуменией, а также ее письма, дневники, духовные очерки и другие сочинения.

Отец Иоанн Кронштадтский высоко ценил поэтический талант игумении Таисии и считал его большим Божественным даром. Об одном из ее стихотворений он говорил, что в нем отражаются ее пять талантов, возвращаемых старицею. Стихи игумении Таисии регулярно печатались в духовных журналах, были опубликованы отдельными книгами. В них воплощены сокровенные духовные переживания, личный опыт богообщения. Нашли место в поэзии игумении Таисии и пейзажные зарисовки, и философские размышления, и сюжетные поэтические повествования. Они отличаются глубиной чувств и духовной точностью образов, удивительной чистотой слога.

Отрадно, что уникальное издание Собрания сочинений подготовлено силами членов общественной организации, почитающей имя замечательной подвижницы, — Обществом памяти игумении Таисии, члены которого при духовном руководстве иеромонаха Александра (Фаута), по благословению протоиерея Николая (Гурьянова), архимандрита Кирилла (Павлова) и других старцев трудятся по изготовлению предметов и изделий, необходимых в богослужебной практике, по изданию и переводу на многие языки книг духовно-нравственного содержания, способствуя единению народов через духовно-нравственное просвещение. Литература, выпускающаяся Обществом, имеет богатый воспитательный потенциал и представляет необычайную актуальность и ценность как для современного читателя, так и для последующих поколений, сохраняя аскетический дух прошлого и передавая бесценное наследие предков в раскрытии смысла мироздания, человеческого бытия и возводя к горнему миру, наставляя в любви к Богу, Отечеству и ближнему. Примеры духовных подвижников, в том числе великой труженицы игумении Таисии, вдохновляют на обширную просветительскую деятельность.

Значение жизни и деятельности игумении Таисии

После полной забот и самоотречения жизни 15 января 1915 г. игумения Таисия завершила свое земное странствование и была погребена в построенном ею соборе Похвалы Божией Матери Леушинского монастыря (в 1941 г. он был затоплен при строительстве Рыбинского водохранилища). В метрической книге Иоанно-Предтеченской Леушинской церкви Череповецкого уезда сохранилась запись от 1915 г. об отпевании и погребении игумении Таисии, согласно которой отпевание совершили архимандрит Большого Тихвинского монастыря Антоний, игумен Нило-Сорской пустыни Иларион, протоиерей Николай Шиловский, священник Николай Старопольский и четыре священника соседних с Леушинским приходом. Было прочитано духовное завещание игумении Таисии [ГАВО], которое представляет собой увещание духовных дочерей в твердости веры и любви к Богу. Сохранившиеся речи близких и хорошо знавших ее людей памяти игумении Таисии приоткрывают разные стороны ее необыкновенной многогранной личности.

Игумения Таисия имела дворянское происхождение и по своему образованию, воспитанию и талантам могла бы стать большой писательницей, но избрала путь монашеского служения на передовом рубеже духовной жизни. Она сумела воплотить высокие идеалы в качестве не только созидательницы и настоятельницы монастырей, но также и учебно-воспитательных заведений для девочек, будучи последовательницей святого праведного Иоанна Кронштадтского, известного активной социальной позицией. Она не стала матерью своих детей, но воспитывала и продолжает сегодня воспитывать молодежь примером подвижничества и благодаря своему творческому и духовному наследию. Замечательный литературный дар игумении Таисии соединился с ее духовными талантами, обогатился и приумножился на протяжении ее жизни, земной, как у всех, но устремленной к небесному, что невозможно без особой силы духа и любви к Богу.

На примере игумении Таисии можно ясно видеть, что женщина дает жизнь, и не только физически. Наполнять мир красотой и гармонией, облагораживать его — что может быть выше и востребованнее в наш непростой век. Можно полагать, что именно женщине все в большей мере будет отводиться роль хранительницы духовно-нравственных оснований общественной жизни. В этом уникальность ее служения.

В наше динамичное время человеку все сложнее обрести равновесие, гармонию с миром. Обостряются душевные противоречия, но растет и тяга к духовной жизни. Множество природных и общественных катаклизмов свидетельствуют об угрозе даже физическому существованию человечества. И только возрождение духовной жизни может воспрепятствовать этому. Не оскудевает Россия подвижниками. И среди них во все времена немало женщин.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия: (очерки политической теории и истории). М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
- Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
- ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 496. Оп. 59. Д. 292.

- Галенин Б. Г. Царская школа. Государь Николай II и имперское русское образование. М.: Культ.-просветит. рус. изд. центр, 2014. 600 с.
- ГАНО (Государственный архив Новгородской области). Ф. 480. Оп. 1.
- Историческое описание Иоанно-Предтеченского первоклассного Леушинского женского монастыря Череповецкого уезда Новгородской губернии. СПб.: Синод. тип., 1907. 119 с.
- КБИАХМ (Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). ОПИ. РК 86. КП 9090.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Ключевский В. О. Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов н/Д: Феникс, 2002. 672 с.
- Козлова Н. Н. Женщина в политике: образ Марфы Борецкой в исторической повести «Марфа-посадница» Н. М. Карамзина // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 64—73.
- Коновалова А. М. Жизненные стратегии женщин: выбор и его последствия // Психология зрелости и старения. 2011. № 3. С. 34—49.
- Коржова Е. Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. СПб.: О-во памяти игумении Таисии, 2015. 210 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
- РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4258.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 803. Оп. 11.
- Семенов В. Е. Будущее России в контексте российской полиментальности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 3, ч. 1. С. 153—165.
- Таисия (Солопова), игум. Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: О-во памяти игумении Таисии, 2017. Т. 3. 360 с.
- ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга).

References

- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia*: (Ocherki politicheskoi teorii i istorii) [Russian women in the labyrinth of equality: (Studies in political theory and history)], Moscow: RIK Rusanova.
- Berdiaev, N. A. (2008) *Sud'ba Rossii* [Russia's destiny], Moscow: Èxmo.
- Galenin, B. G. (2014) *Tsarskaia shkola. Gosudar' Nikolaï II i imperskoe russkoe obrazovanie* [The tsar school. Emperor Nicholas II and the imperial Russian education], Moscow: Kul'turno-prosvetitel'skii russkii izdatel'skii tsentr.
- Istoricheskoe opisaniie Ioanno-Predtechenskogo pervoklassnogo Leushinskogo zhenskogo monastyria Cherepovetskogo uезда Novgorodskoi gubernii* (1907) [Historical description of the St. John the Baptist first-class Leushinskii convent of the Novgorod province Cherepovets district], St. Petersburg: Sinodal'naia tipografiia.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak social'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Kliuchevskii, V. O. (2002) *Izbrannye leksii "Kursa russkoi istorii"* [Selected lectures "The Course of the Russian history"], Rostov-on-Don: Feniks.
- Kozlova, N. N. (2012) *Zhenshchina v politike: obraz Marfy Boretskoi v istoricheskoi povesti "Marfa-posadnitsa"* N. M. Karamzina [Woman in politics: the image of Marfa Boretskaya in the historical novel "Martha-posadnitsa" by N. M. Karamzin], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 64—73.

-
- Konovalova, A. M. (2011) Zhiznennye strategii zhenshchin: vybor i ego posledstviia [Life strategies of women: choice and its consequences], *Psikhologiya zrelosti i starenia*, no. 3, pp. 34—49.
- Korzova, E. Iu. (2015) Vvedenie v psikhologiiu zhiznennykh situatsii [Introduction to the psychology of life situations], St. Petersburg: Obshchestvo pamiati igumenii Taisii.
- Pushkareva, N. L. (1989) *Zhenshchiny Drevnei Rusi* [Women of Ancient Russia], Moscow: Mysl'.
- Semenov, V. E. (2009) Budushchee Rossii v kontekste rossiiskoi polimental'nosti [The future of Russia in the context of Russian polimentally], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 12, no. 3, pt. 1, pp. 153—165.
- Taisiia (Solopova), abbess (2017) *Sobranie sochinenii* [Collected works]: in 3 vols, St. Petersburg: Obshchestvo pamiati igumenii Taisii.

Статья поступила 12.07.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Коржова Елена Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, elenakorjova@gmail.com (Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 13—21
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.2

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 13—21
ББК 63.3(2)614-361
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.2

ДЕЛО МАРИИ ГРИЦЕНКО — КРЕСТЬЯНКИ, КОММУНИСТКИ: МОЛЧАНИЕ КАК ПРОТЕСТ

М. В. Кротова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, mary_krot@mail.ru

Предпринята попытка на основе ограниченных источников реконструировать особенности процесса вовлечения в политику неграмотной крестьянки Марии Гриценко и ее поведения в условиях Большого террора, разобраться в специфике стратегии молчания как протеста. Основой статьи послужили материалы архивно-следственного дела — справки, протоколы допросов, письма, которые стали важным источником по реконструкции не только биографии, «технологии» террора, но и стратегий поведения людей в ситуации выбора. Дело М. Гриценко дает возможность поставить несколько вопросов в историческом контексте: харбинцы и их особенности, формирование советского человека, роль женщины как хранительницы устоев, крестьянского и шире — российского менталитета. Используя антропоцентрический подход, можно вписать казус Марии Гриценко в контекст эпохи 1930-х гг., исследовать стремление женщины выразить себя, свои представления о справедливости.

Ключевые слова: крестьянка, коммунистка, возвращенцы, Харбин, Большой террор, архивно-следственные дела, менталитет, стратегия поведения, персональная история.

THE CASE OF MARIYA GRITSENKO, PEASANT WOMAN AND COMMUNIST: SILENCE AS PROTEST

M. V. Krotova

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg,
Russian Federation, mary_krot@mail.ru

This article is an attempt to reconstruct the involvement of an illiterate peasant woman Mariya Gritsenko into politics and her behavior during the Great Terror. Besides, the author tries to work it out if a specific strategy of silence could be a kind of protest. The research is based on a limited number of sources such as archival materials of investigatory files, references, interrogation records, correspondences. These turned out to be not only important sources

for the reconstruction of the biography, the practice of terror, but also for understanding the strategy of human's behavior in case of choice.

Mariya Gritsenko and her husband were "harbintsy" (Harbinese) — former employees of Chinese Eastern Railway (CER), who returned to the Soviet Union from Manchuria. They were away from Russia for almost 30 years, and were unable to adapt here. Their behavior did not fit in established Soviet Canon of slanders and defamations. At one party meeting Communist Mariya Gritsenko didn't take part in the condemnation of "the enemy of the people" — a person she knew in Harbin. This person was arrested and convicted as a Japanese spy.

Mariya Gritsenko's file gives an opportunity to ask some questions in historical context: "harbintsy" and their features, creation of the Soviet man, role of women as keepers of life foundations, concept of conscience as the base of peasant mentality, and broader — essence of Russia. In this article the author used the anthropocentric approach, which allowed to put Mariya Gritsenko's case in context of the 1930s epoch and research emotions, spiritual life and women's ambition to express themselves.

Key words: peasant woman, communist, returnees, Harbin, the Great Terror, investigatory files, strategy of behavior, mentality, personal history.

Постановка проблемы

В статье предпринята попытка на основе ограниченного круга источников реконструировать особенности процесса вовлечения в политику неграмотной крестьянки и ее поведения в условиях репрессий. Отдельно можно поставить вопрос об источниках создания персональной истории обыкновенной малограмотной российской женщины, которая смогла проявить себя только в критической ситуации, а именно во время ареста и следствия. По мнению И. Б. Орлова, «непрозрачность» социальной реальности определяет методологию «предпочтения косвенных свидетельств», не содержащих «осознанного представления о действительности» [Орлов, 2012: 39]. С. В. Яров, исследуя источники для изучения психологии российского общества, призвал обращать внимание на политический и идеологический подтекст документов, анализировать лексику и риторику источников [Яров, 2009: 7]. В этом отношении материалы допросов из архивно-следственных дел, с привлечением других документов, могут не только помочь разобраться в специфике периода Большого террора, но и отразить внутренний мир человека, проанализировать ситуацию индивидуального выбора.

Л. П. Репина, говоря о направлении «новая биографическая», или «персональная история», указала, что при таком подходе жизнь и судьба личности, формирование и развитие ее внутреннего мира используются для «прояснения социального контекста, а не наоборот» [Репина, 2010: 56]. Дело Марии Гриценко дает возможность поставить несколько проблем в историческом контексте, а именно: харбинцы и их особенности, пути формирования советского человека, роль женщины как хранительницы устоев, крестьянского и шире — российского менталитета. Антропоцентристский подход и возможности персональной истории позволяют сделать выводы более общего характера, вписать казус в контекст эпохи 1930-х гг., исследовать эмоции, духовную жизнь и стремление женщины выразить себя, свои представления о справедливости.

Дело Марии Гриценко

Мария Петровна Гриценко, 49 лет, работавшая кастеляншей в буфет-ресторане при Курском вокзале железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского, была арестована 21 августа 1937 г. в Москве. Материалы ее дела — анкеты, протоколы допросов, письма — являются составной частью огромного двухтомного архивно-следственного дела ее сослуживца Г. Л. Субботы, по которому проходило более сотни человек [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, 2]. В справке — основании для ареста — говорилось, что М. П. Гриценко «прибыла на территорию СССР из Харбина в 1933 г. вместе с мужем Гриценко Е. А. За время пребывания в Харбине имела широкие связи с агентами японо-китайской разведки, которым выдавала преданных советской власти работников из числа работников КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги. — М. К.). По прибытии в СССР, будучи беспартийной (на самом деле она была членом ВКП(б) с 1930 г. — М. К.), стала проявлять особый интерес к закрытым партийным собраниям, требуя от руководителей парторганизации допускать ее на закрытые партийные собрания, используя это в шпионско-разведывательных целях. Подлежит аресту» [там же, т. 1, л. 133].

Поводом для ареста послужил донос профуполномоченного Московско-Курской железной дороги А. М. Шнарского начальнику отделения дорожно-транспортного отдела Главного управления государственной безопасности Усову, написанный от руки, корявым слогом, с большим количеством ошибок, довольно типичный для того времени. Однако среди клишированных обвинений в нем прорывается удивление поведением Марии Гриценко, нехарактерным для советского человека, тем более коммунистки: «Доношу, что во время обсуждения на партсобрании ст. Москва-I врага народа Субботы (он был арестован 11 августа 1937 г. и на этом собрании исключен из партии. — М. К.) присутствовавшая при том член ВКП(б) Гриценко Мария, несмотря на то что обсуждение проходило 3 с половиной часа, все время сидела неподвижно и, несмотря на то что она его знает по совместной работе на КВЖД, *не выступила и не рассказала о нем ничего, сидела задумчиво*» (курсив мой. — М. К.) [там же, л. 141]. Именно эта фраза о молчании и задумчивости коммунистки Марии Гриценко во время партсобрания обратила на себя внимание и заставила присмотреться к ее делу.

Из анкетных данных, а также из ее писем можно узнать, что Мария Петровна Гриценко, 1888 года рождения, из крестьян, была уроженкой села Моршанка бывшей Самарской губернии. Отец — «молотобоец» (кузнец) — работал у кулака, она — уже с 8 лет — в няньках. Муж — Емельян Афанасьевич (в следственном деле — Афиногенович) Гриценко, 1881 года рождения — был безземельным крестьянином, окончил сельскую школу (в анкете указано — «малограмотный») и в 1903 г. уехал на заработки в Харбин, на КВЖД, где служил сначала стрелочником, затем багажным кондуктором. В 1906 г., когда Марии исполнилось 18 лет, она уехала в Маньчжурию, где они поженились в 1907 г. (брак был «вольный», не церковный) [РГИА, л. 15]. Она так и не получила никакого образования, была неграмотной. Сначала работала поденно чернорабочей, а с 1911 г. стала домохозяйкой. В 1933 г. М. П. Гриценко вернулась из Харбина в СССР с мужем и дочерью Валентиной. Они с мужем устроились на работу на Курском вокзале Москвы, где трудились до ареста.

На фотографии, сохранившейся в деле, Мария Гриценко выглядит усталой некрасивой женщиной средних лет с неприветливым выражением лица. Но то, как она держалась на протяжении всего следствия, не может не удивлять. Всегда тяжело читать протоколы допросов и наблюдать, как меняются показания подследственных уже через неделю-две после ареста, как ломаются люди, подписывая нелепые обвинения. Г. Л. Суббота, проходивший по этому делу, меньше чем через месяц после ареста, 8 сентября 1937 г., признался в шпионской работе и предательской деятельности, в том, что был «завербован в 1926 г. резидентом японской разведки», а также привел многочисленные списки «шпионов» из числа харбинцев [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, л. 15].

Показания допросов Марии Гриценко разительно отличаются от остальных. Следователь пытался сбить ее с толку однообразными вопросами, заставляя признаться в шпионской деятельности, подтвердить контрреволюционную работу знакомых по КВЖД. Она не понимала, чего от нее хотят. Протоколы подписывать отказывалась, говоря, что ни с одним пунктом обвинений не согласна [там же, л. 141—147]. Даже арест мужа 7 октября 1937 г., явно с целью давления на жену, не изменил ее позиции.

Поведение М. Гриценко резко контрастировало со всеобщей апатией, страхом, массовой истерией и доношением, которые овладели обществом. Возможно, это было инстинктивное противостояние отлаженной репрессивной системе. Она никак не вписывалась в образ врага народа, шпиона, вредителя, выбиваясь из общего ряда обвиняемых по делу. Муж — Е. А. Гриценко — также ни в чем не признался. В конце концов супруги Гриценко были обвинены в шпионаже в пользу Японии: «прибыли в Советский Союз по специальному заданию японских разведывательных органов» [там же, л. 167]. Мария Петровна и Емельян Афанасьевич Гриценко получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей, остальные участники процесса, признавшиеся во всех преступлениях, были приговорены к расстрелу [там же, л. 171—179].

В 1939 г. Мария Гриценко уже из лагеря написала прошение о пересмотре дела, настаивая на невиновности своей и мужа. В 1940 г. по ее заявлению дело было пересмотрено, лагерь хотели заменить ссылкой, но оставили приговор в силе. Уже отсидев свой срок, поселившись в г. Красный Кут Саратовской области, она разыскивала мужа, ничего не зная о его судьбе. В 1954 г. она подала заявление об установлении местонахождения мужа и получила официальный ответ: «Проверить по учетам 1-го Спецотдела МВД СССР мужа Гриценко Марии не представляется возможным». Правду о судьбе мужа ей так и не сообщили. В деле подколота справка: «Гриценко Е. А., 1881 г. р., умер 15 мая 1939 г. в Ухтижемлаге» [там же, л. 190].

Харбинский контекст

Особенностью дела Марии Гриценко было то, что она и несколько десятков человек, проходивших по этому делу, были определены как харбинцы — так называли не только бывших работников КВЖД, но и всех русских жителей Маньчжурии. Дело в том, что Китайско-Восточная железная дорога, построенная в конце XIX в. на территории Маньчжурии, привлекла в этот регион большое количество самых разных слоев российского общества — интеллигенцию, военных, рабочих,

крестьян со всех концов Российской империи. В Маньчжурию были привлечены огромные капиталы, но государственный контроль был гораздо слабее, существовала свобода предпринимательства. Низкие цены на продукты питания, возможности для торговли и хлебопашества, дешевая рабочая сила породили слухи о счастливой жизни в Маньчжурии, где жили «сытно и без забот».

Даже революция 1917 г. не особенно затронула обособленность КВЖД — «счастливую Хорватию», названную так по имени управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата. Здесь продолжали жить, уже под защитой китайских властей, как и прежде. В Харбине сохранялся дореволюционный быт и патриархальные нравы. Но в 1924 г., после заключения дипломатических отношений между СССР и Китайской республикой, КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление и советское влияние стало ощутимым. Это влияние затронуло широкие слои «старожилов» Маньчжурии и эмигрантов, бежавших туда после революции и Гражданской войны в России.

Советская пропаганда, которая велась посредством советских газет, профессиональных союзов, театральных постановок, кинопоказов, советских праздников, постепенно делала свое дело, заражая массы революционной энергией, осознанием сопричастности к великим событиям и целям, верой в народную власть. В харбинской просоветской прессе много писали о создании нового человека, который должен был обрести достоинство и самоуважение, о равенстве полов. Большинство рабочих и служащих КВЖД приняли («восстановили») гражданство СССР. Мария и Емельян Гриценко также подали заявления в Генеральное консульство СССР в Харбине и получили советское гражданство.

Советское политическое и культурное влияние в Северной Маньчжурии коснулось и женщин, особенно семейных, которые здесь традиционно не работали. На всех советских предприятиях Маньчжурии и на КВЖД были созданы женотделы («бабкомы»). Специально подготовленные пропагандистки организовывали женские кружки, где проводилась политучеба, обсуждались важные вопросы, женщин привлекали к благотворительной и политической работе [РГАСПИ, л. 85 об]. Мария Гриценко сообщила на одном из допросов — 29 августа 1937 г., что работала в женотделе станции Харбин, в 1927 г. подала заявление о вступлении в партию, в члены ВКП(б) была принята в 1930 г.: «Секретарь женотдела Карпенко Елена написала за меня заявление (была неграмотна). Муж тоже подал заявление, но в партию его не приняли» [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, л. 143]. Тогда же, видимо, Мария научилась писать и читать, во всяком случае, протоколы допросов 1937 г. были подписаны ею собственноручно.

Надо сказать, что широкое профсоюзное движение, развернувшееся в 1920-х гг. в Северной Маньчжурии, имело ощутимые результаты для рабочих КВЖД — повышение зарплат, улучшение условий труда, получение пенсий, медицинское и курортное обслуживание, предоставление казенных квартир, борьбу с безработицей. Однако работа в партийных, комсомольских и профсоюзных организациях Маньчжурии при ухудшении советско-китайских отношений была небезопасной. Члены профсоюза часто арестовывались китайской полицией за «пропаганду коммунизма» и попытку «свержения существующего строя» в Китайской республике [РГАСПИ, л. 86]. Профсоюзы существовали нелегально, вели подпольную работу. Все члены профсоюзов были разделены на «пятки», конспиративно собирались на частных квартирах, используя явки и пароли.

Партийная организация Северной Маньчжурии была частью Дальневосточной партийной организации, коммунисты руководили и профсоюзной организацией, которая охватывала практически всех работников КВЖД и служащих предприятий — советских граждан. Протоколы допросов Марии Гриценко демонстрируют ее активное участие в партийной и профсоюзной работе. Она подробно описала, как нелегально передавала литературу в профсоюзные организации, рискуя быть арестованной: «Привозили в мою квартиру на Сунгарийском проспекте по ночам в чемодане, указывали, по каким адресам разнести — по ячейкам, помогала дочь Антонина. Передавала литературу связистам по определенному паролю» [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, л. 144].

Документы харбинской партийной организации 1920—1930-х гг. подтверждают, что к нелегальной работе допускались лишь проверенные люди из партийного актива. То, что М. Гриценко выполняла ответственную работу, говорило об особом доверии к ней со стороны парторганизации, давало ей повод для гордости. В 1929 г. во время советско-китайского конфликта Мария была арестована в Харбине китайскими властями вместе с мужем, который в качестве багажного кондуктора нелегально провозил почту во Владивосток. Марию позже отпустили, но она осталась работать в тюрьме, чтобы помогать мужу вещами и продуктами. Емельян Афанасьевич был освобожден в результате подписания Хабаровского протокола между СССР и Китаем в декабре 1929 г., после чего опять вернулся работать на КВЖД и только в 1932 г. уволился по болезни, получал от КВЖД пенсию [РГИА, л. 13].

Возвращенцы

С 1932 г. СССР постепенно сдавал свои позиции в Маньчжурии. Оккупация Маньчжурии Японией, конфликты с японскими войсками, ухудшение финансового положения, резкое сокращение коммерческих перевозок подрывали работу КВЖД. Против советских граждан начались репрессии со стороны японской администрации. В 1933 г. супруги Гриценко решили вернуться в СССР. В это время в связи с оккупацией Маньчжурии Японией наблюдался массовый отток русского населения из Харбина: кто-то уезжал на юг Китая, в Америку, Австралию, но большая часть решила вернуться на родину, тем более что возвращение в СССР всячески поощрялось советским консульством, беспрепятственно выдавались въездные визы, оплачивался проезд и т. д. К тому же Советское государство гарантировало бесплатное образование для детей и устройство на работу для старшего поколения. В Советском Союзе для всех вернувшихся из-за границы существовал термин «возвращенцы».

Возвращение в СССР стало осознанным шагом («русский человек должен жить на своей, русской, земле»), но, видимо, обернулось потрясением для вернувшихся: слишком велик был контраст с образом жизни советских людей. Советская власть не доверяла им, считая, что «на долю прибывших из Северной Маньчжурии падает значительное число участков во вредительской, диверсионной и шпионской работе», что часть харбинцев, «крепко легализовавшись, может нанести значительный ущерб социалистическому строительству» [РГАСПИ, л. 88 — 88 об]. Разумеется, все возвращенцы были под пристальным наблюдением ОГПУ, они изначально считались чужаками, так и не ставшими своими в Советской России.

Л. Манчестер писала о культурном шоке вернувшихся харбинцев, которые по прибытии в СССР осознали, что «дореволюционные обычаи, традиции, ценности, в частности религиозность, сохранявшиеся в Харбине, в СССР были вырваны с корнем». Она также приводит свидетельство женщины из семьи старожилов Маньчжурии, чей отец — крестьянин по происхождению — стал коммунистом и советским гражданином в 1918 г. В 1932 г. в возрасте 15 лет она приехала с семьей в СССР и так описала свои впечатления: «Поняла, что незаметно и независимо от меня я впитывала харбинскую культуру, этику, благосопитанность, порядочность, презрение к трусости... в отличие от хамства, нечистоплотности, лживости, убожества, бескультурья, ограниченности советских людей» [Манчестер, 2013: 335]. Исследовательница предположила, что вернувшиеся харбинцы стали носителями иной, дореволюционной культуры, которая вошла в противоречие с советскими нормами и ценностями.

Супруги Гриценко не были на родине почти 30 лет. За это время в жизни страны произошли глобальные изменения. Трудно сказать, как восприняли Гриценко новую жизнь в Советском Союзе, но на основании свидетельств других возвращенцев можно предположить, что негативно. В архивно-следственных делах харбинцев содержатся доносы, передающие реакцию вернувшихся из Маньчжурии: «...выражал свое недовольство приездом в СССР, указывая, что... о материальных условиях рабочих только пишут, а на самом деле процветает голод, нищета»; «Здесь, в Советском Союзе, много красивых слов о заботе о человеке, а на деле наоборот»; «Нет ничего гнуснее, как хватать людей и сажать их за решетку. Советские тюрьмы заткнули за пояс китайские и японские тюрьмы кошмарными условиями и гнусным обращением с заключенными» [ГАРФ, оп. 1, д. П-68967, л. 12 об.; д. П-28086, л. 133, 134 об.]. Другие свидетельства говорят о том, что харбинцев возмущало не столько тяжелое материальное положение, проблемы с жильем, питанием, сколько изменившиеся люди и общая атмосфера в Советском Союзе 1930-х гг.

Положение Гриценко отягчалось личной трагедией: их дочь Валентина была убита в 1934 г. в вагоне поезда в Люблино [там же, д. П-54993, т. 1, л. 142].

Спасала солидарность возвращенцев: следственные материалы показывают, что вернувшиеся харбинцы старались держаться вместе, помогать друг другу, в частности при устройстве на работу — так на железной дороге им. Ф. Э. Дзержинского оказалось много знакомых по Харбину. Почти все они были арестованы летом 1937 г., когда начались массовые аресты в рамках «харбинской операции»: 19 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект, а 20 сентября НКВД был издан приказ № 00593, в котором были определены мероприятия по борьбе с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из числа харбинцев.

По подсчетам историков общества «Мемориал», в рамках этой операции было репрессировано более 30 тысяч человек [Хаустов, 2015:107]. Изучение архивно-следственных дел показывает, что практически все признавшиеся в шпионской деятельности были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу; отрицавшие свою вину получали, как правило, 10 лет лагерей, как супруги Гриценко.

В середине 1950-х гг. начались пересмотры дел. 28 марта 1956 г. Транспортная коллегия Верховного суда признала необоснованными предъявленные обвинения и объявила о прекращении дела № 3662 [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 2, л. 276].

Выводы

При осмыслении страшного русского XX века обращение к сюжетам, связанным с репрессиями, не случайно. Это связано с существующим сегодня в обществе запросом на живую, персонифицированную, личную историю. Материалы архивно-следственных дел — справки, протоколы допросов — могут быть важными источниками по реконструкции не только биографий, «технологии» террора, но и стратегий поведения людей в периоды смены нравственных ориентиров. Случай с Марией Гриценко является частной историей вовлечения необразованной крестьянской женщины в партийную и общественную жизнь, историей осознания себя как личности.

Важным обстоятельством дела М. Гриценко была ситуация возвращения в Советский Союз из Харбина, возникшая дистанция между представлениями о народном государстве и советской действительностью. Поведение вернувшихся харбинцев не вписывалось в сформировавшийся советский канон оговоров, доносов, шельмования по указке. Обычно в поле зрения ОГПУ оказывались подозрительные поступки, смелые реплики, однако, как оказалось, и выразительное молчание также было отступлением от одобренного властью поведения. В молчании видели хитрость, мимикрию, возможную неприязнь к происходившему. Власть, видимо, чувствовала опасность со стороны сохранившейся человечности и порядочности.

В отличие от эго-документов, материалы архивно-следственных дел специфичны: мы не можем знать, что думала о себе и о времени, в котором ей довелось жить, Мария Гриценко. Но уже своим молчанием, неучастием в общей травле, упорством в отрицании вины она продемонстрировала жизненную силу, нравственный стержень, разрушая миф о крестьянской покорности и терпении. Она таким образом выразила себя, свои представления о справедливости. Простая необразованная женщина оказалась сильнее многих мужчин, заставила систему считаться с собой, когда государственная машина наткнулась на странное упорство, инстинктивное сопротивление абсурду происходившего.

Дело Марии Гриценко подводит нас к осмыслению феномена совести как главного компонента народных представлений, крестьянской ментальности, которую не смог уничтожить советский эксперимент. Представляется, что именно совесть — иррациональная, внеидеологическая и внеполитическая категория — позволила нашей стране выжить и сохраниться.

Библиографический список

- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10035.
Манчестер Л. Носители дореволюционных традиций становятся советскими гражданами: возвращение русских из Китая // *Человек и личность в истории России, конец XIX — XX век.* СПб.: Нестор-История, 2013. С. 329—344.
Орлов И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.: Науч.-исслед. ун-т ВШЭ, 2012. 191 с.
РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 120. Д. 84.
РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 323. Оп. 9. Д. 1271.

- Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М.: Квадрига, 2010. С. 55—74.
- Хаустов В. Н. Японская операция НКВД 1937—1938 гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма: новые факты и интерпретации. М.: РОССПЭН, 2015. С. 106—118.
- Яров С. В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. 430 с.

References

- Iarov, S. V. (2009) *Istochniki dlia izucheniiia obshchestvennykh nastroyenii i kul'tury Rossii XX veka* [Sources for the study of social attitudes and culture of Russia of the XX century], St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Khaustov, V. N. (2015) *Iaponskaia operatsiia NKVD 1937—1938 gg.* [Japanese operation of NKVD in 1937—1938 years], in: *Politicheskie i sotsial'nye aspekty istorii stalinizma: Novye fakty i interpretatsii* [Political and social aspects of the history of Stalinism: New evidence and interpretations], Moscow: ROSSPĒN, pp. 106—118.
- Manchester, L. (2013) *Nositeli dorevoliutsionnykh traditsii stanoviat'sia sovetskimi grazhdanami: vozvrashchenie russkikh iz Kitaia* [Bearers of pre-revolutionary traditions become Soviet citizens: the return of Russians from China], in: *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX — XX vek*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 329—344.
- Orlov, I. B. (2012) *“Chelovek istoricheskii” v sisteme gumanitarnogo znaniia* [Historical person in the system of humanistic knowledge], Moscow: Nauchno-issledovatel'skii universitet “Vysshaia shkola ekonomiki”.
- Repina, L. P. (2010) *От “истории одной жизни” к “personal'noi istorii”* [From “one’s life history” to “personal history”], in: *Istoriia cherez lichnost': Istoricheskaia biografiia segodnia*, Moscow: Квадрига, pp. 55—74.

Статья поступила 01.11.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кротова Мария Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, mary_krot@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 22—28
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.3

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 22—28
ББК 74.03(2)53-422
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.3

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На примере Мариинской бурятской женской школы)

А. Э. Алтаева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ, Россия, raltaeva@mail.ru

Анализируется становление системы женского образования в Бурятии во второй половине XIX — начале XX в. Приводятся сведения об инициаторах строительства первой сельской женской школы в Сибири. Известно, что меценат М. М. Ашедуев, его супруга М. Ашедуева, народный учитель Н. С. Болдонов сыграли важную роль в социально значимом начинании. Исследование показало, что бурятская женщина XIX в. смогла успешно проявить себя в инновационной общественной деятельности.

Ключевые слова: первые школы для бурятских девочек, женское образование, бурятские меценаты, сподвижники.

THE FORMATION OF FEMALE EDUCATION IN BURYATIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX c. (On the example of the Buryat Mariinsky female school)

A. E. Altaeva

East-Siberian State Institute of Culture,
Ulan-Ude, Russian Federation, raltaeva@mail.ru

The article analyzes the formation of the system of female education in Buryatia in the second half of XIX — early XX c. Presented is the information on the initiators of the first rural women's school construction in Siberia. It is known that patron M. M. Asheduev, his wife M. Ashedueva, national teacher N. S. Boldonov played an important role in the socially relevant initiative. The study showed that the Buryat women of the nineteenth century were able to successfully realize their potential in innovative social activities.

Key words: the first Buryat school for girls, women's education, Buryat patrons, associates.

Любое общественное начинание на первоначальном этапе формируется под влиянием различных факторов. Перемены второй половины XIX в. в области экономики, финансов, внешней и внутренней государственной политики, работа просветителей и многое другое актуализировали необходимость развития женского образования, принятия мер для его выхода из привилегированного круга.

В Российской империи начало преобразованиям в указанной сфере положил доклад министра народного просвещения, одобренный императором Александром II. Именно после этого в российских городах стали открываться первые школы, доступные для девочек из разных социальных слоев. Почетным попечителем таких учебных заведений был губернатор, в обязанности которого входило содействие развитию женского образования в регионе [Хабалева, 2017: 104].

В русле европейских и общероссийских прогрессивных тенденций в бурятском обществе также проявился интерес к женскому образованию. С учетом региональной специфики и мест проживания закономерно, что становление системного женского образования у бурят начиналось в сельских школах. Первым учебным заведением для бурятских девочек было открытое в 1862 г. Идинское училище, где обучалось до 25 человек [Дондокова, 2008: 94].

Большую известность получила Мариинская бурятская женская школа. Сведения о школе имеются в различных источниках: «Истории Бурят-Монгольской АССР» (1951 г.) под редакцией А. П. Окладникова; исследовательских трудах В. И. Андреева, И. А. Маланова, Л. Ю. Дондоковой, Н. Д. Павловой и других; публикациях в периодической печати, например, краеведа М. П. Данчиновой, ученицы 10-го класса новонкутской средней школы О. А. Трусковой; интернет-ресурсах. Из этих источников известно следующее. Согласно существовавшим в стране правилам для реализации любого начинания необходимо было заручиться поддержкой какого-нибудь общества или организации. Поэтому в феврале 1867 г. глава зунгарского рода Михаил Михайлович Ашедуев обратился к родовому собранию (суглан) с просьбой дать общественное одобрение идее строительства школы для девочек. Глава рода пользовался большим авторитетом и уважением. Это видно из полученного им ответа, в котором жители не только поддержали его начинание, но и поручились за М. М. Ашедуева, обещая в случае возникновения непредвиденных обстоятельств взять на себя расходы по содержанию школы [Трускова, 2014].

В соответствии с действующим в Российской империи регламентом правовой процедуры формирования и деятельности подобных учебных заведений после получения общественного одобрения М. М. Ашедуев в марте того же года подал директору народных училищ Иркутской губернии прошение о разрешении открыть в улусе Зунгар Балаганского ведомства женскую школу. О том, что М. М. Ашедуев понимал значимость женского образования, свидетельствует тщательно продуманное обоснование просьбы: он писал, что успехи и грамотность детей зависят от влияния матерей [там же].

Учитывая обычаи и особенности быта, разбросанность жилищ на дальних друг от друга расстояниях, он предусмотрел открытие при школе пансионата. Так, в условиях практиковавшегося в России общественного и частного финансирования образования, сдерживающих гендерные предубеждения, М. М. Ашедуев как щедрый меценат вызвался содержать школу за собственный

счет в течение восьми лет и обеспечивать 12 приезжим ученицам проживание в пансионате, а также расходы на питание и одежду. Это, несомненно, меняло стереотипы в обществе, открывало дорогу к школьному образованию способным девочкам из непривилегированных слоев общества.

Школа располагалась на берегу реки Одисса, правого притока Ангары. Начало работы данного учебного заведения стало значимым событием. На торжестве, помимо организатора и содержателя М. М. Ашедуева и его супруги, присутствовали глава (тайша) Балаганского ведомства Осип (Иосип) Жербаков, представитель от губернской администрации — смотритель училищ Иркутского округа, почетные члены общества, родители учениц и местные жители [Павлова, 2016: 23].

В стандартную программу школьного образования входили: Закон Божий, русский язык, грамматика и словесность, арифметика, чистописание. Уделялось внимание преподаванию Священной истории, истории и географии России и др.

Супруга мецената Моксон Ашедуева активно поддержала это начинание, проявив желание работать воспитателем в пансионате. Выпускница привилегированного Иркутского девичьего института, она владела не только русским, но и несколькими иностранными языками, что вполне соответствовало требованиям Российской империи, предъявляемым к воспитателям в подобных пансионатах. Откликнувшись на предложение мужа, она проявила себя его единомышленницей и соратницей. Директор зунгарской школы Нина Даниловна Павлова (1993—2000 гг.), лауреат губернаторской премии Иркутской области 2014 г. в номинации «За творческий вклад», пишет, что сама идея создания женской школы созрела не без участия М. Ашедуевой, и называет ее «первой просветительницей» среди бурят [там же].

Взаимная поддержка супругов, вера в успех нового общественного дела говорят об их гражданской зрелости и ответственности перед обществом. При этом с самого начала в учебно-воспитательном процессе была поставлена довольно высокая планка. Мариинская школа имела также практическое направление в деле подготовки девочек к взрослой семейно-бытовой жизни и эстетический уклон. Наряду с общеобразовательными дисциплинами, преподавались основы грамотного ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, делопроизводства, бухгалтерского учета. Серьезное внимание уделялось физической культуре, музыке, рисованию, танцам [Данчинова, 1991].

Известно имя и первого учителя. Николай Семёнович Болдонов, энтузиаст народного просвещения, известный учитель, исследователь, автор первого бурятского словаря, проработал в зунгарской женской школе только один год. Его присутствие было важно на первоначальном этапе, но и в дальнейшем Н. С. Болдонов принимал активное участие в решении многих вопросов, особенно в организации методической помощи [Павлова, 2016: 23].

Пользуясь правами старосты, М. М. Ашедуев обязал мужчин построить в ограде школы несколько домов для учителей, а женщин поочередно убираться в ней. Можно сказать, что без поддержки населения он не смог бы осилить новое для традиционного общества дело. При этом к строительству староста подошел очень основательно. Так, листовничный лес для будущей школы заготавливали особым способом, тщательно выбирая одинаковые по размеру бревна. Благодаря

такой технологии здание до сих пор эксплуатируется и представляет собой ценный культурно-исторический памятник.

О стратегическом мышлении, предпринимательских способностях и инициативности М. М. Ашедуева свидетельствует то, что для обучения девочек он договорился с уездным начальством оставлять в Зунгаре образованных людей из политических ссыльных, которых по Балаганскому тракту отправляли на каторгу. Таким образом М. М. Ашедуев нашел для школы механика, бухгалтера и врача, который учил детей латинской грамоте. Кроме школы, староста построил в Зунгаре магазин, православную церковь и мельницу [Данчинова, 1991].

Примечательно, что с течением времени обстоятельства строительства школы и многое другое стали источником создания в народе разных легенд, в которых уже невозможно отделить правду от вымысла. История школы интересует и современное поколение школьников. Сохранившуюся легенду изложила ученица 10-го класса новонукутской средней школы О. А. Трускова в статье для местной газеты [Трускова, 2014]. Краевед М. П. Данчинова рассказала следующее. Спустя некоторое время после открытия школы на М. М. Ашедуева написали донос, в котором утверждалось, что для расчета с учителями он использует поддельные монеты. Одновременно поступило ходатайство губернатора о награждении М. М. Ашедуева орденом. На своих лошадях староста срочно выехал в столицу (по другим источникам — в Иркутск), где было установлено, что монеты хоть и самодельные, но из чистого золота. После разбирательства М. М. Ашедуев получил из рук царя награду и право беспошлинной торговли. Вернувшись, он отправил двух доносчиков на Сахалин. А школа после этого происшествия стала церковно-приходской и сменила источник финансирования [Данчинова, 1991].

Закономерно, что за свою длительную историю школа в Зунгаре неоднократно реорганизовывалась и переименовывалась, менялись источники ее финансирования. Так, в 1874 г. она была объединена с Нукутским бурятским приходским училищем и функционировала как его женское отделение, в 1889 г. вновь сформирована как самостоятельное женское учебное заведение с переводом в улус Тыреть [Дондокова, 2008: 94]. В 1894—1895 гг. она была уже Тихоновской миссионерской церковно-приходской школой [Павлова, 2016: 23].

Тем не менее Мариинская школа для бурятских девочек являлась ведущей. Развиваясь, она со временем стала смешанной, оставаясь при этом важным культурным центром. Следуя ее примеру, стали открываться женские отделения при других бурятских приходских училищах. Кроме этого, происходили позитивные перемены и в среднем профессиональном женском образовании. В Иркутске, Троицкосавске и Верхнеудинске на базе женских школ были открыты женские прогимназии. Но среди учащихся бурятские девочки составляли незначительное количество [Дондокова, 2008: 95].

Относительно обеспеченности школы учебным материалом необходимо сказать следующее. Несмотря на то что снабжение учебной литературой миссионерских школ в отличие от школ государственных финансировалось хуже, так как вторые получали ее в централизованном порядке по каналам своих ведомств, школа в Зунгаре в начале XX в., как известно, приобретала центральные

журналы «Родина», «Нива», «Сельский вестник», а также приложение к «Иностранной литературе».

К 1914 г. школа заслуженно пользовалась хорошей репутацией, была положительно отмечена попечителем харьковского учебного заведения П. Соколовским. В опубликованном отчете по результатам его инспекционной поездки в 1913 г. по Восточной Сибири и Дальнему Востоку школа в Зунгаре была упомянута наряду с учебными заведениями Красноярска, Иркутска, Верхнеудинска (Улан-Удэ), Читы, Кяхты и др. Отметим, что из всех сельских школ региона была представлена только зунгарская. В ее деятельности особо подчеркивались такие моменты, как забота о физическом здоровье школьников, наличие приборов и городков для гимнастических упражнений, оборудованных учителем Василием Петровым для жителей четырех улусов, и даже собственной бани (см.: [Павлова, 2016: 24]).

Вполне закономерно, что благотворительная деятельность М. М. Ашедуева была отмечена высокой государственной наградой. В «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1878 г. написано, что он является достойным старостой, имеющим уже две медали за полезные и похвальные дела, как например устройство женского инородческого училища [там же: 23]. Его плодотворная общественная деятельность оставила добрую память. Даже спустя несколько десятилетий после смены государственного строя, после неоднократных реформ в образовании, изменения отношения в обществе к деятельности меценатов М. П. Данчинова, обращая внимание на историю этой уникальной школы и личность ее основателя, писала о мудром решении М. М. Ашедуева [Данчинова, 1991].

Делая краткий обзор развития женского образования, следует отметить, что в 1911 г. в начальных школах Иркутской губернии обучалось 3249 бурятских детей, в том числе 642 девочки. В Агинском аймаке на 25 июня 1917 г. из 7947 детей школы посещали только около 300, в их числе 30 девочек [Дондокова, 208: 95].

В наши дни традиции Мариинской школы получили продолжение. В 2013 г. в Улан-Удэ было открыто первое специальное образовательное учреждение для девочек. В основе его создания лежит идея о том, что, опираясь на опыт прошлого, современная Республиканская Мариинская школа-интернат для девочек должна стать классическим образовательным учреждением Бурятии, работающим на благосостояние общества.

Что касается первых выпускниц Мариинской бурятской женской школы улуса Зунгар, то эти девочки, став взрослыми, передавали тягу к знаниям своим дочерям. Следующее поколение женщин достигло уже значимых качественных результатов в общественно-профессиональной деятельности. Так, преемственность наиболее ярко подтверждается судьбой выдающейся бурятской женщины Н. О. Шаракшиновой. В успехе деятельности Надежды Осиповны, отмеченной несколькими отечественными и зарубежными правительственными наградами, большая заслуга принадлежит ее матери. Она рано потеряла мужа — Осипа Ивановича, преподавателя старомонгольской письменности Казанского университета, но, оставшись одна с двумя маленькими детьми, неутомимая труженица и мудрая Авдотья Васильевна научила детей ведению домашнего хозяйства и стремилась всеми силами дать им хорошее образование [Болходонов, 2010: 65].

Поступательное развитие процесса, начатого М. М. Ашедуевым, привело к тому, что бурятские женщины стали успешно заниматься общественно-профессиональной деятельностью. По сведениям С. Я. Ербановой, к лету 1917 г. учителями работали А. Хазагаева, Халматова, А. Чайванова, В. Егорова, Терентьева, Н. Шаракшинова, Е. Трубачеева и другие [НАРБ]. После окончания Иркутской фельдшерской школы, курсов Императорского повивально-гинекологического института (клиника профессора Отто) фельдшером в Агинском ведомстве и Монголии трудилась В. В. Вампилова [Решетов, 1998: 15—16]. В качестве медработников принимали участие в войне 1914 г. девушки-бурятки В. Егорова, А. Чайванова, Манзанова и другие [Ильин, 2010: 208].

Таким образом, усилия первых энтузиастов не только позволили преодолеть различные сдерживающие факторы в становлении женского образования, но и легли в основу его формирования как системы. Подвижническая деятельность М. М. Ашедуева, его соратников и единомышленников способствовала позитивным изменениям в обществе. Благодаря созданной ими Мариинской бурятской женской школе на фоне сплошной безграмотности социальных низов появились образованные женщины с новым мировоззрением. Это поколение, преодолевая различные барьеры, постепенно изменило мнение общества о женском образовании, доказало, что женщина способна успешно реализоваться в общественно-профессиональной деятельности и, как следствие, повысить свой статус в обществе.

Важно добавить, что 14 декабря 2017 г. знаменитая школа отметила свой 150-летний юбилей.

Библиографический список

- Болходонов К. Б. Дорогие мои земляки. Улан-Удэ: ЭДО Пабблишинг, 2010. 168 с.
- Данчинова М. Школа мудрого дарги // Бурятия. 1991. 22 октября.
- Дондокова Л. Ю. Статус женщины в традиционном бурятском обществе (вторая половина XIX — начало XX в.). Улан-Удэ: Бурят. гос. с.-х. акад., 2008. 208 с.
- Ильин А. Лидия Егорова, председатель Госплана БМАССР (Бурятии) // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2010. Т. 2. С. 208—209.
- Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.
- НАРБ (Национальный архив Республики Бурятия). Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
- Павлова Н. Д. Зунгар, откуда я родом. Иркутск: Тип. на Чехова, 2016. 184 с.
- Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // Orient: альманах. СПб.: Утпала, 1998. Вып. 2—3: Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 15—16.
- Трускова О. А. Первая школа для бурятских девочек была построена в деревне Зунгар // Окружная правда. Иркутск, 2014. 9 января. URL: <http://baikal-info.ru/region/2014/01/003001.html> (дата обращения: 01.09.2017).
- Хабалева Е. Н. Эволюция системы начального и среднего женского образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.: (на примере Орловской губернии) // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 103—109.

References

- Bolkhodonov, K. B. (2010) *Dorogie moi zemliaki* [My dear countrymen], Ulan-Ude: Élektronnyĭ dokumentooborot Publishing.
- Dondokova, L. Iu. (2008) *Status zhenshchiny v traditsionnom buriatskom obshchestve (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [The status of women in traditional Buryat society (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)], Ulan-Ude: Buriatskaia gosudarstvennaia sel'skokhoziaĭstvennaia akademiia.
- Il'in, A. (2010) Lidia Egorova, predsedatel' Gosplana BMASSR (Buriatii) [Lidia Egorova, Chairman of the State Planning Committee of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic (Buryatia)], in: *Vydaiushchiesia buriatskie deiateli*, vol. 2, Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 208—209.
- Khabaleva, E. N. (2017) Évoliutsiia sistemy nachal'nogo i srednego zhenskogo obrazovaniia v Rossiĭskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: (Na primere Orlovskoi gubernii) [The evolution of the system of primary and secondary education for women in Russian Empire in the second half of the XIX — the beginning of the XX c.: (On the example of Orel province)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 103—109.
- Kudriavtsev, F. A. (1940) *Istoriia buriat-mongol'skogo naroda (ot XVII v. do 60-h godov XIX v.)* [History of the Buryat-Mongolian people (from the XVII c. to the 60s years of the XIX c.)], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Pavlova, N. D. (2016) *Zungar, otkuda ia rodom* [Zungar, where I come from], Irkutsk: Tipografiia na Chekhova.
- Reshetov, A. M. (1998) Nauka i politika v sud'be Ts. Zh. Zhamtsarano [Science and politics in the fate of C. J. Jamtsarano], in: *Orient: Al'manakh*, iss. 2—3, St. Petersburg: Utpala, pp. 15—16.

Статья поступила 14.10.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Алтаева Алина Эдуардовна — соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры этнологии и народной художественной культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия, raltaeva@mail.ru (Applicant of an academic degree of the Candidate of Historical Sciences at the Department of Ethnology and National Art Culture, East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 29—41
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.4

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 29—41
ББК 87.3(2)53
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.4

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Н. Н. Козлова

Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, tver-rapn@mail.ru

Статья посвящена осмыслению женского вопроса российскими консерваторами XIX — первой половины XX в. в соответствии с четырьмя измерениями: методологическим, институциональным, культурным, цивилизационным. Рассмотрены представления мыслителей о природе и социальных ролях женщин, проанализировано влияние этих представлений на их трактовку таких феноменов, как власть, политика, государство. Выявлены модели идеальной женственности в концепциях российских консерваторов.

Ключевые слова: женский вопрос, консерватизм, самодержавие, семья, публичная и частная сферы.

WOMEN'S QUESTION IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE THOUGHT OF THE XIX — EARLY XXc.

N. N. Kozlova

Tver State University, Tver, Russian Federation, tver-rapn@mail.ru

The article is devoted to understanding women's question within Russian conservative thought of the XIX — first half of the XX c., using four dimensions: the methodological, institutional, cultural, civilization. The author analyzes conservative ideas on nature and social roles of women as well as the impact of these ideas on interpretation of such political phenomena as power, politics and state. The article attempts at describing a model of ideal femininity from the Russian conservatives point of view.

Key words: women's question, conservatism, autocracy, family, public and private spheres.

Постановка проблемы и ее научная разработанность

Одной из центральных проблем современного социогуманитарного знания является поиск концептуальных моделей, обеспечивающих стабильное и инновационное развитие общества. Гендерная система российского социума отличается противоречивостью ценностных ориентаций относительно включения женщин в сферу политического. В публичном дискурсе присутствуют, с одной стороны, идеи о необходимости достижения гендерного социально-политического баланса, опирающиеся на официально закрепленные в Конституции РФ демократические принципы равенства полов, с другой — представления о традиционной женственности, прославление женщины как матери, супруги, подруги выдающихся мужчин, апеллирующие к исторически сложившимся ценностям русской культуры. В последние годы, считает С. Г. Айвазова, вторая тенденция в России набирает силу и очевидными становятся «негативные метафоры гендерного дискурса» [Айвазова, 2017: 4].

Современный отечественный традиционализм базируется на ценностных основаниях консерватизма XIX — первой половины XX в. В связи с этим актуально обращение к политической философии российского консерватизма данного периода для того, чтобы проанализировать представления мыслителей о природе и социальных ролях женщин, рассмотреть их влияние на интерпретацию понятий «политика», «власть», «государство». Исходя из того, что российские консерваторы сформулировали базовые принципы отечественной политической системы с учетом специфики ее национальной культуры, можно сказать, что они дали своего рода «русский ответ» на женский вопрос в России.

Источниковую базу исследования составили произведения российских консерваторов XIX — первой половины XX в.: Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. С. Уварова, К. П. Победоносцева, К. Н. Леонтьева, М. О. Меншикова, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича и других.

В западном и отечественном социогуманитарном знании нет специальных трудов, посвященных исследованию женского вопроса российскими консерваторами указанного периода. Взаимосвязь гендерных характеристик и механизмов формирования национальной идентичности рассматривается в работах О. А. Здравомысловой [Здравомыслова, 2000], Т. Е. Осипович [Осипович, 1998], О. В. Рябова [Рябов, 1997, 1999, 2001]. В исследованиях О. А. Ворониной [Воронина, 2000], Н. М. Ковальчук [Ковальчук, 2009], Л. В. Полякова [Поляков, 1993] анализируются точки зрения русских философов на проблему социального статуса женщин.

Осмысление женского вопроса российскими консерваторами затрагивается исследователями в рамках анализа дебатов о назначении женщины в периодической печати во второй половине XIX в. между представителями различных политических сил [Айвазова, 1991; Тишкин, 1984; Юкина, 2007]. В трудах советских историков взгляды консервативных мыслителей характеризовались как крайне ретроградные и реакционные [Бильшай, 1959; Вишневская, 1957]. В современной науке наблюдается переоценка идей отечественного консерватизма [Бобровник, 2001; Карченкова, 2004; Костюкевич, 2003; Прохорова, 2009; Шабалкина, 2007].

Для решения поставленной в статье задачи необходимо рассмотреть несколько тесно взаимосвязанных сторон политической философии отечественного консерватизма XIX — первой половины XX в., совокупность которых может быть классифицирована в соответствии с четырьмя основными измерениями: методологическим, институциональным, культурным, цивилизационным.

Методологическое измерение

Теологический и органический подходы выступили методологическими основаниями российского консерватизма XIX — первой половины XX в. Концептуальное осознание общества как единого органического целого обусловило интерпретацию мыслителями социальных ролей мужчин и женщин в рамках биологического эссенциализма как взаимодополняемых, асимметричных. Рассматривая представления консерваторов о женской природе, можно утверждать, что они являлись основополагающими для конструирования границ социального бытия женщин. Сопоставляя интеллектуальные, моральные, физические качества женщин и мужчин, консерваторы делали вывод, что данные свойства в мужской природе выражены в большей степени, чем в женской. М. О. Меньшиков утверждал: «Мужчины, как пол господствующий, сильный, ученый, умный, — они бесспорный авторитет для женщины» [Меньшиков, 1994: 122—123]. Опираясь на христианское учение о власти и о браке, консерваторы ограничивали жизнедеятельность женщин приватной, семейной сферой. К. П. Победоносцев указывал, что «не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней хранине и в жизни, без слов служащей для всех живым примером» [Победоносцев, 2011: 525]. Отсутствие у женщин необходимых для выполнения политической деятельности свойств, опасность утраты «вечно женственного», ущерб от всего «сверхпрозаического», «сверхтрезвого» блокировали их выход в политическое пространство. И. А. Ильин писал: «Женщину не следует вовлекать во все страсти, пошлости и интриги политической жизни, ибо женщина имеет лучшие и интимнейшие задания, драгоценные для государства» [Ильин, 1994: 485]. При этом российские консерваторы XIX — первой половины XX в. осуждали мизогинизм (женоненавистничество) П. Ж. Прудона, О. Вейнингера, П. Мебиуса, Л. Н. Толстого. И. Л. Солоневич полагал, что «должны быть установлены какие-то правила литературно-общественного приличия, не допускающие клеветы на наших матерей, жен, сестер и дочерей... Функции у нас и у женщин несколько разные. Но я не знаю, что почетнее и что труднее: давать ли миру тракторы и пулеметы или давать миру новых людей. Я предпочитаю людей» [Солоневич, 1997: 255—256].

Институциональное измерение

Анализируя институциональное измерение политической философии российского консерватизма XIX — первой половины XX в., важно отметить, что философы трактовали политику как деятельность исключительно царствующей династии, опирающейся на состоявших на императорской службе государственных мужей. Идея несовместимости «женского» с политической

сферой гармонично сочеталась с выработанной консерваторами моделью российской политической системы, основанной на триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Сфера политического осмысливалась философами как отеческий порядок правления, фундированный принципом андроцентризма.

Тем не менее, осмысливая правление в XVIII в. российских императриц, консерваторы предложили не только критическую, но и апологетическую трактовку женского царствования. Впервые развернутая легитимация женского правления была предложена Н. М. Карамзиным, который в работе «Историческое похвальное слово Екатерине II» создал образ императрицы-матери. Он сфокусировал внимание на гуманном характере политики Екатерины II, связав его с фемининными качествами [Карамзин, 2010: 160, 213]. Последующие мыслители консерваторы дополнили образы императриц позитивными чертами. В частности, А. С. Шишков охарактеризовал правление Екатерины как «кроткое» и «славное», поскольку полагал, что императрица «вознесла Россию на верх величия и славы» [Шишков, 2010а: 361]. П. А. Вяземский восхвалял Екатерину, поскольку «она искренно и крепко оперлась на народ» [Вяземский, 2010: 385]. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев подчеркнул положительную роль императрицы в деле освобождения дворян от несения военной службы [Победоносцев, 1923: 523]. К. Н. Леонтьев позитивно оценивал деятельность Екатерины II, потому что она привела Россию к расцвету культуры [Леонтьев, 2010а: 50]. Л. А. Тихомиров обратил внимание на глубокие веровательные установки православных императриц [Тихомиров, 2010: 320]. Таким образом, консерваторы положительно оценивали женское правление за приверженность к основным принципам отечественной политики, за соблюдение русской национальной культуры.

Сторонники критической позиции подчеркивали нелегитимный характер власти императриц. Фаворитизм мыслители интерпретировали как выражение неспособности женщин самостоятельно реализовывать политическую власть. В частности, И. А. Ильин писал: «Императрица Елизавета Петровна и императрица Екатерина не были свободны от своих заговорщиков и от ведомого ими сословия и поэтому не имели всенародной социальной идеи» [Ильин, 1993: 280]. Он сомневался в законности оснований подобной власти: «...императрицы Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Алексеевны — были не то “избраны”, не то “провозглашены”, не то возведены на трон дворцовым переворотом» [Ильин, 1994: 431]. И. Л. Солоневич негативно оценивал правление Екатерины II, которую он считал всего лишь «случайной вывеской на пустом престоле» [Солоневич, 1991: 225], мелкой немецкой принцессой, ставшей путем мужеубийства и цареубийства... куклой в руках тех людей, которые несли ее и на кровать, и на престол» [Солоневич, 2001: 327].

В концепциях консерваторов институт самодержавия базировался на выстраиваемой на авторитете власти отца патриархальной семье. Конструирование семьи и политики предполагало принцип изоморфизма, закладывая таким способом одинаковые основания функционирования политической и частной жизни. Мыслители ограничивали сферу бытия женщин, опираясь на идеи христианства: «Муж да будет главою жены, как Христос глава Церкви». К. П. Победоносцев высказывал точку зрения, что в семье власть может принадлежать

исключительно одному человеку: «Глава семьи или дома представляется естественным распорядителем и руководителем для остальных членов семьи» [Победоносцев, 2003: 9].

Одновременно в обязанности женщин вменялось осуществление важных ролей по организации семейной жизни, что создавало условия для установления относительного равновесия мужских и женских ролей на микроуровне. Опираясь на христианскую концепцию брака, мыслители подчеркивали важность равенства супругов «в духе, единство в чувствах веры, в нравственных убеждениях, в понимании добра» [Аксаков, 1995: 406], а не в правах. П. А. Вяземский, описывая в произведении «Московское семейство старого быта» распределение власти в семье Оболенских, указывал: «В семействе и в хозяйстве княгиня была князь и домоправитель, но без малейшего притязания на это владычество... Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточием, душою, любовью» [Вяземский, 1984: 364].

Культурное измерение

Выделяя культурный аспект политической философии российских консерваторов, необходимо обратиться к концептуальному осмыслению ими вопросов, связанных с религией, литературным языком. Они подразделяли литературу на высокую и низкую, соотнося ее с публичной и приватной сферами. Официальная литература, т. е. язык «героев и богов» [Шишков, 2010b: 276], была предназначена только для публичной/мужской сферы. А. А. Алексеев, рассматривая значение женского фактора в деятельности литературных сообществ «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова», подчеркивает, что «и Карамзин, и Шишков видят в женщинах носительниц разговорной стихии» [Алексеев, 1984: 90]. Консерваторы расценивали женское сообщество высшего света как целевую группу для передачи собственных убеждений и выступали за вовлечение женщин в творчество, связанное с русской словесностью. Они отводили женщинам важную роль в деле образования и воспитания детей в рамках русской национальной культуры.

В политических доктринах российских консерваторов XIX — первой половины XX в. можно выявить различные модели женственности: от позитивных («богатырши», «русские православные женщины») до негативных («женщины-революционерки», «новые женщины», «светские львицы», «женщины-политики»). Главная для консерваторов модель женственности — «русская православная женщина» — базировалась на ценностях православного христианства и соотносилась с образом Богородицы. К. П. Победоносцев указывал, что «чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места Девы» [Победоносцев, 2010b: 487]. В эссе, посвященных женщинам высшего света, обер-прокурор акцентировал внимание на таких их христианских добродетелях, как душевная красота, терпение, скромность и т. д. [Победоносцев, 2010a: 136—139, 145—163].

К. Н. Леонтьев приветствовал женское религиозное движение: «...если мы признали, что вера чистосердечная (женская и народная) полезна даже и в те времена, когда передовые мужчины охладевают к религии, то в такую эпоху,

когда, напротив, у этих передовых мужчин начинает замечаться отвращение к рационализму и безбожию и является поворот к вере, — женская религиозность своей беззаветностью и симпатичностью может удесятерить возрастание религиозных сил в целом обществе нашем» [Леонтьев, 2010b: 596—597]. Леонтьев считал необходимым увеличение количества женских монастырей.

Негативные черты в концепциях консерваторов женственность обрела в связи с проявлением так называемой женской власти, пользуясь которой, женщины манипулируют мужчинами, «своим бабьим властолюбием подавляют и губят в мужчине творческий потенциал» [Ильин, 1998: 487]. Мыслители осуждали «волю к власти» женщин, полагая, что тем самым они отказываются от исполнения роли жены и матери. Н. М. Карамзин раскрыл обреченность публичной миссии «Катона» Новгородской республики Марфы-посадницы, ее недалёковидность как политика: новгородская жена не понимала, в отличие от московского князя Иоанна, что «народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной» [Карамзин, 1964: 680]. Известная публичная персона Жермена де Сталь (личный враг Наполеона) для С. С. Уварова стала образцом новой женщины. Считая политику мужским делом, он с иронией высказался о политическом творчестве писательницы. Характеризуя стиль ее произведений, С. С. Уваров указывал, что он «является отпечатком, если можно так выразиться, и воплощением мужественности ее мышления» [Уваров, 2010: 529]. При этом он отмечал отсутствие автономии мадам де Сталь в создании произведений общественно-политической направленности: «Влияние господина Шлегеля на мадам де Сталь было слишком велико» [там же: 524]. В биографическом очерке о Софье Перовской Л. А. Тихомиров создал образ революционерки как неженственной особы. Описывая детские годы С. Перовской, он подчеркивал: «Кукол она не любила, не играла ими никогда, ея игры носили, что называется, “мальчишеский характер”» [Тихомиров, 1907: 45]. Главными свойствами характера революционерки он считал «самообладание и неженское мужество» [там же: 53].

В произведении «Характеры» К. П. Победоносцев в лице главной героини Мессалины нарисовал отрицательный образ светской дамы, жизнь которой он сравнивал с непрерывным праздником. Разнузданные речи, сплетни, самодовольство и беззаботная веселость, по мнению автора, отвлекали Мессалину от домашних забот: «Ей нет времени думать и о детях посреди нервного возбуждения, в котором проходят дни ее и ночи» [Победоносцев, 2010с: 379].

Таким образом, стремление женщин выйти из приватного в публичное пространство квалифицировалось мыслителями консервативного толка как одна из причин распада сложившегося в обществе политического и гендерного порядка.

Цивилизационное измерение

Цивилизационное измерение политической философии российского консерватизма XIX — первой половины XX в. (теоретико-философские представления мыслителей об историческом пути России, ее месте в мире, отразившиеся в решении консерваторами проблемы «Россия — Европа» в до- и послереволюционный период) позволяет сделать вывод, что в политических концепциях мыслителей были изложены основы национально-ориентированной модели развития России — продвижения вперед, основываясь на культурном коде русской

цивилизации. В контексте невестернизированной модели развития консерваторы осмысливали женский вопрос в рамках «борьбы» с Западом. И. В. Киреевский объяснял зарождение учения об эмансипации женщины в государствах Европы тем, что воспитание и образование женщин элитарного круга происходило вне семьи [Киреевский, 2010: 433]. Н. Н. Страхов в работе «Женский вопрос», написанной как комментарий к произведению английского мыслителя Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины», указывал: «Нам, русским, прежде всего бросается в глаза другая сторона дела, и мы находим, что и быть членом парламента значит исполнять некоторую важную и очень ответственную обязанность. Мы готовы видеть льготу для женщин в том, что они не несут государственной службы. Что для англичанина право, то для нас служба, и мы несем то, чем они пользуются» [Страхов, 1870: 133—134]. В связи с этим выработанный Европой способ повышения статуса женщин через борьбу за права оценивался им как недопустимый.

Равноправие полов консерваторы полагали недопустимым, так как, согласно их мнению, оно посягало на законы природы, способствовало разрушению общества, снижению авторитета власти. Они интерпретировали женский вопрос как вопрос морально-нравственный, а не юридический. А. С. Хомяков трактовал женский вопрос как право женщины на разврат, которое уже с успехом осуществляли мужчины [Хомяков, 1881: 560, 569]. По его мысли, «разврат мужчины предполагает разврат женщины» [там же: 571], поэтому главную задачу в решении женского вопроса Хомяков усматривал в борьбе против «низости и подлости душевной» мужчин [там же: 572]. Из этого следует, что консерватор высказывался против стандартов двойной морали в поведении мужчин и женщин.

Близкую точку зрения сформулировал М. О. Меньшиков в эссе «О любви»: «Один из модных аргументов, на который опираются порочные современные женщины, дает так называемый “женский вопрос”. Женщина равноправна мужчине — и баста! Почему мужчины разрешают себе любить, кого хотят, а мы этого не можем?» [Меньшиков, 1994: 139]. Он призывал оценивать визиты мужчин в публичный дом не как прерогативу «сильного пола, оскорбляющую равноправность», призывал осудить как сами заведения, так и аморальные желания мужчин [там же].

Таким образом, в антитезу либеральному дискурсу равноправия в рамках дебатов по женскому вопросу консервативный тип дискурса соединил вопросы пола и нации, конструируя оппозиции для идентификации «нерусских чужих» и «русских своих»: католичество и православие, плоть и дух, право и мораль, модернизация и традиция, практицизм и идеализм.

Консерваторы-эмигранты рассматривали переход от дореволюционной конфигурации гендерных отношений к большевистской системе социальных отношений между полами как важный шаг на пути генезиса нового политического порядка. Неприятие мыслителями-эмигрантами советского решения женского вопроса сопровождалось критическим разбором большевистской модели эмансипации женщин. Анализируя газеты большевиков, И. А. Ильин указывал, что «положение освобожденной и уравненной во всем с мужчиной женщины в советском государстве и вправду тяжело и унижительно» [Ильин, 2001: 43]. Он отмечал узко инструментальный подход советской власти к мобилизации женщин

в процесс социалистического строительства. В приведенных им цитатах из докладов совпарработников подчеркивается утилитарность поставленных властью задач в рамках проекта женской эмансипации: «Женщины могут быть самыми лучшими и выносливыми борцами и активными функционерами в забастовках, классовой борьбе и на фронте солидарности», «На трудящихся женщин во время войны ляжет новое бремя, женщины будут отливать снаряды и сделаются солдатами на этом этапе» [Ильин, 1998: 147—149]. По мнению И. Л. Солоневича, равные права мужчин и женщин привели прежде всего к усилению эксплуатации женских масс: «Не буду говорить и о равноправии на производстве, когда женщинам было предоставлено полное право работать на подземных работах, в шахтах Донбасса, таскать на спине кирпичи на московских стройках, рыть котлованы на Магнитке и рубить бревна в лесах концентрационных лагерей» [Солоневич, 2003: 38]. Помимо физического изнеможения, считал Солоневич, советские женщины испытывали опасение за свою честь: «Романтические устремления комиссара всегда поддерживаются тяжелой артиллерией постоянных сокращений, увольнений, чисток и арестов» [там же: 39]. Как видим, мыслители-эмигранты эксплицитовали новые грани в решении большевиками женского вопроса.

Выводы

Итак, обращение к трудам отечественных консерваторов XIX — первой половины XX в. позволило выявить связь их представлений о природе и социальных ролях женщин с методологическим, институциональным, культурным, цивилизационным аспектами их политической философии. Синтез указанных измерений демонстрирует, что представления о присущих мужчинам и женщинам отличительных признаках и свойствах являются важными для политической философии российского консерватизма. Концептуальное осмысление поля политики в российской консервативной мысли соединено с решением женского вопроса. Сфера политического описывается философами как отеческое правление, она андроцентрична по своей природе. Бытие женщин вписывается ими в частную, семейную сферу. Женскую эмансипацию они рассматривали как подражание Европе, как отказ от оснований российской цивилизации. На мой взгляд, в современной России востребованными идеями российских консерваторов XIX — первой половины XX в. являются положительная оценка женского правления, критика женоненавистничества. Однако предложенная ими конфигурация гендерных и политических ролей архаична, потенциально затрудняет осуществление политики равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Идеиные истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность.* 1991. № 4. С. 125—133.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 4 (85). С. 3—13.
- Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.

- Алексеев А. А.* Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII веке // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века / отв. ред. В. В. Замкова. Л.: Наука, 1984. С. 82—95.
- Бильшай В.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1959. 247 с.
- Бобровник Е. А.* Женский вопрос в русской философии и общественной мысли, конец XVIII — начало XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2001. 144 с.
- Вишневская Г. А.* Вопросы женской эмансипации в русских журналах 1830—1840 годов // Ученые записки Казахского государственного университета. Алма-Ата, 1957. Т. 11, кн. 9, вып. 1. С. 44—57.
- Воронина О. А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9—20.
- Вяземский П. А.* Московское семейство старого быта // Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 363—374.
- Вяземский П. А.* Записные книжки // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 381—424.
- Здравомыслова О. М.* «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109—115.
- Ильин И. А.* О государе (II) // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Рус. кн., 1993. Т. 2, кн. 2. С. 275—281.
- Ильин И. А.* О монархии и республике // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 4. С. 415—544.
- Ильин И. А.* Женщины и дети // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Рус. кн., 1998. Т. 8. С. 143—156.
- Ильин И. А.* Брак и положение женщины // Мир перед пропастью: собрание сочинений: в 2 т. М.: Рус. кн., 2001. Т. 2, ч. 3. С. 32—47.
- Карамзин Н. М.* Марфа-посадница, или Покорение Новагорода // Избранные произведения: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 680—728.
- Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 160—217.
- Карченкова Т. А.* Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 237 с.
- Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А. С., Киреевский И. В. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 397—441.
- Ковальчук Н. М.* «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX—XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 91—94.
- Костюкевич Л. П.* Женский вопрос в русской философии и общественной мысли, I половина XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003. 170 с.
- К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки / предисл. М. Н. Покровского. Пг.; М.: ГИЗ, 1923. Т. 1, полутом 2. 1147 с.*
- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 33—153.
- Леонтьев К. Н.* Добрые вести // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 577—602.
- Меньшиков М. О.* О любви. Ставрополь: Горница, 1994. 192 с.
- Осипович Т. Е.* Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX—XX вв. // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 174—181.
- Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 т. М.: Зерцало, 2003. Т. 2. 656 с.
- Победоносцев К. П.* Вечная память: воспоминания о почивших // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 136—193.
- Победоносцев К. П.* Праздники Господни // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 482—534.

- Победоносцев К. П.* Характеры // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010с. С. 373—394.
- Победоносцев К. П.* Наставление девицам // Победоносцев К. П. Государство и церковь: в 2 т. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. Т. 1. С. 523—526.
- Поляков Л.* Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. // Феминизм: Восток. Запад. Россия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Наука, 1993. С. 157—175.
- Прохорова И. Е.* «Женская тема» в литературно-критических и публицистических текстах П. А. Вяземского // Медиаскоп. 2009. № 9. URL: <http://www.mediascope.ru/node/348> (дата обращения: 12.03.2012).
- Рябов О. В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 159 с.
- Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново: Юнона, 1999. 358 с.
- Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
- Солоневич И. Л.* Белая империя: статьи 1936—1940. М.: Москва, 1997. 368 с.
- Солоневич И. Л.* Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 512 с.
- Солоневич И. Л.* Наша страна, XX век. М.: Москва, 2001. 448 с.
- Солоневич И. Л.* Женщина и большевизм // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам! СПб.: РусИнформ, 2003. С. 35—46.
- Страхов Н. Н.* Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщин» // Заря. 1870. № 1—2. С. 107—150.
- Тихомиров Л. А.* Андрей Иванович Желябов и Софья Львовна Перовская. Ростов н/Д: Донец. речь, 1907. 62 с.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М.: РОССПЭН, 2010. 752 с.
- Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России, 50—60-е годы XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
- Уваров С. С.* Мадам де Сталь // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 521—530.
- Хомяков А. С.* Письмо Т. И. Филиппову // Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Тип. П. Бахметьева, 1881. Т. 1. С. 560—574.
- Шабалкина К. В.* Русские мыслители XIX века о роли женщины в обществе: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2007. 181 с.
- Шишков А. С.* Записки // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 351—616.
- Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 257—277.
- Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

References

- Aĭvazova, S. G. (1991) Ideĭnye istoki zhenskogo dvizheniia v Rossii [The ideological origins of women's movement in Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 125—133.
- Aĭvazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4 (85), pp. 3—13.
- Aksakov, K. S. (1995) *Ėstetika i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism], Moscow: Iskusstvo.
- Alekseev, A. A. (1984) Iazyk svetskikh dam i razvitie iazykovoĭ normy v XVIII veke [Language of society ladies and development of language standards in the XVIII century], in: Zamkova, V. V. (ed.), *Funktional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo iazyka XVIII veka*, Leningrad: Nauka, pp. 82—95.

- Bil'shaĭ, V. (1959) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [The decision of women's question in the USSR], Moscow: Gospolitizdat.
- Bobrovnik, E. A. (2001) *Zhenskiĭ vopros v russkoĭ filosofii i obshchestvennoĭ mysli, konets XVIII — nachalo XIX veka*: Dis. ... kand. filos. nauk [The women's question in Russian philosophy and social thought, the end of the XVIII — early XIX century: Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Il'in, I. A. (1993) O gosudare (II) [About the sovereign (II)], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 10 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 2, b. 2, pp. 275—281.
- Il'in, I. (1994) O monarkhii i respublike [About the monarchy and the republic], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 10 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 4, pp. 415—544.
- Il'in, I. A. (1998) Zhenshchiny i deti [Women and children], in: *Sobranie sochineniĭ*: in 10 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 8, pp. 143—156.
- Il'in, I. A. (2001) Brak i polozenie zhenshchiny [Marriage and the status of woman], in: *Mir pered propast'iu*: Sobranie sochineniĭ: in 2 vols, Moscow: Russkaia kniga, vol. 2, pt. 3, pp. 32—47.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkiĭ feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Karamzin, N. M. (1964) Marfa-posadnitsa, ili Pokorenie Novgoroda [Martha-posadnitsa, or Conquest of Novgorod], in: *Izbrannye proizvedeniia*: in 2 vols, Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, vol. 1, pp. 680—728.
- Karamzin, N. M. (2010) Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine II [The historic laudable word of Catherine II], in: *Izbrannye trudy*: in 2 vols, Moscow: ROSSPĖN, pp. 160—217.
- Karchenkova, T. A. (2004) *Zhenskiĭ vopros v rossiĭskoĭ publitsistike vtoroi poloviny XIX v.*: Dis. ... kand. ist. nauk [The women's question in Russian journalism of the second half of the XIX c.: Diss. (Cand. Sc.)], Omsk.
- Khomiakov, A. S. (1881) Pis'mo k T. I. Filippovu [A letter to T. I. Filippov], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*: in 8 vols, Moscow: Tipografiia P. Bakhmet'eva, vol. 1, pp. 560—574.
- Kireevskii, I. V. (2010) O kharaktere prosveshcheniia Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniiu Rossii [On the nature of Europe's education and its relation to the Russian education], in: Khomiakov, A. S., Kireevskii, I. V. *Izbrannye sochineniia*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 397—441.
- Kostiuevich, L. P. (2003). *Zhenskiĭ vopros v russkoĭ filosofii i obshchestvennoĭ mysli, I polovina XIX veka*: Dis. ... kand. filos. nauk [The women's question in Russian philosophy and social thought: I half of the XIX century: Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Koval'chuk, N. M. (2009) "Zhenskoe" kak gendernaia problema v russkoĭ literature i filosofii XIX—XX vv. ["Women's" as a gender problem in Russian literature and philosophy of the XIX—XX centuries], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 91—94.
- K. P. *Pobedonostsev i ego korrespondenty*: Pis'ma i zapiski / predislovie M. N. Pokrovskogo (1923) [K. P. Pobedonostsev and his correspondents: Letters and notes], Petrograd, Moscow: GIZ, vol. 1, pt. 2.
- Leont'ev, K. N. (2010a) Vizantizm i slavianstvo [Byzantinism and Slavdom], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 33—153.
- Leont'ev, K. N. (2010b) Dobrye vesti [Good news], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 577—602.
- Men'shikov, M. O. (1994) *O liubvi* [About love], Stavropol': Gornitsa.
- Osipovich, T. E. (1998) Pobeda nad rozhdeniem i smert'iu, ili Zhenofobiia russkoĭ utopicheskoi mysli na rubezhe XIX—XX vv. [The victory over birth and death, or Sexist Russian utopian thought at the turn of XIX — XX cc.], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 174—181.

- Pobedonostsev, K. P. (2003) *Kurs grazhdanskogo prava*: in 3 vols [The course of civil law], Moscow: Zertsalo, vol. 2.
- Pobedonostsev, K. P. (2010a) Vechnaia pamiat': vospominaniia o pochivshikh [Eternal memory: memories about the deceased], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 136—193.
- Pobedonostsev, K. P. (2010b) Prazdniki Gospodni [Holidays of the Lord], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 482—534.
- Pobedonostsev, K. P. (2010c) Kharaktery [Characters], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 373—394.
- Pobedonostsev, K. P. (2011) Nastavlenie devitsam [Manual for girls], in: Pobedonostsev, K. P., *Gosudarstvo i tserkov'*: in 2 vols, Moscow: Institut russkoĭ tsivilizatsii, vol. 1, pp. 523—526.
- Poliakov, L. (1993) Zhenskaia ėmansipatsiia i teologiya pola v Rossii XIX v. [Women's emancipation and theology of sex in Russia in the XIX c.], in: Stepaniants, M. T. (ed.), *Feminizm: Vostok. Zapad. Rossiia*, Moscow: Nauka, pp. 157—175.
- Prokhorova, I. E. (2009) "Zhenskaia tema" v literaturno-kriticheskikh i publitsisticheskikh tekstakh P. A. Viazemskogo ["Women's them" in the literary critical and journalistic texts of P. A. Vyazemsky], *Mediaskop*, vol. 9, available from <http://www.mediascope.ru/node/348> (accessed 12.03.2012).
- Riabov, O. V. (1997) *Zhenshchina i zhenstvennost' Serebriannogo veka* [Woman and femininity of the Silver Age], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabov, O. V. (1999) *Russkaia filosofiiia zhenstvennosti (XI—XX veka)* [Russian philosophy of femininity (XI — XX centuries)], Ivanovo: Iunona.
- Riabov, O. V. (2001) "Matushka-Rus'": *Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii* ["Mother Russia": An experience of gender analysis of searches for Russian national identity in Russian and Western philosophy of history], Moscow: Ladomir.
- Shabalkina, K. V. (2007) *Russkie mysliteli XIX veka o roli zhenshchiny v obshchestve*: Dis. ... kand. filos. nauk [Russian thinkers of the XIX century on the role of woman in society: Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Shishkov, A. S. (2010a) Zapiski [Notes], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 351—616.
- Shishkov, A. S. (2010b) Rassuzhdenie o liubvi k Otechestvu [Discourse on the love of the Fatherland], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 257—277.
- Solonevich, I. L. (1991) *Narodnaia monarkhiia* [The people's monarchy], Moscow: Feniks.
- Solonevich, I. L. (1997) *Belaia imperiia: Stat'i 1936—1940* [The white empire: Articles 1936—1940], Moscow: Moskva.
- Solonevich, I. L. (2001) *Nasha strana, XX vek* [Our country, XX century], Moscow: Moskva.
- Solonevich, I. L. (2003) Zhenshchina i bol'shevizm [Woman and Bolshevism], in: Solonevich, I. L. *Vsia vlast' — russkim mozgam!*, St. Petersburg: RusInform, pp. 35—46.
- Strakhov, N. N. (1870) Zhenskiĭ vopros: Razbor sochineniia Dzhona Stiuarta Millia "O podchinenii zhenshchin" [The women's question: The analysis of the work of John Stuart Mill "The subjection of women"], *Zaria*, vol. 1—2, pp. 107—150.
- Tikhomirov, L. A. (1907) *Andreĭ Ivanovich Zheliabov i Sof'ia L'vovna Perovskaia* [Andrei Ivanovich Zhelyabov and Sof'ya Lvovna Perovskaya], Rostov-on-Don: Donetskaia rech'.
- Tikhomirov, L. A. (2010) *Monarkhicheskaia gosudarstvennost'* [Monarchical statehood], Moscow: ROSSPĖN.
- Tishkin, G. A. (1984) *Zhenskiĭ vopros v Rossii, 50—60-e gody XIX veka* [The women's question in Russia, 50—60s of the XIX century], Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet.

-
- Uvarov, S. S. (2010) Madam de Stal' [Madame de Stael], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 521—530.
- Viazemskii, P. A. (1984) Moskovskoe semeĭstvo starogo byta [Moscow family of old life], in: *Ėстетика i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism], Moscow: Iskusstvo, pp. 363—374.
- Viazemskii, P. A. (2010) Zapisnye knizhki [Notebooks], in: *Izbrannoe*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 381—424.
- Vishnevskaiia, G. A. (1957) Voprosy zhenskoĭ ěmansipatsii v russkikh zhurnalakh 1830—1840 godov [Questions of women's emancipation in Russian journals of 1830—1840s], *Uchĕnye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta*, Alma-Ata, vol. 11, b. 9, no. 1, pp. 44—57.
- Voronina, O. A. (2000) Sotsiokul'turnye determinanty razvitiia gendernoĭ teorii v Rossii i na Zapade [Sociocultural determinants of the development of gender theory in Russia and in the West], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 9—20.
- Zdravomyslova, O. M. (2000) "Russkaia ideia": antinomiia zhenstvennosti i muzhestvennosti v natsional'nom obraze Rossii ["Russian idea": the antinomy of femininity and masculinity in the national image of Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 109—115.

Статья поступила 26.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Козлова Наталия Николаевна — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет, г. Тверь, tver-gar@mail.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА И РЕГИОНА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 42—63
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.5

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 42—63
ББК 65.042
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.5

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ВАЖЕН ЛИ ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ?

*И. Е. Калабихина^a, Д. Н. Мокренский^a,
М. С. Оборин^{b, c, d}, М. Ю. Шерешева^a*

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

^b Пермский институт (филиал), Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Пермь, Россия

^c Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

^d Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. академика Д. Н. Прянишникова, г. Пермь, Россия

Основной целью исследования является анализ современной ситуации в экономико-демографическом развитии населения и домохозяйств малых городов Центральной России с особым вниманием к гендерному аспекту. Применен метод статистического анализа с использованием муниципальной статистики и данных переписей населения. Результаты исследования показывают, что в малых городах Центральной России на протяжении нескольких последних десятилетий наблюдаются процессы убыли населения, его концентрации в областных центрах, старения населения, роста доли домохозяйств, состоящих из одного человека. Все эти процессы сопровождаются феминизацией населения. При этом женщины представляют большую часть работников и получают

© Калабихина И. Е., Мокренский Д. Н., Оборин М. С., Шерешева М. Ю., 2018
Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 17-18-01324 «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

меньшую зарплату по сравнению с мужчинами (гендерный разрыв равен среднероссийскому или выше его). Описанная ситуация является не только критичной для современного и будущего положения женщин, но и существенным вызовом для будущего устойчивого развития малых городов, так как исследованные процессы имеют тенденцию усиливаться. Один из важных практических выводов авторов заключается в том, что даже высокий уровень социальной поддержки (который существует в ряде малых городов) не гарантирует смягчение вызовов. Необходима разработка программ, направленных на активизацию всех форм сетевого взаимодействия, а также межмуниципального сотрудничества с целью объединения ресурсов.

Ключевые слова: малые города, домохозяйства, устойчивое развитие, экономико-демографическое развитие, гендер, феминизация, Россия, ЦФО.

ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF SMALL CITIES IN CENTRAL RUSSIA: IS GENDER ASPECT IMPORTANT?

*I. E. Kalabikhina^a, D. N. Mokrensky^a,
M. S. Oborin^{b, c, d}, M. Yu. Sheresheva^a*

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

^b Perm Institute (Branch), Plekhanov Russian University of Economics,
Perm, Russian Federation

^c Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

^d Pryanishnikov Perm State Agro-Technological University,
Perm, Russian Federation

The main purpose of this study is to analyze the current situation in the economic and demographic development of the population and households in the central Russia small cities, with special attention to the gender aspect. The method of statistical analysis was applied here. Additionally municipal statistics and population census data was made use of. The results show that small cities of central Russia over the past decades have undergone the processes of population decline, its (population) concentration in regional centers, its aging, and the growth in the share of single-person households. All these processes are accompanied by feminization of the population. At the same time, women represent a large share of workers and get lower incomes than men (the gender gap is an equal or higher than the Russian average). The described situation is not only deplorable for the present and future status of women, but it also is a significant challenge for the future sustainable development of small cities, because investigated processes show a tendency to intensify. One of the important practical conclusions is the statement that even a high level of social support (which exists in a number of small cities) does not guarantee the mitigation of challenges. It is necessary to develop the programs aimed to boost networking and inter-municipal cooperation for pooling resources.

Key words: small cities, households, sustainable development, economic and demographic development, gender, feminization, Russia, Central Federal District.

Введение, постановка задачи

Малые города как объект исследования зачастую находятся в тени крупных агломераций. Однако развитость сети малых городов и качество жизни их населения имеют ключевое значение для социально-экономического развития любой страны, внося существенный вклад в устойчивое региональное развитие¹. Они не только играют уникальную роль носителя преемственности и национальных традиций, сохраняя образ жизни, социальный уклад, развитие местных ремесел [Шерешева и др., 2017]. Как показывает зарубежный опыт, малые города обеспечивают сбалансированность пространственного развития и зачастую могут выступать в качестве точек стратегического роста [Courtney, Errington, 2000; Saraei, Askndy Sani, 2007; Ebrahimzadeh et al., 2012]. В этой связи в академической литературе по экономике и управлению идет широкая дискуссия о различных аспектах развития малых городов [Knox, Mayer, 2013; Egziabher et al., 1994; de Gruyter et al., 2014]. Среди этих аспектов существенное место занимают вопросы экономико-демографического развития [Кодина, 2009; Полюшкевич, 2010; Каркавин, 2011; Радина и др., 2016; Хаховская, 2016; Бирюкова, 2017; Parisi et al., 2015; Servillo et al., 2017].

Особая важность данной проблематики для России обусловлена как значительным числом малых городов, в которых проживает более 12 % населения, так и тем фактом, что в постсоветский период большинство малых городов оказались в крайне тяжелой ситуации [Оборин и др., 2017; Шерешева и др., 2017]. Отмечается отток населения, в первую очередь молодого, в более крупные города; нередко, особенно в моногородах, существует скрытая безработица, когда сотрудникам месяцами не выплачивается заработная плата, причем это явление касается преимущественно женщин, возникает так называемый феномен роста группы домохозяек, мы бы сказали — «домохозяйка поневоле» [Зыкова, Хозяинова, 2011]. При этом заработная плата в малых городах значительно ниже — в 1,5—2 раза. Средняя заработная плата в городах с населением менее 10 тыс. жителей была меньше 10 тыс. рублей, с населением 20—50 тыс. — 12 тыс., а с населением 100—250 тыс. — 14,5 тыс. рублей [Бедность... , 2014; Уровень жизни... , 2015].

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу современной ситуации в экономико-демографическом развитии населения и домохозяйств малых городов Центральной России на основе муниципальных данных, с особым вниманием к гендерному аспекту, поскольку все процессы, отмеченные нами, идут в контексте феминизации малых городов в России.

Методология, основные понятия

Исследование проведено методом статистического и графического анализа с использованием муниципальной статистики Росстата, результатов переписей населения, макроданных Росстата и информации о социально-демографической

¹ Под устойчивым развитием понимается возможность удовлетворения экономических, социальных, культурных потребностей современного поколения жителей городов без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности (см., напр.: [Sustainable Urban Development Reader, 2014]).

политике и программах на городском уровне из открытых источников. Для сравнения использованы данные по Российской Федерации, ЦФО, субъектам РФ (Владимирская и Тульская области), а также 18 малым городам Владимирской области и 13 малым городам Тульской области. Малый город в нашем исследовании — это город с населением до 100 тыс. человек². В работе учтены ограничения муниципальных данных: приняты во внимание изменения географических границ городов в рассмотренные периоды времени. Для анализа динамики показателей за основу брались сведения статистических сборников, что подразумевает единую методологию сбора данных; для сравнения использовались показатели, касающиеся только городского населения. Методология гендерного анализа предполагает описание ситуации в экономико-демографическом развитии домохозяйств малых городов с использованием дифференцированных по полу данных, а также оценку влияния тенденций развития изучаемых домохозяйств на положение женщин и мужчин, проживающих в малых городах Центральной России. Мы будем фокусировать внимание на том, какие тенденции в развитии малых городов могут ухудшить положение женщин и требуют реагирования со стороны муниципальных и региональных властей.

Объектом исследования являются население и домохозяйства малых городов. Домохозяйство представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении (или его части), как связанных, так и не связанных отношениями родства, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, т. е. полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства [Росстат, 2010]. Большинство населения проживает в частных домохозяйствах (квартиры, дома и пр.).

Результаты анализа

За последние 20 лет численность населения малых городов Владимирской и Тульской областей сокращалась практически постоянно, что подтверждают данные подсчетов среднегодового прироста численности населения за периоды 2006/2002, 2010/2006, 2014/2010, 2017/2014 гг. (рис. 1, 2).

Из всего количества малых городов Владимирской области лишь у одного города прирост населения наблюдался в течение всех рассмотренных периодов времени — ЗАТО г. Радужный. Только у 30 % городов (6 из 18) показатели превысили средний по области, у 4 городов показатели превысили средний по ЦФО. Но в ряде случаев — по административным причинам. Например, прирост для г. Киржач за период 2006/2002 гг. отмечается лишь потому, что в 2005 г. в состав этого города вошел пос. Красный Октябрь. Стабильный рост численности населения ЗАТО Радужный связан в основном с положительным естественным движением населения, но это закрытый город на особом положении, что требует дополнительного анализа.

² В поздний советский период к малым относили города с численностью населения до 50 тыс. человек. До сих пор в большинстве российских научных публикаций, посвященных вопросам территориального управления, а также во многих официальных документах этот подход сохраняется. Однако в настоящее время появляется все больше сторонников европейского подхода, согласно которому малыми считают города с населением не более 100 тыс. человек [Sefeddini, 1999].

Рис. 1. Среднегодовой прирост численности населения городов Владимирской области по периодам с 2002 по 2017 г., %
(построено по данным муниципальной статистики Росстата, бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям»)

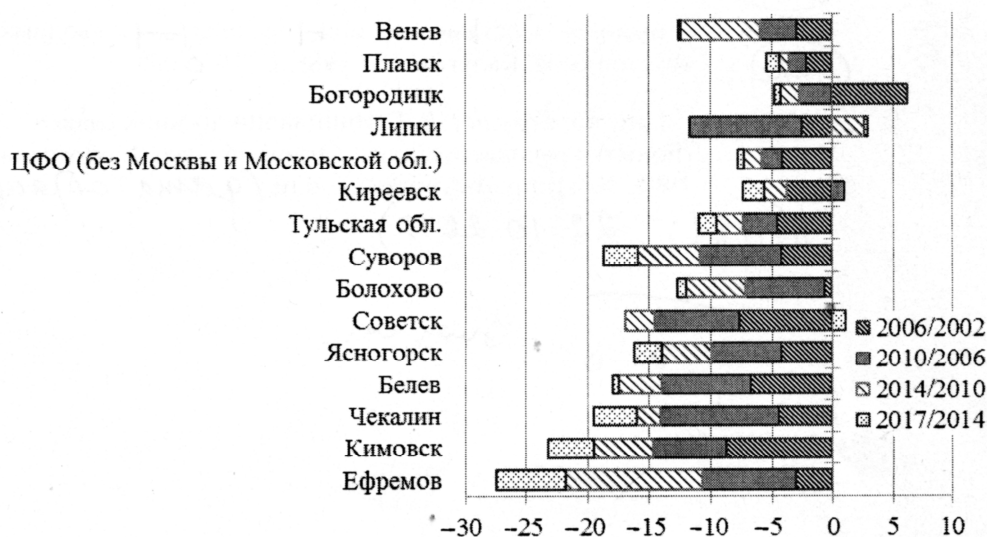

Рис. 2. Среднегодовой прирост численности населения городов Тульской области по периодам с 2002 по 2017 г., %
(построено по данным муниципальной статистики Росстата, бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям»)

Ни один город Тульской области также не показал в целом положительную динамику численности населения за все рассматриваемые периоды. В 38 % (5 из 13) городов показатели превысили средний по области, в 4 городах показатели выше среднего по ЦФО.

Похожая картина характерна для большинства муниципальных образований ЦФО — тенденции убыли населения на втором этапе демографической политики, территориальной неравномерности, а также концентрации населения в административных центрах и ближайших к ним поселениях. Среди компонентов прироста населения выделяется только миграционный прирост, наблюдающийся в основном в районных центрах. Основной вклад в сокращение населения вносят миграционный и естественный компоненты. Население указанных областей распределено по территории относительно равномерно. Однако в Тульской области степень неравномерности выше, чем во Владимирской, что демонстрирует значение показателя меры территориальной концентрации населения, которое в 2016 г. для Тульской области превысило показатель для Владимирской области на 7 % [Калабихина, Мокренский, 2017].

Что касается доли мужского и женского населения, то согласно переписи населения 2010 г. в двух рассматриваемых областях доля женщин превышает среднюю по стране: РФ — 53,8 %, Владимирская область — 55,0 %, Тульская область — 55,2 %. В половине малых городов обеих областей доля женского населения больше 56,0 %. В среднем города Владимирской области более феминизированы, чем Тульской, хотя преимущество незначительно. Более важен тот факт, что в большинстве исследуемых городов двух областей доля женского населения превышает среднюю по области. Стоит также отметить, что наименьшая доля женского населения наблюдается в тех городах, где отмечался прирост населения с 1989 по 2017 г. (Покров, ЗАТО Радужный, Венев). Это означает, что в «тающих» городах остаются преимущественно женщины.

Перейдем к сравнению половозрастной пирамиды городского населения РФ и указанных областей (рис. 3, 4).

Анализируя половозрастные пирамиды Владимирской и Тульской областей, можно сделать вывод, что население областей старше среднероссийского: меньше доля населения в молодых возрастах (0—34) и больше — в пожилых возрастах (55+). Относительно небольшая доля населения в возрасте до 30 лет связана с малочисленным поколением 1990-х — первой половины 2000-х гг. Но в рассматриваемых областях спад рождаемости был глубже общероссийского. Поэтому постарение населения здесь идет активнее. Причем в пожилых возрастах очевидно преобладание женщин. Число женщин начинает превышать число мужчин с возраста 35—39 лет, а начиная с 50 лет данный разрыв очень быстро увеличивается.

Рассчитаем показатели, отражающие уровень демографического старения населения РФ, ЦФО и исследуемых областей.

Наши расчеты показывают, что в Тульской и Владимирской областях выше доля населения в старших возрастах (60+), а также выше нагрузка пожилыми, чем в среднем по стране и по ЦФО (0,26 и 0,24 против 0,21 и 0,22). Индекс феминизации, значительно превышающий средний показатель по ЦФО (где уровень феминизации «смягчается» благодаря Московской агломерации), также превышает и среднероссийский показатель (213,84 и 213,45 против 185,63 в ЦФО и 210,69 в РФ). Все вышесказанное хорошо иллюстрирует средний возраст

населения Владимирской и Тульской областей для женщин (44,74 и 46,29 лет), превышающий показатель для мужчин на 14 и 15 лет соответственно, а также превосходящий значения для РФ и ЦФО (42,39 и 43,86 лет).

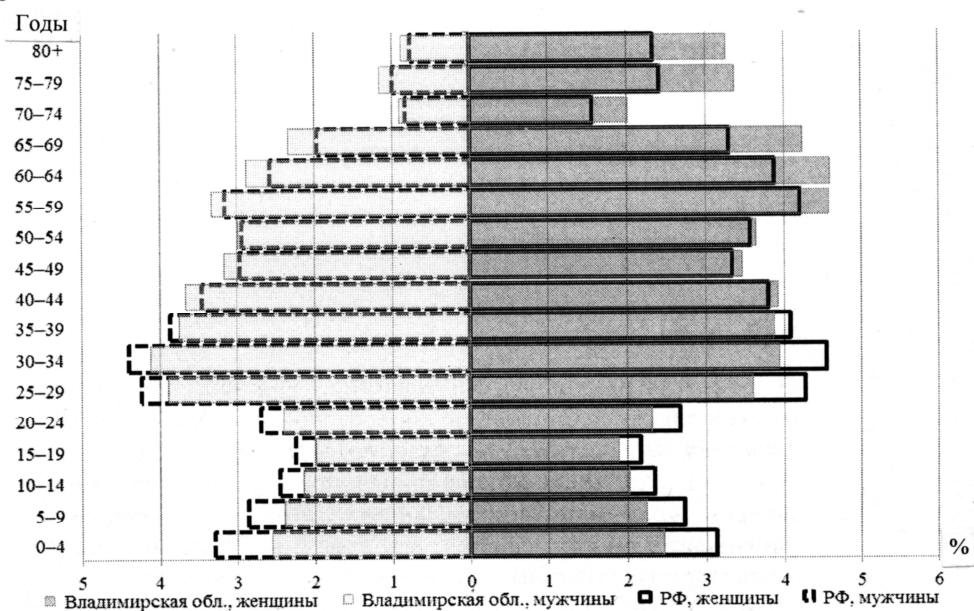

Рис. 3. Половозрастная пирамида городского населения РФ и Владимирской области, 2016 г., % (построено по данным Росстата)

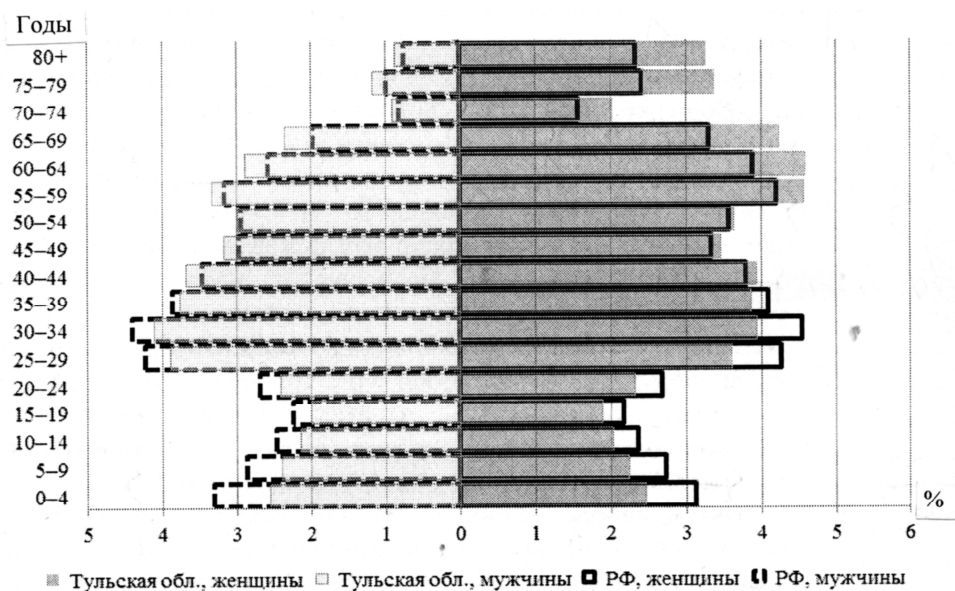

Рис. 4. Половозрастная пирамида городского населения РФ и Тульской области, 2016 г., % (построено по данным Росстата)

Мы наблюдаем феминизированное старение населения в России в целом и более остро протекающие процессы старения и феминизации в малых городах Центральной России.

Ввиду отсутствия в открытых источниках статистических данных о половозрастном составе населения большинства исследуемых городов, рассчитаем показатели половозрастного состава и старения населения для некоторых из изучаемых городов Владимирской области и городского населения муниципальных районов Тульской области, в границах которых находятся данные города (рис. 5, 6, табл. 1).

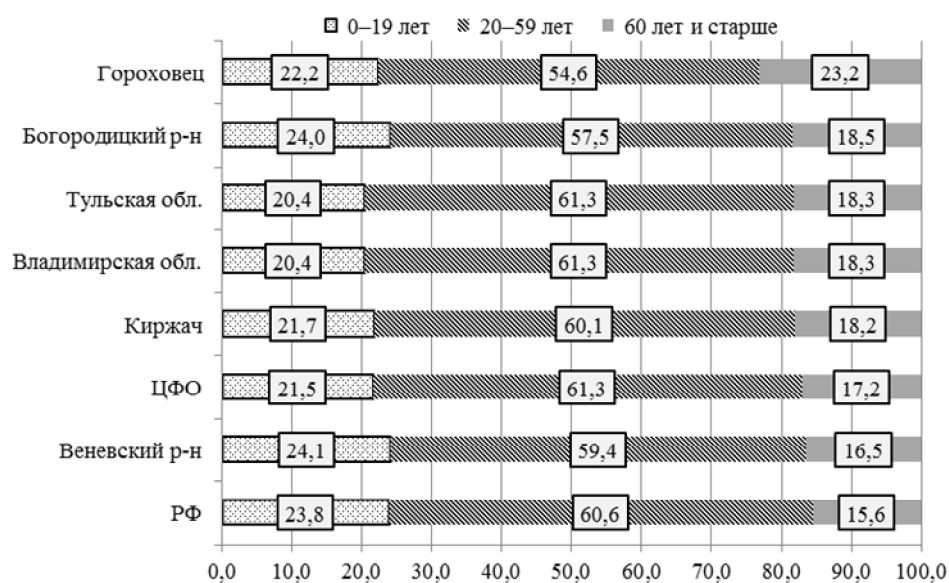

Рис. 5. Распределение мужского городского населения некоторых муниципальных образований и субъектов по укрупненным возрастным группам (города проранжированы по доле населения 60+), 2016 г., % (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

Распределение долей мужского и женского населения показывает, что во всех без исключения рассмотренных городах и муниципальных районах доля женского населения в старших возрастах (55+) значительно превышает средний показатель по стране и по округу. В Гороховце Владимирской области данный показатель выше почти на 40 %, чем в среднем по РФ. Также почти во всех рассмотренных городах и муниципальных районах доля мужского населения в старших возрастах превышает среднероссийский показатель и средний по ЦФО.

Показатели старения населения во всех рассматриваемых городах значительно изменились даже за короткий период с 2011 по 2016 г. (табл. 1). Везде выросла доля пожилых, увеличился средний и медианный возраст населения. Индекс глубины старения снижается за счет перехода в ранние пенсионные возрасты относительно многочисленного поколения (родившиеся в период послевоенного беби-бума 1950-х гг.).

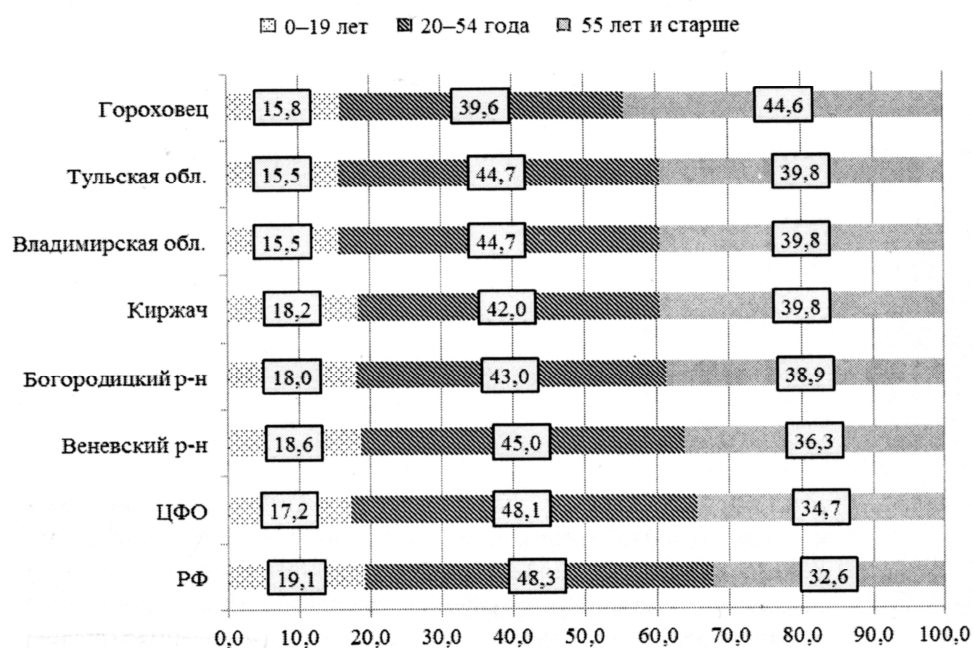

Рис. 6. Распределение женского городского населения некоторых муниципальных образований и субъектов по укрупненным возрастным группам (города проранжированы по доле населения 55+), 2016 г., % (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

Индекс феминизации старения снижается (в этих городах период дожития мужчин в старших возрастах увеличивается более высокими темпами, чем женщин, как и в целом по России). Демографическая нагрузка пожилыми везде выросла.

Перейдем к рассмотрению параметров домохозяйств, находящихся в рассматриваемых субъектах РФ. Стоит отметить, что во Владимирской и Тульской областях насчитывается наибольшее число домохозяйств в ЦФО (после Москвы и Московской области). В 2010 г. во Владимирской области было зафиксировано 593,5 тыс. частных домохозяйств, в которых проживало 99,0 % всего населения субъекта. Имеющиеся в открытых источниках данные позволяют отследить средний размер домохозяйства только за 2010 г. Для двух областей данный показатель одинаков — 2,4 человека.

Средний размер домохозяйства в городах указанных областей ниже, чем аналогичный показатель в ЦФО и России.

Снижение размера домохозяйств и рост домохозяйств, состоящих из 1 человека, — общемировая тенденция. По данным Евростата, в Европейском союзе в 2016 г. средний размер домохозяйства составил 2,3 человека, в Германии — 2 человека, в Швеции — меньше 2. Доля домохозяйств, состоящих из 1 человека, в Евросоюзе составляет треть, в Швеции — около 60 % [Eurostat, 2017].

Таблица 1

**Показатели старения населения городов Владимирской области,
 городского населения муниципальных районов Тульской области
 (в состав Веневского р-на входит г. Венев, Богородицкого — г. Богородицк),
 2011, 2016 гг.**

	Владимирская обл.						Тульская обл.			
	Суздаль		Гороховец		Киржач		Богородицкий р-н		Веневский р-н	
	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016
	<i>Доли детей и пожилых, %</i>									
0—19 лет	0,21	0,21	0,17	0,19	0,19	0,20	0,19	0,21	0,20	0,21
60 лет и старше	0,20	0,23	0,26	0,30	0,22	0,25	0,23	0,25	0,19	0,22
	<i>Средний (и медианный) возраст населения, лет</i>									
Мужчины	37,6 (36,0)	38,6 (37,4)	41,0 (40,9)	41,8 (41,9)	39,1 (37,9)	39,8 (39,4)	38,9 (37,9)	38,8 (38,0)	37,5 (35,5)	37,7 (36,0)
Женщины	44,0 (48,0)	44,9 (45,4)	48,0 (49,0)	49,2 (51,5)	45,8 (46,4)	46,3 (47,6)	46,3 (46,8)	45,7 (45,8)	44,0 (44,4)	44,2 (44,6)
	<i>Индекс глубины старения</i>									
70+/55+	0,41	0,33	0,43	0,37	0,42	0,33	0,40	0,33	0,38	0,29
	<i>Индекс феминизации старения</i>									
Жен./Муж. 65+	2425	2189	2439	2146	2496	2325	2603	2409	2395	2204
	<i>Демографическая нагрузка</i>									
Нагрузка детьми	0,36	0,37	0,30	0,37	0,33	0,36	0,33	0,38	0,34	0,37
Нагрузка пожилыми	0,34	0,41	0,45	0,59	0,38	0,45	0,41	0,47	0,32	0,38

Рассчитано по данным Росстата за 2011, 2016 гг. (сборник «Женщины и мужчины России»).

За межпереписной период в городских поселениях Владимирской области произошло уменьшение числа домохозяйств на 0,7 % (табл. 2), в основном за счет уменьшения числа домохозяйств, состоящих из 3 (на 11,0 %) и 4 человек (на 20,0 %). Число домохозяйств, состоящих из 1 человека, наоборот, увеличилось почти на 24,0 %.

В Тульской области более половины составляют домохозяйства, состоящие из 1 и 2 человек (табл. 3).

Таблица 2

Размер домохозяйств городского населения, Владимирская область,
2002, 2010 гг., чел.

Размер домохозяйств	Городские населенные пункты		
	2002	2010	2010 в % к 2002
Всего домохозяйств	467300	464100	99,3
В том числе с количеством людей:			
1	107000	132400	123,8
2	137300	142000	103,4
3	122400	108600	88,7
4	71800	57200	79,7
5	28900	23900	82,7
Средний размер домохозяйства	2,600	2,400	—

Сост. по данным Владимирстата («Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.»).

Таблица 3

Размер домохозяйств городского населения, Тульская область,
2002, 2010 гг., чел.

Размер домохозяйств	Городские населенные пункты		
	2002	2010	2010 в % к 2002
Всего домохозяйств	536369	514952	96,0
В том числе с количеством людей:			
1	131973	151125	114,5
2	160169	155859	97,3
3	132740	118444	89,2
4	76031	61323	80,7
5	35456	28201	79,5
Средний размер домохозяйства	2,5	2,4	—

Сост. по данным Туластата («Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.»).

С 2002 по 2010 г. особенно большое сокращение здесь наблюдалось по домохозяйствам, состоящим из 4 (на 19,3 %) и 3 (на 10,8 %) человек. Число домохозяйств, состоящих из 1 человека, выросло не так значительно, как во Владимирской области, — на 14,5 %.

Проанализировав распределение городских домохозяйств, имеющих детей моложе 18 лет, можно сделать вывод, что в рассматриваемых областях наблюдается незначительный перекоп в сторону однодетных домохозяйств (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение домохозяйств, имеющих детей моложе 18 лет,
 по количеству детей, городское население, 2010 г.**

Количество детей	РФ	ЦФО	Владимирская обл.	Тульская обл.
1	75,4	74,9	75,8	76,4
2	20,6	20,8	20,0	19,6
3	4,0	4,4	4,2	4,0

Сост. по данным переписи населения 2010 г.

Распределение населения по типам семейных ячеек в исследуемых областях свидетельствует об относительно большей доле населения, проживающего в домохозяйствах без детей и домохозяйствах с одним родителем (в основном это матери) (рис. 7).

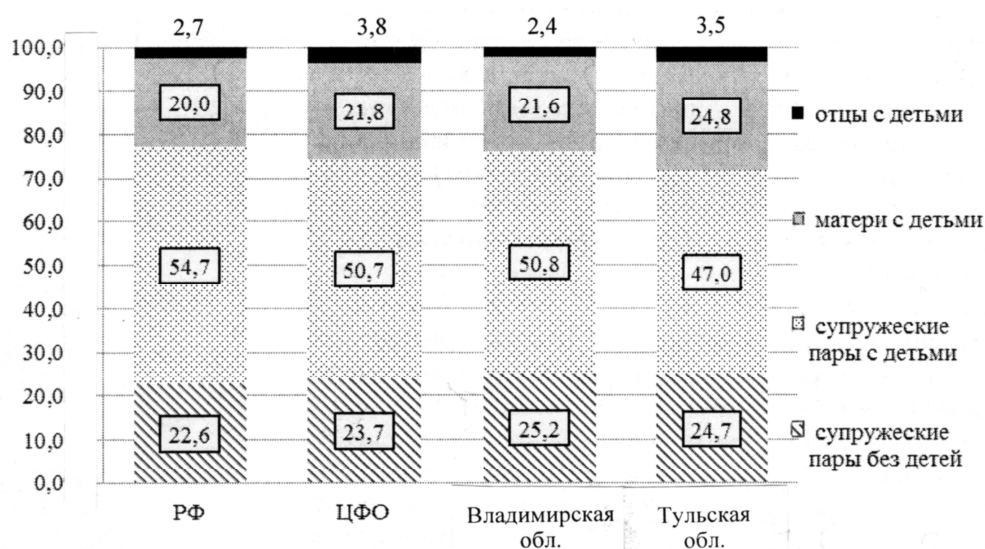

Рис. 7. Доля лиц в семейных ячейках разного типа от общей численности городского населения в семейных ячейках, 2010 г., %
 (построено по данным переписи населения 2010 г.)

Социально-экономические характеристики населения рассматриваемых областей (уровень экономической активности женщин и мужчин, уровень трудовых доходов женщин и мужчин) близки к средним по ЦФО (рис. 8, 9).

Уровень экономической активности женщин — 60—62 %, мужчин — 70—74 % (рис. 8). В мужском городском населении Владимирской области немного выше (по сравнению с ЦФО) активность в молодых трудоспособных возрастах, в Тульской области — в средних и старших трудоспособных возрастах (рис. 9). В женском городском населении Владимирской области немного выше активность только в самых молодых трудоспособных возрастах и ниже во всех остальных, в Тульской области — выше во всех возрастах, кроме совсем молодых и пенсионных (рис. 10).

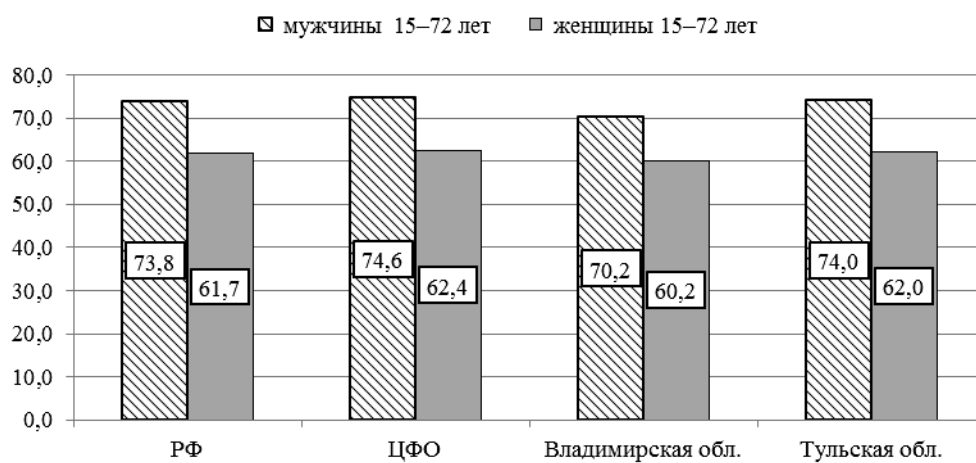

Рис. 8. Доля экономически активного населения от всего городского населения данного пола, 2010 г., %
 (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

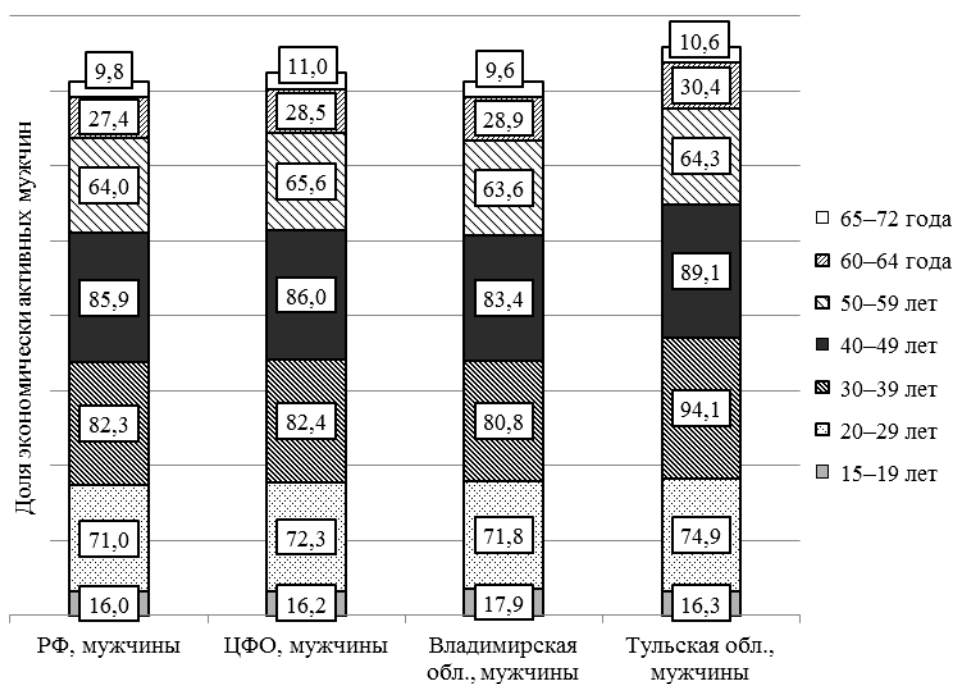

Рис. 9. Доля экономически активного населения от всего городского населения мужского пола в разных возрастах, 2010 г., %
 (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

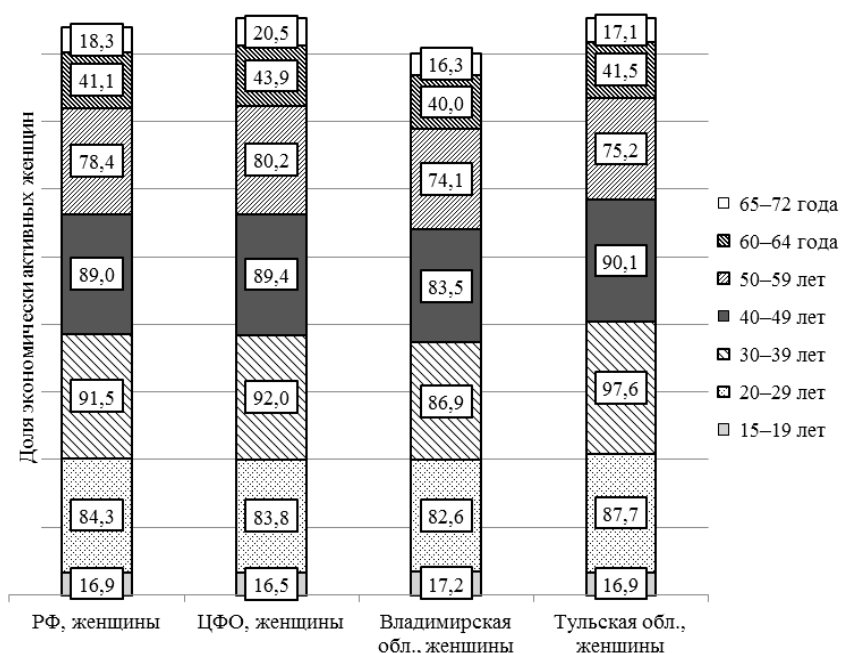

Рис. 10. Доля экономически активного населения от всего городского населения женского пола в разных возрастах, 2010 г., %
 (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

Удельный вес женщин в общей численности работников выше в рассматриваемых областях по сравнению с ЦФО и РФ (особенно во Владимирской области), тогда как заработная плата женщин во всех рассматриваемых субъектах ниже мужской (рис. 11). Ситуация немного улучшалась к середине 2010-х гг., однако разрыв остается сопоставимым или большим, чем в среднем по РФ (рис. 12).

Каким образом региональные власти реагируют на растущие вызовы, связанные с убылью населения, его концентрацией в областных центрах, быстрым старением, ростом домохозяйств с одним человеком в условиях феминизации всех отмеченных процессов и на фоне относительно худшего экономического положения населения малых городов и женщин в особенности?

На примере Владимирской и Тульской областей мы можем констатировать растущую вовлеченность региональных администраций ЦФО в решение обозначенных выше экономико-демографических проблем. В первую очередь можно отметить формирование законодательной базы и системы институтов, нацеленных на общее улучшение состояния дел в области. По состоянию на 2017 г. во Владимирской области находились в стадии реализации 36 госпрограмм, в Тульской области — 23 госпрограммы, из них почти половина — в социальной сфере, которая включает в себя такие аспекты, как благополучие и поддержка граждан, образование, здравоохранение, физкультура и спорт, культура и туризм, транспорт, коммунальная инфраструктура и благоустройство³.

³ Здесь и ниже источники данных — официальный сайт администрации Владимирской области (<http://avo.ru>), официальный сайт администрации Тульской области (<https://tularegion.ru>).

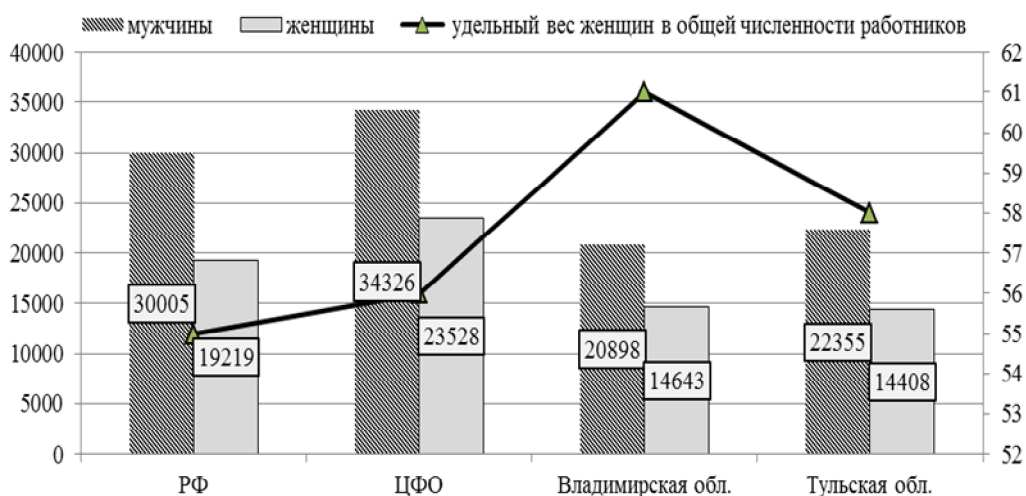

Рис. 11. Средняя начисленная заработная плата (руб., левая шкала) и удельный вес женщин в общей численности работников (% , правая шкала), октябрь 2011 г. (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

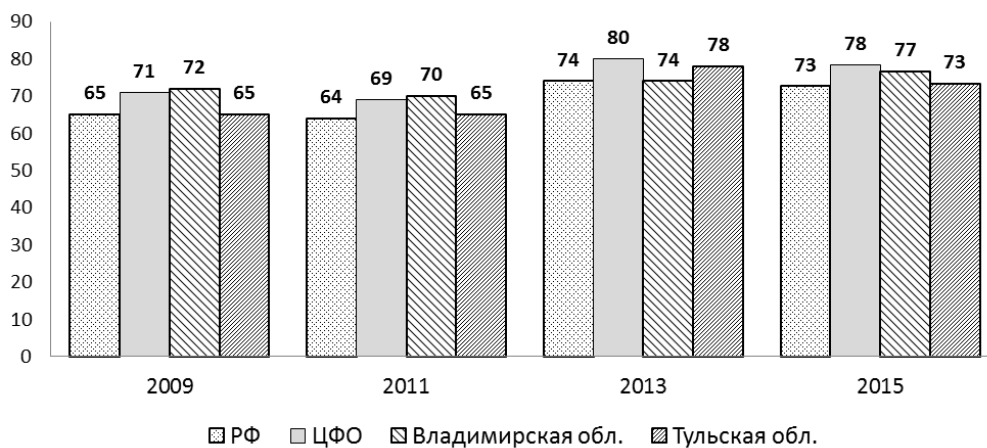

Рис. 12. Отношение уровня заработной платы женщин к уровню заработной платы мужчин, 2009—2015 гг., % (рассчитано по данным Росстата, сборник «Женщины и мужчины России»)

В Тульской области меры по поддержке женщин содержатся в государственной программе «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Тульской области», во Владимирской — в государственной программе «Социальная поддержка отдельных категорий граждан во Владимирской области на 2014—2020 гг.». Их основные направления: помощь женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, поддержка женщин и многодетных семей, помощь инвалидам.

В обеих областях в 2015—2017 гг. введен ряд новых мер поддержки молодых семей с детьми и многодетных семей. Введены или увеличены региональные

пособия на ребенка до 3 лет, региональный материнский капитал. Например, за 2015—2017 гг. из бюджета Тульской области выделено порядка 2,4 млрд рублей на различные меры социальной поддержки многодетных семей. В областях работает широкая сеть учреждений социального обслуживания.

Достоин упоминания опыт Владимирской области по социальной поддержке женщин, семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации. В г. Киржаче работает региональная общественная благотворительная организация «Нечаянная радость», которая оказывает услуги временного проживания женщинам (НКО включена в реестр поставщиков социальных услуг в форме стационара), в том числе не имеющим регистрации во Владимирской области, юридические услуги, помощь в оформлении документов, в открытии собственного производства. На базе Владимирского комплексного центра социального обслуживания функционирует отделение помощи женщинам, находящимся в трудной жизненной ситуации, рассчитанное для временного (до 3 месяцев) проживания 7 человек, где работает психолог, юрист, оказывается бесплатная помощь в подборе работы, оформлении документов, устройстве детей в образовательные учреждения, проводятся занятия по обучению компьютерной грамотности. В 2017 г. за помощью обратились 546 человек.

Владимирская область также активно участвует в инициативе социально ориентированного проекта «50 ПЛЮС» по разработке методик и технологий поддержки активного образа жизни людей старших возрастов (выставки, встречи, мастер-классы, чайные гостиные, танцевальные площадки, продажа по социальным ценам промышленных и продовольственных товаров местных производителей, предоставление медицинских и косметологических услуг, обучение скандинавской ходьбе).

Однако, на наш взгляд, с точки зрения устойчивого развития гораздо большее значение имеют областные инициативы, способствующие самореализации и самозанятости женщин. В этой связи стоит отметить образовательный проект «Мама-предприниматель». Он разработан специально для женщин в декретном отпуске, матерей несовершеннолетних детей, а также женщин, находящихся на учете в службе занятости. Цель проекта — помочь им начать собственное дело и воплотить в жизнь бизнес-идеи, реализовать которые не удавалось самостоятельно. В 2016 г. обучение по программе «Мама-предприниматель» прошли более 180 женщин в 6 регионах России: помимо Владимирской и Тульской, это Московская, Воронежская, Новгородская и Ульяновская области.

Такое же значение имеет создание сети региональных университетов третьего возраста, предоставляющих пожилым возможность обучения по программам различных направлений (приобретение навыков пользования компьютерной техникой, работы в сети Интернет и др.). Это, в свою очередь, не только позволяет упростить получение государственных услуг пожилыми людьми и расширить круг общения с родственниками, но и открывает широкие возможности социализации, общения в социальных сетях и, что еще более важно, формирования нишевых социальных сетей для самореализации и взаимодействия людей со сходными интересами, муниципальных и межмуниципальных сетевых взаимодействий.

Будущее за развитием всех форм сетевого взаимодействия, в том числе за поощрением сетевых форм предпринимательства, торговли, туризма. Поскольку туризм в настоящее время признается одним из серьезных генераторов роста, это делает данную сферу агентом развития и катализатором изменений. Р. Ридер и Д. Браун подчеркивают, что туризм стал важной движущей силой для развития экономики сельской местности и что связанный с этой сферой путь развития способен превратить застойные сообщества малых поселений в процветающие. Их исследование показало, что соответствующая трансформация может происходить путем привлечения не только предпринимателей и молодежи, но и пенсионеров. Это способствует диверсификации экономики и улучшает качество жизни жителей — и благодаря большему предоставлению товаров и услуг, и благодаря росту вовлеченности в жизнь города [Reeder, Brown, 2005]. Домохозяйства, в том числе и пожилых женщин, могут быть вовлечены в туристские сети — с предоставлением питания и экскурсионных услуг (с целью знакомства с образом жизни в малых городах и угощением гостей).

Выводы

В малых городах Центральной России на протяжении нескольких последних десятилетий мы наблюдаем постоянную убыль населения. Практически во всех муниципальных образованиях — отрицательный естественный прирост и в большинстве — отрицательный миграционный прирост. Кроме того, идет процесс концентрации населения в областных центрах субъектов РФ и обезлюдивания малых и особенно отдаленных от центров городов. При этом активнее, чем в ЦФО и РФ в среднем, идет процесс старения населения. Он будет таким и в будущем за счет постоянного относительно низкого уровня рождаемости. Процесс снижения среднего размера домохозяйства идет активнее, чем в ЦФО или РФ в среднем.

Все эти процессы сопровождаются феминизацией населения в малых городах Центральной России. Распределение населения по типам семейных ячеек свидетельствует об относительно большей доле населения, проживающего в домохозяйствах без детей и в домохозяйствах с одним родителем (в основном это матери).

Социально-экономические характеристики населения рассматриваемых областей (уровень экономической активности женщин и мужчин, уровень трудовых доходов женщин и мужчин) близки к средним по ЦФО. Но удельный вес женщин в общей численности работников выше по сравнению с ЦФО и РФ, а гендерный разрыв в оплате труда такой же или больший, чем в среднем по РФ.

Итак, все большую часть населения малых городов представляют женщины, в основном зрелого возраста и пожилые, проживающие отдельно. Относительно много матерей, воспитывающих детей без мужа. Женщины составляют большую часть работников и получают меньшую зарплату по сравнению с мужчинами (этот разрыв больше, чем в России в среднем). Малые города становятся оторванными от областных центров, где развивается рынок труда и доступнее услуги образования и здравоохранения. Меньше шансов на развитие семейного предпринимательства по причине роста доли «одиноких» домохозяйств и увеличения доли семей с одним родителем (мать). Меньше шансов на обучение

в течение жизни по причине высокой занятости, высокого уровня иждивенческой нагрузки, отдаленности образовательных услуг. Меньше шансов на переезд в другой, более «оживленный» город по причине относительно низких доходов.

Таким образом, в малых городах Центральной России мы сталкиваемся с тревожной картиной, имеющей тенденцию к усугублению вызовов в будущем, требующей пристального внимания со стороны муниципальных, региональных и федеральных властей, а также инновационных мер по улучшению сложившегося положения. Именно женщины, особенно пожилые, могут быть в наиболее неприятной ситуации, поскольку они больше подвержены риску бедности, одиночества, труднодоступности социальных услуг, потери социальных контактов, невключенности в локальное общество и экономику в условиях феминизации описанных процессов.

В текущем десятилетии наметился перелом в отношении региональных администраций ЦФО к решению целого ряда обозначенных выше экономико-демографических проблем, сформирована достаточно солидная законодательная база, вступила в действие система институтов социальной поддержки населения.

В то же время следует констатировать, что пока в действиях областных и муниципальных администраций и в восприятии населения преобладает унаследованный еще из советского периода характер отношений, ориентированных на поддержку женщин, пожилых людей, семей с детьми. В условиях, когда малые города в течение почти трех десятилетий были обречены на самостоятельное выживание, начальные меры с акцентом на социальную поддержку правомерны. Однако устойчивое развитие — и региона в целом, и каждого отдельного города — не может быть достигнуто исключительно за счет социального обеспечения, даже созданного на высоком уровне. Следующий этап должен заключаться в стимулировании экономической активности внутри региона, развитии информационного пространства, создании благоприятных условий для обучения, самозанятости, развития малого и среднего бизнеса, активизации местных сообществ, сетевого взаимодействия предпринимателей, а также межмуниципального сотрудничества, позволяющего совместно реализовывать проекты развития за счет соединения и комбинирования их относительно небольших ресурсов.

Библиографический список

- Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография / под ред. Т. М. Малевой. М.: Моск. центр Карнеги, 2014. 193 с.
- Бирюкова Е. В.* Особенности демографической ситуации в малых городах ЦЧР и их муниципальных районах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Естественные науки. 2017. № 11 (260). С. 176—185.
- Зыкова Н. В., Хозяинова С. В.* Малые города в системе социально-экономического развития региона: современные тенденции и проблемы // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 264—266.
- Калабихина И. Е., Мокренский Д. Н.* Динамика численности населения муниципальных образований Центральной России // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2017. № 6. С. 97—124.

- Каркавин М. В.* Факторы, условия и тенденции стратегического социально-экономического развития малых и средних городов // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8, ч. 3. С. 694—697.
- Кодина И. Н.* Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект: (на примере малых городов Ивановской области) // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 20—28.
- Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А.* Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // *Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика*. 2017. № 3 (34). С. 437—452.
- Полюшкевич О. А.* Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 15—23.
- Радина Н. К., Ким Н. В., Поршнев А. В.* Гендерные аспекты социальной интегрированности жителей провинциальных городов в контексте развития территории: (сравнительный анализ 2002—2014 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 35—50.
- Росстат: методологические пояснения к переписи населения — 2010. 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.12.2017).
- Уровень жизни городского населения России и социальные проблемы реформ. М.: ИСЭПН РАН, 2015. 98 с.
- Хаховская Л. Н.* Гендерный аспект урбанизации коренных народов Магаданской области // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 63—72.
- Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костянян А. А.* Оценка потенциала развития малых городов и направлений его эффективного использования // *Государственное управление*. 2017. № 65. С. 162—175. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/92775467/> (дата обращения: 03.02.2017).
- Courtney P., Errington A.* The role of small towns in the local economy and some implications for development policy // *Local Economy*. 2000. Vol. 4. P. 280—301.
- De Gruyter W., Nijkamp P., Perrels A.* Sustainable cities in Europe. New York: Routledge, 2014. 154 p.
- Ebrahimzadeh I., Tayyebi N., Shafei Y.* Functional analysis of small towns economic role in rural development: case study: Zahedshahr, Iran // *Journal of Service Science and Management*. 2012. Vol. 3. P. 269—279.
- Egziabher A. G., Lee-Smith D., Maxwell D. G., Memon P. A., Mougeot L. J. A., Sawio C. J.* Cities Feeding People: an Examination of Urban Agriculture in East Africa. Ottawa: IDRC, 1994. 2014. 460 p.
- Eurostat-2017. 2017. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 01.11.2017).
- Knox P., Mayer H.* Small Town Sustainability: Economic, Social, and Environmental Innovations. Berlin: Birkhauser, 2013. 193 p.
- Parisi D., Lichter D. T., Taquino M. C.* The buffering hypothesis: growing diversity and declining black-white segregation in America's cities, suburbs, and small towns? // *Sociological Science*. 2015. Vol. 2. P. 125—157.
- Reeder R., Brown D.* Rural areas benefit from recreation and tourism development // *Amber Waves*. 2005. Vol. 3, № 4. P. 28—33.
- Saraei M. H., Askndy Sani M.* Into large villages to small towns and their role of regional equilibrium: case study: Rvash, city of Kashmar // *Journal of Geography and Development*. 2007. Vol. 10. P. 166—170.
- Sefeddini F.* Dictionary of Regional and District Planning. Shiraz: Shiraz University Publications, 1999. 460 p.

- Servillo L., Atkinson R., Hamdouch A. Small and medium-sized towns in Europe: conceptual, methodological and policy issues // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2017. Vol. 108 (4). P. 365—379.
- Sustainable Urban Development Reader / ed. by S. M. Wheeler, T. Beatley. London: Routledge, 2014. 343 p.

References

- Biriukova, E. V. (2017) Osobennosti demograficheskoi situatsii v mal'kikh gorodakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona i ikh munitsipal'nykh raionakh [Features of the demographic situation in small towns of the Central Chernozem Region of Russia and their municipal areas], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Estestvennye nauki, no. 11 (260), pp. 176—185.
- Courtney, P., Errington, A. (2000) The role of small towns in the local economy and some implications for development policy, *Local Economy*, vol. 4, pp. 280—301.
- De Gruyter, W., Nijkamp, P., Perrels, A. (2014) *Sustainable Cities in Europe*, New York: Routledge.
- Ebrahimzadeh, I., Tayyebi, N., Shafei, Y. (2012) Functional analysis of small towns economic role in rural development: Case study: Zahedshahr, Iran, *Journal of Service Science and Management*, vol. 3, pp. 269—279.
- Egziabher, A. G., Lee-Smith, D., Maxwell, D. G., Memon, P. A., Mougeot, L. J. A., Sawio, C. J. (1994) *Cities Feeding People: An Examination of Urban Agriculture in East Africa*, Ottawa: IDRC.
- Eurostat-2017* (2017), available from <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 01.11.2017).
- Kalabikhina, I. E., Mokrenskii, D. N. (2017) Dinamika chislennosti naseleniia munitsipal'nykh obrazovaniĭ Tsentral'noi Rossii [Population dynamics of municipalities of Central Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, Ėkonomika, no. 6, pp. 97—124.
- Karkavin, M. V. (2011) Faktory, usloviia i tendentsii strategicheskogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia mal'kikh i srednikh gorodov [Factors, conditions and tendencies of the strategic social and economic development of small and middle town], *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 8, pt. 3, pp. 694—697.
- Khakhovskaia, L. N. (2016) Gendernyi aspekt urbanizatsii korennykh narodov Magadanskoĭ oblasti [Gender aspect of the urbanization of indigenous peoples of the Magadan Region], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 63—72.
- Knox, P., Mayer, H. (2013) *Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovations*, Berlin: Birkhauser.
- Kodina, I. N. (2009) Obshchestvenno-politicheskoe uchastie naseleniia malogo goroda: gendernyi aspekt: (Na primere mal'kikh gorodov Ivanovskoi oblasti) [Social and political participation of the population of a small city: the gender aspect: (On the example of small towns of the Ivanovo region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 20—28.
- Maleva, T. M. (ed.) (2014) *Bednost': al'ternativnye podkhody k opredeleniiu i izmereniiu: kollektivnaia monografiia* [Poverty: alternative approaches to definition and measurement], Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi.
- Oborin, M. S., Sheresheva, M. Iu., Ivanov, N. A. (2017) Obosnovanie strategicheskikh orientirov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia mal'kikh gorodov Rossii [Substantiation of strategic guidelines for social and economic development of small cities of Russia], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Ėkonomika, no. 3 (34), pp. 437—452.

- Parisi, D., Lichter, D. T., Taquino, M. C. (2015) The buffering hypothesis: Growing diversity and declining black-white segregation in America's cities, suburbs, and small towns?, *Sociological Science*, vol. 2, pp. 125—157.
- Poliushkevich, O. A. (2010) Gendernaia differentsiatsiia predstavlenii o sotsial'noi solidarnosti v sovremennom rossiiskom gorode [Gender differentiation of ideas about social solidarity in the modern Russian city], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 15—23.
- Radina, N. K., Kim, N. V., Porshnev, A. V. (2016) Gendernye aspekty sotsial'noi integrirovannosti zhitelei provintsial'nykh gorodov v kontekste razvitiia territorii: (Srovnitel'nyi analiz 2002—2014 gg.) [Gender aspects of the social integration of the inhabitants of provincial cities in the context of the development of the territory: (Comparative analysis 2002—2014)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 35—50.
- Reeder, R., Brown, D. (2005) Rural areas benefit from recreation and tourism development, *Amber Waves*, vol. 3, no. 4, pp. 28—33.
- Saraei, M. H., Askndy Sani, M. (2007) Into large villages to small towns and their role of regional equilibrium: Case study: Ryvash, city of Kashmar, *Journal of Geography and Development*, vol. 10, pp. 166—170.
- Sefeddini, F. (1999) *Dictionary of Regional and District Planning*, Shiraz: Shiraz University Publications.
- Servillo, L., Atkinson, R., Hamdouch, A. (2017) Small and medium-sized towns in Europe: conceptual, methodological and policy issues, *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, vol. 108 (4), pp. 365—379.
- Sheresheva, M. Iu., Oborin, M. S., Kostanian, A. A. (2017) Otsenka potentsiala razvitiia mal'nykh gorodov i napravlenii ego effektivnogo ispol'zovaniia [Evaluation of the development potential of small towns and directions for its effective use], *Gosudarstvennoe upravlenie*, no. 65, pp. 162—175, available from <https://istina.msu.ru/publications/article/92775467/> (accessed 03.02.2017).
- Uroven' zhizni gorodskogo naseleniia Rossii i sotsial'nye problemy reform (2015) [The standard of living of the urban population in Russia and the social problems of reforms], Moscow: ISEPN RAN.
- Wheeler, S. M., Beatley, T. (eds) (2014) *Sustainable Urban Development Reader*, London: Routledge.
- Zykova, N. V., Khoziainova, S. V. (2011) Malye goroda v sisteme sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona: sovremennye tendentsii i problemy [Small towns in the system of social and economic development of the region: current trends and problems], *Problemy sovremennoi ekonomiki*, no. 4, pp. 264—266.

Статья поступила 12.12.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, ведущая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Мокренский Денис Николаевич — аспирант кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, d.mokrensky@mail.ru (Post-graduate student at the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Оборин Матвей Сергеевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал), Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д. Н. Прянишникова, г. Пермь, Россия, gcreachin@rambler.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor at the Department of Economic Analysis and Statistics, Perm Institute (Branch), Plekhanov Russian University of Economics; Professor at the Department of World and Regional Economics, Perm State National Research University; Professor at the Department of Management, Pryanishnikov Perm State Agro-Technological University, Perm, Russian Federation).

Шерешева Марина Юрьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной институциональной экономики, заведующая лабораторией институционального анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, m.sheresheva@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor at the Department of Applied Institutional Economics, Head of the Laboratory for Institutional Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА И РЕГИОНА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 64—74
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.6

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 64—74
ББК 65.240.7
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.6

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ ЖЕНЩИН В ТАДЖИКИСТАНЕ В УСЛОВИЯХ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

С. В. Рязанцев^а, Е. Е. Письменная^б,
А. С. Максимова^а, Ш. Ш. Гафурова^а

^а Институт социально-политических исследований,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru

^б Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия

Рассмотрена законодательная база установления гендерного равенства в Таджикистане. Описана гендерная структура населения Таджикистана, а также динамика и особенности миграции из Таджикистана в Россию, в том числе трудовой. Исследована специфика проблем либерализации различных сторон традиционной семейной жизни в Таджикистане под влиянием миграции, включая изменения семейного, брачного, репродуктивного и витального поведения. Проанализированы сценарии трансформации социальных ролей женщин, возникающие как в случае, когда женщина является трудовой мигранткой, так и в случае, когда ее супруг уезжает на работу в Россию. Описаны изменения иерархии социальных ролей женщин — трудовых мигранток из Таджикистана в Россию.

Ключевые слова: миграция, Таджикистан, женщины-мигрантки, социальная роль, институт семьи.

© Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Максимова А. С., Гафурова Ш. Ш., 2018
Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-33-00059 «Влияние трудовой миграции из Центральной Азии в Россию на социально-экономическую ситуацию и семейные отношения в странах происхождения».

TRANSFORMATION OF WOMEN SOCIAL ROLES IN TAJIKISTAN IN THE LABOR MIGRATION CONDITIONS

S. V. Ryazancev^a, E. E. Pismennaya^b,
A. S. Maksimova^a, Sh. Sh. Gafurova^a

^a Institute of Socio-Political Research,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, riazan@mail.ru

^b Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

The ruling of households in Tajikistan still remains patriarchal. There exists the practice of distribution of gender roles in the society which was established earlier. Active inclusion of women into the process of labor migration tends to enter new behavior models into the social life of Tajikistan, which is not typical of the traditional lifestyle. Family, marriage, sexual and reproductive behaviors transform under the influence of migration.

The article describes the gender structure of Tajikistan population and dynamics and specific of migration from Tajikistan to Russia including labor migration. The authors explore the specifics of liberalization problems of different parts of traditional family life in Tajikistan, including family, marriage, sexual, reproductive and vital behavior, under the impact of migration.

The scenarios of women social roles transformation were examined. These scenarios occur when a woman is a labor migrant by herself on the one hand, or she is the wife of labor migrant on the other. The paper describes the transformation of social roles hierarchy of women who are labor migrants from Tajikistan to Russia.

Women who had traditionally had the roles of mothers, wives, daughters, got new social roles — roles of employees and professionals. These new roles integrate into the hierarchy of the previous ones.

Key words: migration, Tajikistan, women migrants, social role, institution of family.

Введение

В процесс трудовой миграции в Таджикистане вовлечена значительная доля населения, что не может не иметь экономических, социальных, политических и демографических последствий для страны. С точки зрения социальных изменений это в первую очередь трансформация образовательной структуры, уровня жизни, социально-экономической дифференциации групп населения, модели семьи, брачного, репродуктивного и витального поведения. Целью исследования является описание преобразования иерархической системы социальных ролей таджикских женщин под влиянием миграции. В настоящее время гендерное распределение ролей в таджикском обществе претерпевает изменение: если раньше функция зарабатывания денег принадлежала мужчинам, а обязанности женщины сводились к уходу за детьми, родственниками и ведению домашнего хозяйства, сейчас можно наблюдать трансформацию социокультурных образцов поведения.

Методология

Анализ трансформации иерархии социальных ролей как качественного изменения строится на основе эмпирической базы данных, полученных в ходе специальных выборочных исследований. Она может содержать факты из интервью, проведенных с респондентами, результаты психологического тестирования, экспертного опроса, фокус-группы и простых анкетирований. В статье предпринята попытка на основе количественных данных официальной статистики Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также обобщения результатов специальных исследований, проведенных отдельными группами ученых, оценить качественные изменения, происходящие в социальной сфере Таджикистана, в частности изменение социальных ролей женщин под влиянием миграции.

Несмотря на то что существует разница в интерпретации терминов «пол» и «гендер», применительно к данному объекту исследования в рамках конкретной работы допустимо приравнивать их значения. Отсутствие различий между биологической принадлежностью и демонстрируемым социальным поведением женщин можно объяснить традиционностью укладов, взглядов, культурных практик и установок поведения, характерной для современного таджикского общества [Хушкадамова, 2011: 78].

Гендерная структура и особенности миграции в Республике Таджикистан

Структура населения Республики Таджикистан по полу представлена следующим образом: 49,4 % составляют женщины, 50,6 % — мужчины. Диспропорция в соотношении полов значительно проявляется в возрастной категории лиц старше трудоспособного возраста, где доля женщин существенно — почти в два раза — превышает долю мужчин (рис. 1).

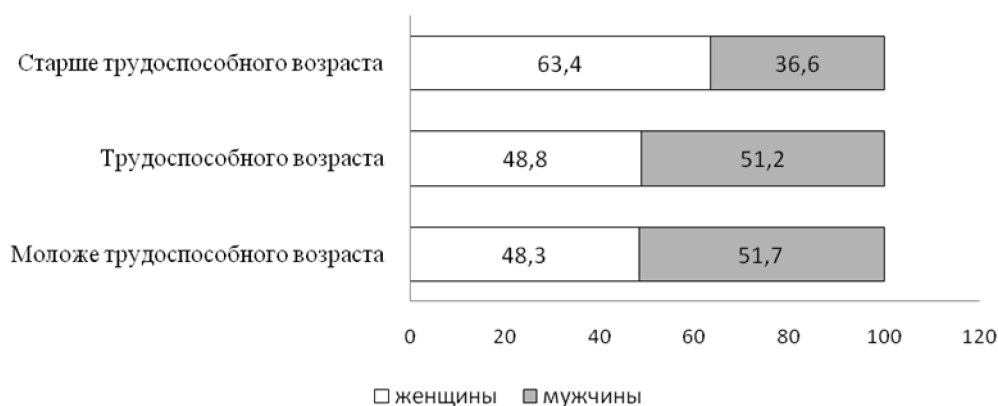

Рис. 1. Половозрастная структура постоянного населения Республики Таджикистан (2016 г.), % [Агентство по статистике...]

Таджикистан занимает четвертое место в рейтинге стран, посылающих рабочую силу в Россию. Количество граждан этой республики, находящихся на территории России, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., составило 87 тыс. По оценкам экспертов, численность трудовых мигрантов из Таджикистана в России — 700 тыс. человек [Ryazantsev, 2007: 223]. Основные причины трудовой миграции таджикского населения в Россию носят экономический характер: в Таджикистане низкий уровень спроса на рынке труда и низкий уровень доходов. В рейтинге стран, принимающих таджикских мигрантов, Россия занимает первое место: на ее долю приходится около 54 % всех выезжающих из республики на постоянное место жительства [Агентство по статистике...].

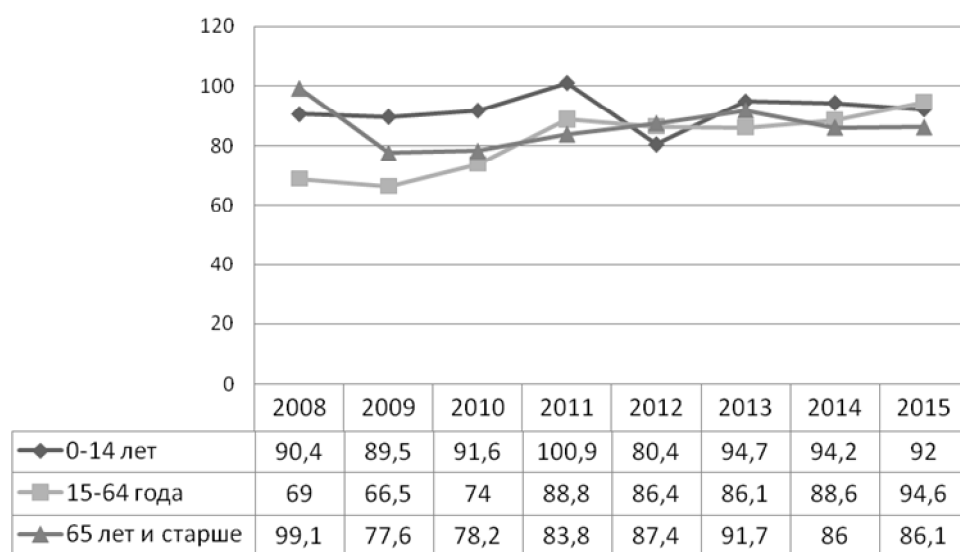

Рис. 2. Динамика коэффициента координации полов среди выбывших (число женщин на 100 мужчин) в 2008—2015 гг. (рассчитано по: [Агентство по статистике...])

В последние годы интенсифицируется вовлеченность в процесс миграции женщин: по данным гендерной статистики Таджикистана, в 2016 г. на 100 выбывших мужчин приходилось 94 выбывшие женщины, в то время как в 2008 г. только 70. Показатель соотношения полов в численности покинувших Таджикистан стремительно сокращается в возрастной группе трудоспособных мигрантов (рис. 2). Таким образом, вовлеченность женщин в процесс трудовой миграции усиливается в наиболее мобильных возрастах. Согласно официальной статистике Республики Таджикистан, на долю международных мигрантов в общей численности выбывших приходится лишь порядка 8—10 % общего миграционного потока Таджикистана, но при этом гендерные пропорции сохраняются приблизительно на том же уровне.

Международная трудовая миграция, в отличие от миграции на постоянное место жительства, учитываемой официальной статистикой, имеет свои особенности: основную долю международных трудовых мигрантов из Республики

Таджикистан составляют мужчины. Доля женщин в общей численности трудовых мигрантов, выехавших из Таджикистана в различные годы как по официальным каналам трудоустройства, так и самостоятельно, составляла от 4 до 12 % [там же]. Согласно оценкам экспертов, преимущественно трудовыми мигрантами являются мужчины молодого трудоспособного возраста, занятые в сферах тяжелого приложения труда [Justino, Shemyakina, 2012]. По официальным данным, на 100 трудовых мигрантов-мужчин, выезжающих на работу в другие страны, приходится около 12—14 трудовых мигранток-женщин. Гендерную структуру миграционных потоков определяют как стереотипы, сложившиеся в стране выхода, так и спрос на рабочую силу в стране приема. С этой точки зрения возможности трудоустройства у мигранток из Таджикистана весьма ограничены. В России у женщин из Средней Азии иерархическая социальная лестница, напрямую связанная с профессиональной принадлежностью, состоит всего из трех ступеней: на нижней располагаются женщины, торгующие на улице выпечкой, напитками, мелкими бытовыми предметами, на второй ступени — женщины, организовавшие мелкие стационарные торговые точки, и на высшей ступени — те, кто смог устроиться в государственные и бизнес-структуры [Зотова, 2007: 83].

Социальные роли таджикских женщин. Миграция и семья

В ходе исследования, проведенного в 2011—2013 гг. Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, было установлено, что большинство мигрантов, уезжающих на работу в Россию, оставляют свои семьи на длительный срок [Pismennaya et al., 2017: 126]. Кроме того, зачастую подобное отсутствие является систематическим. Многие трудовые мигранты вовсе имеют установки на долгосрочное пребывание в России: в ходе опроса о своем желании остаться на постоянное проживание сообщили 84 % респондентов.

Это приводит к трансформации форм семейных взаимоотношений, так как членам семьи приходится строить их на расстоянии — посредством телефонной и интернет-связи. Если супружеским взаимоотношениям подобные изменения могут не нанести серьезного вреда, то во взаимоотношениях родителей и детей они ведут к негативным последствиям: оставшиеся без должного присмотра дети склонны к проявлению различных форм девиантного поведения, подвержены опасности насилия и раннего начала трудовой деятельности в теневом и нелегальном секторе. Под угрозой оказывается также психологическое здоровье ребенка. Он перестает видеть модель поведения отсутствующего члена семьи и соответственно следовать ей в своем игровом поведении, что искажает его общее представление о содержании социальной роли и выстраивает долгосрочную стратегию поведения, не ориентированную на исполнение социальной роли того члена семьи, который ее покинул. Заменой уехавшего на длительный срок трудового мигранта становятся лица того же пола, что и отсутствующий член семьи, но другого поколения: если на работу уехал отец, то для ребенка функции отца выполняет дедушка, если в трудовую миграцию вовлечена мать, то ее роль играет бабушка. Модель поведения отсутствующего супруга заменяется моделью поведения другого члена семьи, наиболее близкой по исполняемой социальной роли уехавшего на заработки.

С точки зрения разрушения семейных ценностей зачастую длительное отсутствие супруга ведет к возникновению параллельных отношений супружеского характера, как правило не зарегистрированных, как у самих мигрантов в стране пребывания, так и у их супругов, оставшихся в стране выхода. Данные отношения в стране приема формализуются в виде «гостевых браков» либо «временных браков», а нередко носят разовый характер, когда мигранты пользуются услугами проституток. Согласно результатам опроса, почти половина мигрантов из Таджикистана (48 %) во время своего пребывания в России имели сексуальные связи не со своими супругами, в том числе у 13 % респондентов эти контакты случались часто [ibid.]. Подобные сексуальные контакты влекут за собой опасность распространения инфекций, передающихся половым путем, среди них социально значимые заболевания — ВИЧ, сифилис и др. Распространение ВИЧ-инфекции в Таджикистане имеет гендерные диспропорции: в общем числе вновь зарегистрированных случаев заболеваемости доля женщин растет стремительно год от года. К 2016-му она составила 42,5 %, превысив в два раза долю женщин, вновь заболевших в 2008 г. (20,0 %) [Агентство по статистике...]. В то же время интенсивность заболеваний, передающихся половым путем, под воздействием популяризации средств контрацепции снижается.

В ходе другого опроса трудовых мигрантов из Центральной Азии, работающих в Москве (n = 498), было установлено, что «более трети мужчин и половины женщин, имеющих нескольких половых партнеров, практикуют незащищенный секс» [Иванова, Рязанцев, 2017: 69]. Подобное поведение не характерно для женщин, проживающих в Таджикистане. Полигамные браки у традиционных мусульман — достаточно распространенное явление, однако полиандрии не наблюдается. Нередки случаи, когда женщины-мигрантки, приехав в Россию, становятся «общими женами» — занимаются ведением домашнего хозяйства группы рабочих и вступают в сексуальные связи с несколькими из них. Этнические таджички соглашаются также быть «временными женами», при этом сохраняются социально-экономические и другие связи трудового мигранта с семьей.

Часто даже супруги, приехавшие в Россию вместе, вынуждены жить отдельно, так как аренда жилья для семьи обходится гораздо дороже, чем аренда для пяти или десяти человек. Исследователи отмечают, что «в таких условиях муж с женой могут не видеться не просто неделями, а месяцами» [Pismennaya et al., 2017: 127].

Несмотря на высокую значимость института семьи в Таджикистане, динамика соотношения количества браков и разводов за последние 16 лет подтверждает его либерализацию: если в 2000 г. на один развод приходилось около 11 зарегистрированных браков, а в 2007—2008 гг. показатель достиг пика за 16 лет и составил 20 браков на один развод, то к 2016 г. количество браков снизилось до 8. Причина заключается в увеличении количества разводов как в абсолютном, так и в относительном выражении, наряду с гораздо меньшими темпами роста количества браков и коэффициента брачности населения, а в последние годы даже их сокращением. Подобная тенденция снижения значимости института семьи в таджикском обществе закономерна по причине распространения демократизации и европеизации традиционных укладов. Доказано, что после пребывания в России многие мигранты перенимают модели брачного,

сексуального и репродуктивного поведения жителей этой страны, что влияет на общий уход от моделей традиционного семейного существования.

Наряду с сексуальным поведением, трансформируется абортное и контрацептивное поведение женщин. Популяризация средств контрацепции способствует изменению контрацептивного поведения, что является основной причиной снижения числа абортов, поскольку нежелательные беременности теперь предотвращаются, а не прерываются. Если в 2000 г. количество абортов в расчете на 100 женщин фертильного возраста достигало 14,8, то к 2016 г. этот показатель снизился до 6,5 (таблица).

Показатели абортного и контрацептивного поведения женщин в Республике Таджикистан, 2008—2016 гг. [Агентство по статистике ...]

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество абортов на 1 тыс. женщин в возрасте 15—49 лет	9,4	9,7	9,6	8,6	7,8	7,4	7,9	7,5	6,5
Численность женщин, использующих контрацептивы, на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	24,9	24,9	25,1	26,5	28,1	28,8	34,9	—	—

Репродуктивное поведение, направленное на ограничение количества рождений, наряду со снижением уровня брачности и вовлечением в процесс миграции все большего количества жителей страны, может быть предвестником сокращения общего уровня рождаемости и негативных последствий этого процесса, одним из которых является старение населения.

Социальные роли таджикских женщин. Миграция и занятость

Под влиянием миграции трансформационные процессы происходят и в системе социальных ролей таджикских женщин. В том случае, когда женщина сама является мигранткой, наблюдается отказ от прямого исполнения обязанностей в рамках социальных ролей матери, дочери, супруги, что одновременно сопровождается принятием социальных ролей работника, профессионала и присущего им поведения. С одной стороны, трудовая миграция вызвана потребностью повышения уровня благосостояния семьи, с другой — смена приоритетных социальных ролей супруги, матери ролями работника и профессионала свидетельствует об изменениях в иерархии социальных ролей в целом. Роли супруги и матери уходят на второй план, уступая место более значимым ролям работника, профессионала (на конкретный период времени, равный продолжительности пребывания в статусе трудовой мигрантки). Если же вместе с женщиной переезжает ее семья, то роли работника, профессионала встраиваются в иерархию социальных ролей (занимая позицию, схожую с позицией ролей

супруги, матери). Подобное распределение отражает лишь сценарий трансформации ролей под влиянием миграции и не может считаться безусловным, поскольку стоит рассматривать также самоопределение иерархии социальных ролей с точки зрения психологии, используя, например, методику «Кто я».

В том случае, когда трудовым мигрантом является глава семьи, которая остается в стране выхода, на женщину нередко возлагаются мужские обязанности. Следовательно, система социальных ролей женщины изменяется, так как в их иерархию встраивается роль отца, исполняемая матерью в искаженном виде. При этом основная роль в управлении домохозяйством по-прежнему принадлежит мужчинам. Результаты исследований, проведенных в 2006 и 2010 гг. руководителем службы изучения общественного мнения исследовательского центра «Шарк» С. К. Олимовой при содействии Международной организации по миграции, показывают, что отцы испытывают трудности в общении с детьми, особенно подростками, а в ряде случаев вовсе теряют контакт с ними и для восстановления контроля перестают ездить на заработки в Россию [Олимова, 2012: 119].

Однако в целом женщины положительно относятся к миграции супругов, «несмотря на эмоциональные трудности и увеличение объема их обязанностей после отъезда мужа (повышенная нагрузка по воспитанию детей, уход за престарелыми членами семьи и обеспечение жизнедеятельности домохозяйства)», поскольку денежные переводы, присылаемые мигрантом на родину, являются чуть ли не единственным способом повышения благосостояния семьи в условиях отсутствия возможностей трудоустройства в Таджикистане [Курбанов, 2013]. Высокие заработки, привозимые мигрантами, по словам их жен, также благоприятно сказываются на их статусе: они чувствуют к себе уважение окружающих по причине того, что их мужья ответственные и успешные мигранты [Олимова, 2012: 118]. Кроме того, пример успеха способен вызвать цепную реакцию, вовлекая в процесс миграции все большее количество женщин. Как отмечает Н. А. Зотова, «вполне можно прогнозировать, что женщины начнут выезжать не от безысходности, а под влиянием примеров успешной мобильности знакомых и родственников», главным образом других женщин [Зотова, 2007: 85].

Гендерное законодательство

Основным институциональным катализатором политики гендерного равенства в стране является Комитет по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан. В настоящее время создана довольно широкая законодательная база обеспечения гендерного равенства и ликвидации насилия в отношении женщин, в том числе таких его видов, как психологическое или экономическое насилие. Экономическое насилие заключается в «дискриминации женщин в праве доступа к земле и распоряжении получаемой прибылью от сельскохозяйственной деятельности», что нередко наблюдается в регионах Таджикистана [Хайриниссо, 2008].

Закон, обеспечивающий гендерное равенство в социально-экономической сфере, в том числе в сфере трудовых отношений и образования, одобрен и введен в действие в 2005 г. Позднее была разработана Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011—2020 гг., предусматривающая «повышение уровня общей и политической культуры общества,

показателями которой служат возможность самореализации женщины и обеспечение равенства полов во всех сферах жизнедеятельности, включая общественное производство, социально-трудовые и семейные отношения» [Национальная стратегия... , 2010: 3]. Для перспектив развития международной трудовой миграции данные законодательные меры являются достаточно прогрессивными, поскольку обеспечение гендерного равенства в социально-трудовой сфере и активное развитие женского образования ведут к популяризации миграции, которая выступает средством повышения личной трудовой активности женщин, реализации возможности улучшения уровня благосостояния семьи, практического применения полученных образовательных навыков, самореализации и др.

Заключение

Управление домохозяйствами в Таджикистане по-прежнему остается патриархальным, в обществе еще сохраняется сложившаяся практика гендерного распределения ролей. Однако стремительно меняющееся гендерно-чувствительное законодательство, адаптированное к реальным проблемам гендерного неравенства в республике, расширяет правовое поле экономической, политической, социальной и другой активности женщин, что неотъемлемо влечет за собой постепенную трансформацию традиционных гендерных ролей. Вовлечение в процесс международной трудовой миграции женщин способствует распространению в общественной жизни Таджикистана новых моделей поведения, нехарактерных для господствующего здесь традиционного уклада. Под влиянием миграции трансформируется семейное, брачное, сексуальное и репродуктивное поведение.

Включившись в процесс трудовой миграции, женщины, обычно исполнявшие роли матери, жены, дочери, приобрели новые для себя роли наемных работников, профессионалов, которые встроились в прежнюю иерархию присутствующих женщинам социальных ролей. В случае временной трудовой миграции роли, связанные с трудовой деятельностью и исполняемые в течение определенного времени, становятся первоочередными лишь на некоторый срок. Однако, как показывают эмпирические исследования, зачастую женщины в стране приема продолжают оставаться женами, даже проживая отдельно от своих законных мужей: они исполняют обязанности жены другого мигранта. Подобная анархическая модель семейного поведения — жизнь на две или несколько семей — не может не оказать влияние на общую трансформацию института семьи и семейных ценностей в стране выхода.

В условиях предсказываемого снижения привлекательности российского рынка труда для граждан из стран СНГ, вероятно, объемы трудовой миграции в Россию сократятся. Однако это не означает общего снижения количества выезжающих из страны трудовых мигрантов. Возможно, следует прогнозировать смену основного вектора трудовых миграционных потоков из Таджикистана в другие страны. Кроме того, надо ожидать продолжения процесса вовлечения женщин в международную трудовую миграцию, обусловленного распространением успешного опыта женщин-мигранток.

Библиографический список

- Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.stat.tj/ru/database/socio-demographic-sector/> (дата обращения: 22.12.2017).
- Зотова Н. А. Женщины — трудовые мигранты из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии. 2007. № 2. С. 72—87.
- Иванова А. Е., Рязанцев С. В. Трудовые мигранты из стран Центральной Азии на российском рынке труда: условия жизни и самосохранительное поведение // Центральная Азия и Кавказ. 2017. № 3. С. 69—78.
- Курбанов С. Гендерный облик трудовой миграции в Республике Таджикистан: аналитическая статья // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2013. URL: <http://www.stat.tj/img/ru/trudruss.pdf> (дата обращения: 16.12.2017).
- Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011—2020 годы. Душанбе, 2010. URL: http://afew.tj/images/files/pdf/o_nac_strategii_aktivizacii_rol_i_zhenshchin_2011-20gg.pdf (дата обращения: 02.01.2018).
- Олимова С. К. Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры. 2012. № 2. С. 86—123.
- Хайриниссо Ю. Основные направления деятельности Комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан по предотвращению насилия в отношении женщин: доклад, 20 октября 2008 г. // Организация безопасности и сотрудничества в Европе. URL: <http://www.osce.org/gender/34815?download=true> (дата обращения: 20.12.2017).
- Хушкдамова Х. О. Национальные обряды в современном Таджикистане // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 78—81.
- Justino P., Shemyakina O. Remittances and labour supply in post-conflict Tajikistan // Working Paper 388 / Institute of Development Studies. 2012. URL: <http://www.ids.ac.uk/files/dmfile/Wp388.pdf> (дата обращения: 05.01.2018).
- Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. U. Influence of migration on transformation of families in Tajikistan // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. М.: Экон-Информ, 2017. С. 122—131. (Демография. Социология. Экономика; т. 3, № 1).
- Ryazantsev S. V. Labor Migration in CIS and Baltic Countries: Tendencies, Effects, Regulation. M.: The formula of law, 2007. 576 p.

References

- Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan [Statistical agency under the President of Tajikistan], available from <http://www.stat.tj/ru/database/socio-demographic-sector/> (accessed 22.12.2017).
- Ivanova, A. E., Riazantsev, S. V. (2017) Trudovye migranty iz stran Tsentral'noĭ Azii na Rossijskom rynke truda: usloviia zhizni i samosokhranitel'noe povedenie [Labor migrants from Central Asia countries on the Russian labor market: live conditions and self-preservation behavior], *Tsentral'naiia Azii i Kavkaz*, no. 3, pp. 69—78.
- Justino, P., Shemyakina, O. (2012) Remittances and labour supply in post-conflict Tajikistan, *IDS Working Paper 388*, available from <http://www.ids.ac.uk/files/dmfile/Wp388.pdf> (accessed 05.01.2018).
- Khaĭrinisso, Iu. (2008) Osnovnye napravleniia deiatel'nosti Komiteta po delam zhenshchin i sem'i pri Pravitel'stve Respubliki Tadjikistan po predotvrashcheniiu nasiliia v otnoshenii zhenshchin: Doklad [The main trends of activity of Women's and Family Affairs Committee under the Government of Tajikistan in preventing violence toward women:

- Report], *Organizatsiia bezopasnosti i sotrudnichestva v Evrope*, available from <http://www.osce.org/gender/34815?download=true> (accessed 20.12.2017).
- Khushkadamova, Kh. O. (2011) Natsional'nye obriady v sovremennom Tadjikistane [National ceremonies in modern Tajikistan], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 78—81.
- Kurbanov, S. (2013) Gendernyi oblik trudovoï migratsii v Respublike Tadjikistan: Analiticheskaia stat'ia [Gender shape of labor migration in the Tajikistan: Analytical paper], *Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan*, available from <http://www.stat.tj/img/ru/trudruss.pdf> (accessed 16.12.2017).
- Natsional'naia strategiiia aktivizatsii roli zhenshchin v Respublike Tadjikistan na 2011—2020 gody* (2010) [National strategy of woman role activation in Tajikistan on 2011—2020], Dushanbe, available from http://afew.tj/images/files/pdf/o_nac.strategii_aktivizaciuroli_zhenshchin_2011-20gg.pdf (accessed 02.01.2018).
- Olimova, S. K. (2012) Tadjikistan: rol' i status zhenshchin v domokhoziaïstvakh migrantov [Tajikistan: the role and the position of women in migrant's households], *Diaspory*, no. 2, pp. 86—123.
- Pismennaya, E. E., Ryazantsev, S. V., Sivoplyasova, S. U. (2017) Influence of migration on transformation of families in Tajikistan, in: Riazantsev, S. V., Sivoplyasova, S. U. (eds), *Zhenskaia migratsiia: formy, tendentsii, posledstviia*, Moscow: Econ-Inform, pp. 122—131.
- Ryazantsev, S. V. (2007) *Labor Migration in CIS and Baltic Countries: Tendencies, Effects, Regulation*, Moscow: The formula of law.
- Zotova, N. A. (2007) Zhenshchiny — trudovye migranty iz Tadjikistana (starshaia vozrastnaia grupa) [Womans — labor migrants from Tajikistan (the oldest age group)], *Vestnik Evrazii*, no. 2, pp. 72—87.

Статья поступила 15.02.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, временно исполняющий обязанности директора, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Acting Interim Director, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Письменная Елена Евгеньевна — доктор социологических наук, доцент, профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, nikitar@list.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Максимова Анастасия Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, lubijzn@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Гафурова Шохиста Шокировна — аспирантка, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, akfusha@yandex.ru (Post-graduate student, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА И РЕГИОНА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 75—88
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 75—88
ББК 60.723.5
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА РОЖДАЕМОСТЬ: СЛУЧАЙ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НОГАЙЦЕВ ИЗ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

К. И. Казенин^{a, b, c}, Э. Ш. Идрисов^d, М. М. Имашева^e

^a Центр региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

^b Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, г. Москва, Россия

^c Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия

^d Астраханский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Астрахань, Россия

^e Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, imaschewa@yandex.ru

Рассматривается влияние миграции на репродуктивное поведение женщин на примере переселения ногайцев из Дагестана в другие регионы России. На основе проведенного авторами количественного полевого исследования в Дагестане и в регионах миграции делается одна из первых попыток оценить роль данного процесса как фактора рождаемости. Представлены основные гипотезы о возможном влиянии миграции на рождаемость, которые затем статистическими методами проверяются. Результаты позволяют утверждать, что миграция ведет к принятию новой модели брачно-репродуктивного поведения, связанной с более поздним вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также с меньшим количеством детей в семье. При этом для изменения возрастных характеристик рождаемости статистически наиболее значимо проживание женщины вне исторической родины до 15-летнего возраста, а для изменения количества детей — проживание вне Дагестана на момент опроса.

Ключевые слова: рождаемость, миграция, Северный Кавказ, этничность, адаптация мигрантов.

© Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М., 2018

В публикации отражены результаты исследования по теме НИР Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ «Демографические процессы и динамика рождаемости среди мигрантов-мусульман Северного Кавказа» (2017 г.).

**THE RELATION OF MIGRATION AND FERTILITY:
THE CASE OF MIGRATION OF NOGAIS FROM DAGHESTAN**

K. I. Kazenin^{a, b, c}, E. Sh. Idrisov^d, M. M. Imasheva^e

^a Center for Regional Studies and Urbanistics, Russian Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^b Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

^c National Research University “Higher School for Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation

^d Astrakhan Branch, Russian Academy for National Economy and Public Administration, Astrakhan, Russian Federation

^e Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, imaschewa@yandex.ru

The paper studies relation of migration for Nogais, a people residing in North Caucasus and migrating from there to other regions of Russia. We focus on migration of Nogais from one republic of North Caucasus, Daghestan, where local fertility is considerably higher than in most other regions of Russia, including those where Nogais move to. The study is one of the first attempts to estimate the relation between fertility and migration for a group of internal migrants in Russia. The study is based on a field survey held among Nogai women of age 16—39 at their territory of origin and in the migration sites. Key hypotheses on migration/fertility relation are introduced in the paper. Then models are built which study relation between migration and some parameters of fertility, viz. number of children ever born to a woman and woman’s age at first child bearing. The results indicate that migration leads to accepting a new mode of fertility behavior, with lower level of fertility and higher mother’s age at first birth. Furthermore, for timing of fertility residence of a woman in her adulthood is mostly significant, whereas number of children ever born to a woman is significantly related to place of her residence at the age from 0 to 15.

Key words: fertility, migration, North Caucasus, ethnicity, adaptation of migrants.

Введение

Влияние миграции на характеристики репродуктивного поведения женщин является одной из наиболее интенсивно исследуемых тем в мировой демографии последних десятилетий. Интерес к этой теме объясним, с одной стороны, увеличением масштабов миграционных потоков в разных частях мира, а с другой — ее актуальностью для изучения взаимосвязи между рождаемостью и брачностью и социокультурными характеристиками среды, в которой находится женщина*.

* О связи внутренней миграции и репродуктивного поведения населения РФ см.: [Захаров, Сурков, 2009]; о рождаемости в семьях международных и внутристрановых мигрантов за рубежом см., напр.: [Abbasi-Shavazi, McDonald, 2002; Andersson, 2004; Coleman, Dubuc, 2010; Cygan-Rehm, 2013; Goldstein S., Goldstein A., 1981; Hervitz, 1985; Ноём, Nedoluzhko, 2008; Kulu, 2005; Milewski, 2010; Pailhé, 2015]; обзор зарубежных исследований данной тематики см.: [Казенин, 2017].

Исследования показывают, что какую-либо единую «траекторию» влияния миграции на рождаемость выявить невозможно. Однако на базе разных данных обоснованы четыре ключевые гипотезы об изменении рождаемости в переселенческих сообществах. Ни одна из этих гипотез не является универсально верной, но каждая из них задает вероятный сценарий динамики рождаемости среди мигрантов.

1. Гипотеза социализации (*socialization hypothesis*) предполагает, что на брачно-репродуктивное поведение женщины наиболее существенно влияют те установки, которые она усвоила в детстве и юности. Суть сценария, предсказываемого этой гипотезой, — в воспроизведении у женщин, совершивших миграцию, когда им было не менее 15 лет, тех характеристик брачно-репродуктивного поведения (средний возраст женщины при вступлении в брак и при рождении первого ребенка, среднее число детей у женщины к разным возрастам и т. д.), которые наблюдаются на исторической родине мигрантов. Если коренные жители принимающей территории заметно отличаются по характеристикам брачно-репродуктивного поведения от жителей отправляющей территории, то в рамках данной гипотезы ожидается сохранение контрастов по этим характеристикам между мигрантами, по крайней мере первого поколения, и коренными жителями.

2. Гипотеза адаптации (*adaptation hypothesis*) утверждает, что женщины, совершившие миграцию, усваивают брачно-репродуктивные установки, распространенные среди коренного населения принимающей территории. В случае если между населением принимающей и отправляющей территорий есть заметные различия по параметрам брачности и рождаемости, в рамках данной гипотезы ожидается, что женщины-мигрантки будут приближаться по этим параметрам к населению принимающей территории вне зависимости от того, мигрировали ли они в детстве или во взрослом возрасте.

3. Гипотеза разрыва (*abruption hypothesis*) предполагает, что миграция оказывает основное влияние на брачно-репродуктивное поведение женщины не в течение всего репродуктивного возраста, а лишь в первые 3—5 лет после переезда, при этом в зависимости от целей миграции в указанные годы может наблюдаться либо всплеск рождаемости (если преобладает миграция с целью заключения брака), либо, наоборот, ее снижение (если преобладает трудовая миграция).

4. Гипотеза селективности (*selectivity hypothesis*) утверждает, что имеется взаимосвязь между миграцией и характеристиками брачно-репродуктивного поведения женщины не только после, но и до ее переезда, например, в силу того, что миграция более доступна семьям с малым числом детей.

В данной статье мы сосредоточились на оценке гипотез социализации и адаптации. Такой выбор связан с тем, что условия реализации сценариев, задаваемых именно этими гипотезами, в настоящее время обсуждаются в демографии наиболее активно, что представляется вполне оправданным, ведь гипотеза социализации предполагает сохранение контрастов между мигрантами и жителями принимающей территории, а гипотеза адаптации — их стирание. При этом обнаруживается, что даже на одной и той же принимающей территории для одних миграционных потоков может реализовываться сценарий, предсказываемый гипотезой адаптации, а для других — гипотезой социализации. Примером может служить международная миграция в Великобританию: мигранты из стран Карибского бассейна, Индии и ряда других государств после переезда в королевство демонстрируют тенденцию к снижению рождаемости, а мигранты из Пакистана

и Бангладеш сохраняют рождаемость на характерном для их исторической родины высоком уровне (см.: [Kulu, Hannemann, 2016]). Наличие подобных контрастов и приводит к необходимости исследовать вопрос о том, что может влиять на сценарий брачно-репродуктивного поведения мигрантов. Очевидно, что без удовлетворительного ответа на этот вопрос невозможно прогнозировать динамику рождаемости в переселенческих сообществах. Такое прогнозирование, в свою очередь, важно не только для расчетов будущего количества населения территорий, на которые совершается миграция. Хорошо известно, что контрасты между мигрантами и коренным населением по возрасту вступления женщин в брак, по уровню репродуктивной активности нередко становятся одним из важных индикаторов более общих социокультурных различий и должны учитываться при разработке мер по интеграции мигрантов, в том числе женщин, в принимающий социум.

Настоящее исследование представляет собой попытку оценить гипотезу адаптации и гипотезу социализации на примере одного из миграционных потоков с Северного Кавказа в другие регионы России. Такой выбор исследования обусловлен следующими причинами. Во-первых, в части регионов Северного Кавказа продолжают существовать достаточно заметные отличия от России в целом по характеристикам рождаемости и брачности, что делает возможными как ассимиляцию мигрантов по этим характеристикам с населением принимающей территории, так и сохранение между ними данных различий [Казенин, Козлов, 2016]. Во-вторых, большие масштабы миграции с Северного Кавказа в другие регионы РФ и определенные проблемы с интеграцией переселенцев в принимающий социум требуют внимания к перспективам динамики брачно-репродуктивного поведения женщин в переселенческих сообществах (см., напр.: [Карпов, Капустина, 2011]).

Как показано в статье «Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации», между этносами Северного Кавказа в настоящее время сохраняются различия по уровню и возрастным характеристикам рождаемости [Казенин, Козлов, 2017а]. В связи с этим при исследовании влияния миграции на рождаемость имеет смысл отдельно рассматривать миграционные потоки разного этнического состава. В нашем исследовании изучается миграция одного из равнинных этносов Северного Кавказа — ногайцев — в регионы, расположенные за пределами Северо-Кавказского федерального округа. Учитывая возможные различия между ногайцами, проживающими в разных регионах Северного Кавказа, по характеристикам брачно-репродуктивного поведения, мы ограничились рассмотрением миграции ногайцев из одного региона — Дагестана. Основным источником данных являются результаты опроса женщин ногайской национальности, находящихся в репродуктивном возрасте. Опрос был проведен в 2017 г. в Дагестане и в двух регионах, куда идет интенсивная миграция этого этноса из Дагестана, — в Астраханской и Тюменской областях.

Миграция ногайцев из Дагестана: общие сведения

Активная миграция ногайцев из Дагестана началась в середине 1990-х гг. В основном она была связана с экономическими причинами. Наиболее привлекательными для ногайцев оказались северные регионы РФ. По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Ханты-Мансийском автономном округе проживало

5,3 тыс. ногойцев, в Ямало-Ненецком — 3,5 тыс., в Красноярском крае — около 1 тыс. Реальное количество ногойцев Северного Кавказа (среди которых явно доминируют выходцы из Дагестана), проживающих на севере, оценивается более впечатляющими цифрами — до 20—30 тыс. человек [Ярлыкапов, 2014: 129].

Исследователь А. А. Ярлыкапов отмечает: «Если в 1990-е гг. мигрировали только те, кто не имел работы и средств к существованию на родине, то в 2000-е гг. появляется пусть не преобладающая, но заметная группа мигрантов, которые переезжают на Север уже в поисках более высоких, чем на родине, заработков» [Ярлыкапов, 2008: 79]. По нашим наблюдениям, в 2010-х гг. усилилась молодежная миграция в этом направлении, практически задан основной карьерный вектор для молодых ногойцев — после получения профессионального образования уехать на север на заработки.

Астраханская область также стала местом принятия ногойцев из Дагестана. На первом этапе доминировала образовательная миграция — переезд на время обучения в профессиональном учебном заведении. Но по причине успешной адаптации постепенно увеличивалось количество молодых людей, остававшихся здесь. Выходцы из Дагестана ногойской национальности уступают по количеству выходцам из Чечни, но вместе они составляют этнокультурный конгломерат ногойцев Астраханской области, так как на этой территории проживают и представители нижеволжской группы ногойцев, с которыми у мигрантов после распада СССР установились тесные взаимоотношения. По данным последней переписи населения, всего в регионе 7589 ногойцев, из них до 1000 человек — это переселенцы из субъектов Северного Кавказа [Идрисов, 2014b].

Город Астрахань является образовательным центром, и многие молодые ногойцы из Дагестана, получив там профессиональное образование, в основном медицинского или технического профиля, уезжают на заработки в северные регионы, прежде всего в города Сургут и Уренгой. С другой стороны, можно отметить тенденцию, состоящую в том, что после заработков на севере некоторые ногойцы возвращаются не к себе на родину в Дагестан, а строят дома или покупают жилье в Астраханской области, чтобы дать возможность своим детям получить хорошее профессиональное образование и сделать карьеру в этом регионе.

Для нашего исследования интересно оценить разницу в процессах этнокультурной адаптации ногойцев из Дагестана в разных регионах, куда идет их миграция. На севере ногойцы попадают в среду, где преобладают иноэтничные мигранты. При этом там меньше времени остается для занятий с детьми, так как многие работают в жестком графике. В Астраханской области ногойцам проживать и адаптироваться комфортней, поскольку там есть, во-первых, представители нижеволжских ногойцев, а во-вторых, большие группы близкородственных тюркских народов — татар и казахов [Идрисов, 2014b].

Интересно наблюдение А. А. Ярлыкапова о том, что на севере РФ северокавказские ногойцы интегрируются с представителями землячеств других народов Северного Кавказа [Ярлыкапов, 2014: 133—134]. В Астраханской области такого отметить нельзя. Там ногойцы Дагестана в социокультурном плане тяготеют к представителям тюркских народов и сохраняют дистанцию с переселенцами из горских народов Кавказа. Это отражается, в частности, на межэтнических браках. На севере, кроме браков между ногойцами одного региона,

распространены браки между ногайцами Дагестана и Карачаево-Черкесии, имеются и случаи заключения браков с представителями дагестанских народов, например лезгинами. В Астраханской области при сохранении наибольшей распространенности браков между ногайцами, прибывшими с Северного Кавказа, обычны и их браки с местными ногайцами, а также с казахами (возможно, заключаются даже чаще, чем с местными ногайцами) и татарами [Идрисов, 2014b].

Следует констатировать, что миграция ногайцев из Дагестана носит системный характер. Она не может не сказаться в целом на дальнейших возможностях этнического воспроизводства. Это становится особенно заметно в отношении Ногайского района Дагестана, в котором по причине выезда на заработки количество людей среднего возраста заметно убавилось. В демографическом плане обостряется также проблема неполных семей, когда женщина воспитывает детей одна по причине более высокой миграционной активности мужчин.

Полевое исследование: основные характеристики

В мае—декабре 2017 г. нами было проведено анкетирование женщин 16—40 лет ногайской национальности, проживающих в местах компактного расселения ногайцев в Дагестане (Ногайский, Кизлярский, Бабаюртовский районы), а также в Астраханской (г. Астрахань) и Тюменской областях (г. Сургут, пос. Новая Федоровка). В Дагестане отбор опрашиваемых осуществлялся по двухступенчатой методике случайного выбора (выбор населенных пунктов и выбор респонденток внутри населенных пунктов). В Астраханской и Тюменской областях выборка респонденток была составлена методом «снежного кома» с использованием местных землячеств. Общее число ответивших на вопросы анкеты в Дагестане — 271, в двух других регионах — 201 (из них в Тюменской области — 126, в Астраханской области — 75). И в Дагестане, и за его пределами в выборку включались только женщины, которые родились в Дагестане. Ранжирование регионов по числу опрошенных соответствует их ранжированию по оценочной численности в них ногайцев дагестанского происхождения.

Вопросы в анкете делились на два блока. Вопросы первого блока касались биографии женщины (дата и место ее рождения, миграционная история, образование, брачный статус и возраст вступления в брак, количество детей и возраст при рождении каждого ребенка). С помощью вопросов второго блока определялись те социокультурные характеристики, которые, как показали наши предыдущие исследования (см.: [Казенин, Козлов, 2017b]), могут быть значимы для брачно-репродуктивного поведения женщин в Дагестане — для возраста вступления в первый брак и рождения первого ребенка, числа детей к тому или иному возрасту. Некоторые из этих характеристик отражают уклад семьи, членом которой является респондентка. На выявление таких характеристик были направлены вопросы о том, училась или работала женщина после вступления в брак, была ли знакома с будущим супругом до свадьбы, сама познакомилась с ним или была знакома родственниками, самостоятельно приняла решение о вступлении в брак или сделала это по совету родителей и др. В совокупности эти вопросы позволяли определить, насколько жестко в семье респондентки действует гендерная иерархия, предписывающая женщине концентрироваться в основном на домашнем хозяйстве и ставящая ее в зависимость от родственников

при принятии ключевых жизненных решений. Другие социокультурные характеристики, на выявление которых были ориентированы вопросы анкеты, касались личной религиозности женщины (в их числе вопросы о том, считает ли она важным религиозное воспитание детей, и об отношении к абортam).

Связь характеристик брачно-репродуктивного поведения и миграции: результаты анализа

Анкетирование позволяет утверждать, что между женщинами ногайской национальности, родившимися и проживающими в Дагестане, и теми, кто, родившись в Дагестане, постоянно проживал за его пределами, имеются статистически значимые различия по основным характеристикам брачно-репродуктивного поведения. В табл. 1 даны средние значения возраста при вступлении в первый брак, возраста при рождении первого ребенка, а также количества детей, рожденных к 25, 30 и 35 годам для обеих групп женщин. Для всех пяти показателей доверительные интервалы на 95 %-м уровне значимости не пересекались, что указывает на статистическую достоверность обнаруженных различий между двумя подвыборками. При этом у женщин, проживающих в Дагестане, средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка оказались ниже, чем у переехавших в другие регионы, а среднее число детей к указанным возрастным рубежам — выше. Можно отметить, что к 35 годам у проживающих в Дагестане среднее число детей (2,51) выше уровня простого воспроизводства населения (2,2 на одну женщину). Снижение рождаемости до данного уровня рассматривается исследователями как важный индикатор так называемого первого демографического перехода (см.: [Вишневецкий, 2006]), модернизационного изменения семьи, характерного для эпохи первоначальной урбанизации, индустриальных преобразований и т. д. (у населения регионов Центральной России первый демографический переход в основном завершился к 1960-м гг.). Следовательно, полученные данные позволяют говорить о том, что репродуктивное поведение респонденток, выехавших со своей исторической родины в другие регионы страны, в большей степени соответствует «модернизированным» образцам рождаемости.

Таблица 1

Средние значения характеристик брачно-репродуктивного поведения респонденток, проживающих в Дагестане, и респонденток, переехавших в другие регионы

Характеристика рождаемости	Проживающие в Дагестане	Проживающие в других регионах	Значимость различий на 95 %-м уровне достоверности
Возраст при вступлении в брак	20,85	21,45	+
Возраст при рождении первого ребенка	22,31	23,02	+
Число детей			
к 25 годам	1,17	0,84	+
30 годам	1,85	1,58	+
35 годам	2,51	1,61	+

Приведенные результаты лучше соотносятся с гипотезой адаптации, чем с гипотезой социализации, поскольку указывают на контрасты между жителями отправляющей территории и теми, кто совершил миграцию. Однако твердых оснований утверждать, что в данном случае реализуется сценарий, соответствующий гипотезе адаптации, эти результаты, очевидно, не дают. Так, в табл. 1 не различаются мигрантки, переселившиеся в разном возрасте. Если окажется, что большинство опрошенных женщин совершили миграцию в детском возрасте (до 15 лет), то контрасты, представленные в таблице, хорошо согласуются с гипотезой социализации: можно будет предположить, что различия между мигрантками и оставшимися на исторической родине в наибольшей степени связаны с тем, что основная часть мигранток усвоила в детстве репродуктивные установки принимающей территории. В действительности, однако, среди респонденток, опрошенных за пределами Дагестана, лишь 49 человек (четверть) совершили миграцию в возрасте до 15 лет. Это дает преимущество гипотезе адаптации.

Как инструмент для более надежной проверки двух гипотез мы использовали регрессионные модели с различными характеристиками брачно-репродуктивного поведения в качестве зависимого элемента. В табл. 2 представлены модели, в которых зависимое — возраст при рождении первого ребенка. В модели (1), (2) по одному включаются параметры места жительства от 0 до 15 лет и места жительства на момент опроса (во все модели в качестве контрольного параметра введен возраст женщины на момент опроса). Значимая отрицательная связь возраста при рождении первого ребенка с проживанием на исторической родине до 15-летнего возраста согласуется с гипотезой социализации, а такая же связь с проживанием на исторической родине на момент опроса — с гипотезой адаптации. Тот факт, что при включении в модель обоих параметров места жительства значимость сохраняет только место проживания в детстве (модель 3), говорит в пользу гипотезы социализации.

Таблица 2

**Взаимосвязь параметров миграционной истории женщины
и ее возраста при рождении первого ребенка
(модели с линейной регрессией)**

Независимый параметр	Модель		
	(1)	(2)	(3)
Возраст	0,221*** (0,028)	0,225*** (0,028)	0,225*** (0,028)
Проживание на исторической родине на момент опроса (0 — нет, 1 — да)	-0,783*** (0,327)	—	-0,572 (0,350)
Постоянное проживание на исторической родине в возрасте от 0 до 15 лет (0 — нет, 1 — да)	—	-1,813*** (0,720)	-1,403* (0,761)
R ²	0,180	0,182	0,190
N	311	306	306

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки.

***p < 0,01, *p < 0,1

Несколько иная картина наблюдается, когда зависимый параметр — число детей у женщины на момент опроса. В табл. 3 представлены соответствующие модели с регрессией Пуассона (в качестве контрольного параметра в модели также включен возраст женщины на момент опроса, не отраженный в таблице). Видно, что общее количество детей у женщины значимо отрицательно связано с проживанием вне Дагестана на момент опроса, а место проживания женщины в детстве для количества детей незначимо.

Таблица 3

Взаимосвязь параметров миграционной истории женщины и числа детей у нее на момент опроса (модели с регрессией Пуассона)

Характеристика респондентки	Модель	
	(1)	(2)
Проживает не на исторической родине	-0,310*** (0,1167)	–
Не проживала на исторической родине в возрасте от 0 до 15 лет	–	-0,136 (0,2697)
N	456	456

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$

Таким образом, попытки найти статистическую связь между параметрами репродуктивного поведения респонденток и их миграционной историей показывают, что данная связь больше согласуется с гипотезой социализации для возраста при рождении первого ребенка, но с гипотезой адаптации — для количества детей на момент опроса.

Возможные объяснения полученных результатов

Более ранний возраст вступления в брак и «старта» материнства, а также большее количество детей у жительниц Дагестана в целом сегодня связаны с более традиционной организацией их семей и с более высоким уровнем личной религиозности (см.: [Казенин, Козлов, 2017b]). Исходя из этого, наблюдаемое достоверное повышение указанных возрастных значений и снижение количества детей у женщин, совершивших миграцию, позволяют предположить, что в среде переселенцев названные социокультурные явления присутствуют менее концентрированно. Однако результаты нашего опроса по второму блоку анкеты (некоторые из них приведены в табл. 4) противоречат такому предположению. Из табл. 4 видно, что степень личной религиозности у женщин, переехавших из Дагестана, даже выше. По параметрам, сигнализирующим традиционность семейного уклада, переселенцы и оставшиеся на исторической родине весьма близки друг другу. Поэтому объяснять разницу брачно-репродуктивного поведения различием двух групп респонденток по этим параметрам вряд ли возможно.

Таблица 4

Некоторые результаты ответов респонденток
на вопросы социокультурного блока, %

Категория респонденток	Проживающие в Дагестане	Проживающие в других регионах
Продолжавшие образование после окончания школы	75,3	87,6
Имеющие работу на момент опроса	57,7	58,3
Замужем за человеком той же национальности (среди замужних)	90,4	92,6
Самостоятельно принявшие решение о замужестве (среди замужних)	96,5	96,1
Считающие важным дать детям знания о традициях своего народа	45,0	65,0
Считающие важным дать детям религиозное образование	33,2	64,0
Считающие недопустимым аборт	75,9	82,4

Следовательно, результаты проведенного исследования не позволяют определить вероятные социокультурные причины изменения брачно-репродуктивного поведения у женщин ногайской национальности, совершивших миграцию из Дагестана в другие регионы, по сравнению с женщинами той же национальности, проживающими в Дагестане. Результаты лишь дают возможность утверждать, что миграция ведет к принятию новой модели брачно-репродуктивного поведения, связанной с более поздним вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также с меньшим количеством детей в семье. При этом для изменения возрастных характеристик рождаемости статистически наиболее значимо проживание женщины вне исторической родины до 15-летнего возраста, а для количества детей — проживание вне Дагестана на момент опроса. Такой контраст позволяет предположить, что установки, связанные с возрастом вступления в брак и «старта» материнства, у женщин исследуемой группы переселенцев в значительной мере формируются в молодом возрасте, а установки, касающиеся количества детей, более «подвижны» и меняются под действием миграции, даже если она совершена во взрослом возрасте. Чтобы предложить возможные объяснения этому контрасту, полезным будет углубленное качественное исследование брачно-репродуктивных установок у женщин различных возрастных групп, мигрировавших в разном возрасте.

Выводы

Проведенное количественное исследование показало, что миграция рассматриваемой группы северокавказского населения оказывает влияние на брачно-репродуктивное поведение женщин: повышается возраст вступления в брак и рождения первого ребенка и понижается число рожденных детей. Сам по себе этот результат иллюстрирует несостоятельность распространенных алармистских суждений о сохраняющихся больших контрастах между мигрантами

с Северного Кавказа и населением принимающих регионов по демографическим характеристикам, об отсутствии адаптации переселенцев к поведенческим нормам жителей этих регионов. Вместе с тем обнаружение факторов, предопределяющих такую адаптацию, во многом остается задачей будущих исследований. Мы установили, что изменение брачно-репродуктивного поведения у женщин-мигранток по сравнению с женщинами, проживающими на отправляющей территории, не может быть объяснено различиями между ними по степени традиционности организации семьи и степени религиозности. Выявление других возможных механизмов влияния миграции на брачно-репродуктивное поведение является задачей будущего исследования.

Библиографический список

- Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 601 с.
- Захаров С. В., Сурков С. В. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2009. С. 45—118.
- Идрисов Э. Ш. Дагестанские ногайцы в Астраханской области: вопросы расселения и социокультурной адаптации // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Даг. науч. центра РАН, 2014а. С. 154—162.
- Идрисов Э. Ш. Ногайцы в современной урбанистике города Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014б. № 2 (39). С. 119—125.
- Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели: (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 6—79. URL: https://demreview.hse.ru/data/2018/02/08/1162209467/DemRev_4_4_2017_6-79.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- Казенин К. И., Козлов В. А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 3. С. 100—123. URL: https://demreview.hse.ru/data/2016/11/24/1112996374/DemRev_3_3_2016_100-123.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- Казенин К. И., Козлов В. А. Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение. 2017а. № 1. С. 46—58.
- Казенин К. И., Козлов В. А. Особенности брачно-репродуктивного поведения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН. 2017б. № 2. С. 65—81.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. СПб.: Петербург. востоковедение, 2011. 439 с.
- Ярлыкапов А. А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 78—81.
- Ярлыкапов А. А. Российский Север в судьбах ногайцев: постановка проблемы // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Даг. науч. центра РАН, 2014. С. 127—137.
- Abbasi-Shavazi M., McDonald P. A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // Genus. 2002. Vol. 58, № 1. P. 53—76.

- Andersson G. Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *The International Migration Review*. 2004. Vol. 38, № 2. P. 747—774.
- Coleman D. A., Dubuc S. The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s — 2006 // *Population Studies*. 2010. Vol. 64, № 1. P. 19—41.
- Cygan-Rehm K. Do immigrants follow their home country's fertility norms? // *IWQW Discussion Paper Series*. 2013. № 4. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/73144/1/745266444.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).
- Goldstein S., Goldstein A. The impact of migration on fertility: an “Own Children” analysis for Thailand // *Population Studies*. 1981. Vol. 35, № 2. P. 265—284.
- Hervitz H. Selectivity, adaptation, or disruption?: a comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *The International Migration Review*. 1985. Vol. 19, № 2. P. 293—317.
- Hoem J. M., Nedoluzhko A. Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing // *Demographic Research*. 2008. Vol. 18, art. 21. P. 611—628.
- Kulu H. Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European Journal of Population Research*. 2005. Vol. 21. P. 51—87.
- Kulu H., Hannemann T. Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic Research*. 2016. Vol. 35, art. 49. P. 1441—1488. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf>. (дата обращения: 17.07.2017).
- Milewski N. Immigrant fertility in West Germany: is the re-socialization effect in transitions to second and third births // *European Journal of Population*. 2010. Vol. 26, iss. 3. P. 297—323.
- Pailhé A. The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France // *Stockholm University Families and Societies Working Papers*. 2015. Vol. 39. P. 98—127.

References

- Abbasi-Shavazi, M., McDonald, P. (2002) A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin, *Genus*, vol. 58, no. 1, pp. 53—76.
- Andersson, G. (2004) Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden, *The International Migration Review*, vol. 38, no. 2, pp. 747—774.
- Coleman, D. A., Dubuc, S. (2010) The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s — 2006, *Population Studies*, vol. 64, no. 1, pp. 19—41.
- Cygan-Rehm, K. (2013) Do immigrants follow their home country's fertility norms?, *IWQW Discussion Paper Series*, no. 4, available from <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/73144/1/745266444.pdf> (accessed 17.07.2017).
- Goldstein, S., Goldstein, A. (1981) The impact of migration on fertility: an “Own Children” analysis for Thailand, *Population Studies*, vol. 35, no. 2, pp. 265—284.
- Hervitz, H. (1985) Selectivity, adaptation, or disruption?: A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil, *The International Migration Review*, vol. 19, no. 2, pp. 293—317.
- Hoem, J. M., Nedoluzhko, A. (2008) Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing, *Demographic Research*, vol. 18, art. 21, pp. 611—628.
- Iarlykapov, A. A. (2008) Нефть и миграция нугайцев на Север [Oil and migration of Nogais to the North], *Этнографическое обозрение*, no. 3, pp. 78—81.
- Iarlykapov, A. A. (2014) Росси́нский Север в суд'бах нугайцев: постановка проблемы [The North of Russia in Nogais' fortunes: setting the problem], in: *Этнокул'turnye land-shafy na postsovetskom prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniia dagestan-*

- skogo komponenta*, Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i étnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, pp. 127—137.
- Idrisov, È. Sh. (2014a) Dagestanskii nogaitsy v Astrakhanskoï oblasti: voprosy rasseleniia i sotsiokul'turnoi adaptatsii [Daghestan Nogais in Astrakhan region: areals of settlement and socio-cultural adaptation], in: *Étnokul'turnye landshafty na postsovetskom prostreanstve: problemy i osobennosti formirovaniia dagestanskogo komponenta*, Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i étnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, pp. 154—162.
- Idrisov, È. Sh. (2014b) Nogaitsy v sovremennoi urbanistike goroda Astrakhani [Nogais in today's urban milieu of Astrakhan], *Kaspiiskii region: politika, ékonomika, kul'tura*, no. 2 (39), pp. 119—125.
- Karpov, Iu. Iu., Kapustina, E. L. (2011) *Gortsy posle gor* [Mountain peoples after the mountains], St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Kazenin, K. I. (2017) Rozhdaemost' v sem'iakh migrantov: dannye, gipotezy, modeli: (Obzor zarubezhnykh issledovaniï) [Fertility in family of migrants: data, hypotheses, models: (A review of international research)], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no. 4, pp. 6—79, available from https://demreview.hse.ru/data/2018/02/08/1162209467/DemRev_4_4_2017_6-79.pdf (accessed 21.02.2018).
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2016) Omolozhenie materinstva v Dagestane: tendentsiia ili artefakt [The rejuvenation of motherhood in Daghestan: trend of artefact], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 3, no. 3, pp. 100—123, available from https://demreview.hse.ru/data/2016/11/24/1112996374/DemRev_3_3_2016_100-123.pdf (accessed 21.02.2018).
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2017a) Vozrast materinstva v Dagestane: znachimost' étnicheskogo faktora v usloviakh modernizatsii [Age of motherhood in Daghestan: the significance of ethnicity in the context of modernization], *Narodonaselenie*, no. 1, pp. 46—58.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2017b) Osobennosti brachno-reproduktivnogo povedeniia v Respublike Dagestan: ikh prichiny i sotsial'no-ékonomicheskie posledstviia [Specificity of nuptiality and fertility in Daghestan: their reasons and social-economic consequences], *Vestnik instituta ékonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, no. 2, pp. 65—81.
- Kulu, H. (2005). Migration and fertility: competing hypothesis reexamined, *European Journal of Population Research*, vol. 21, pp. 51—87.
- Kulu, H., Hannemann, T. (2016) Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women, *Demographic Research*, vol. 35, art. 49, pp. 1441—1488, available from <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf> (accessed 17.07.2017).
- Milewski, N. (2010) Immigrant fertility in West Germany: is the re-socialization effect in transitions to second and third births, *European Journal of Population*, vol. 26, iss. 3, pp. 297—323.
- Pailhé A. (2015) The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France, *Stockholm University Families and Societies Working Papers*, vol. 39, pp. 98—127.
- Vishnevskii, A. G. (ed.) (2006) *Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii, 1900—2000* [Demographic modernization of Russia, 1900—2000], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Zakharov, S. V., Surkov, S. V. (2009) Migratsionnyi opyt i rozhdaemost' v poslevoennykh pokoleniakh rossiian [Migration experience and fertility of post-war generations of Russians], in: Zakharov, S. V., Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyï institute sotsial'noi politiki, pp. 45—118.

Информация об авторах / Information about the authors

Казенин Константин Игоревич — кандидат филологических наук, директор, Центр региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; старший научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара; доцент кафедры демографии, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, kz@ranepa.ru (Cand. Sc. (Philology), Director, Center for Regional Studies and Urbanistics of the Russian Academy for National Economy and Public Administration; Senior Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy; Associate Professor at the Department of Demography, National Research University “Higher School for Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Идрисов Эльдар Шамигуллович — кандидат политических наук, заместитель директора, Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Астрахань, Россия, idrisel@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Deputy Head, Astrakhan Branch of the Russian Academy for National Economy and Public Administration, Astrakhan, Russian Federation).

Имашева Марина Маратовна — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, этнологии и археологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, imaschewa@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History of Tatarstan, Ethnology and Archaeology, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation).

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 89—103
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.8

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 89—103
ББК 85.377
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.8

«КАК ХОРОШО, ЧТО НАЯВУ Я НЕ В АМЕРИКЕ ЖИВУ!» ОБРАЗ США В ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ (1946—1963)

О. В. Рябов

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru

Статья, основанная на анализе анимационных советских фильмов холодной войны (1946—1963), посвящена исследованию роли гендерного дискурса в создании образа США. Автор показывает, что мультипликация была эффективным оружием холодной войны. Репрезентации американской мужественности, женственности, любви, брака, семейных отношений были призваны убедить аудиторию анимационных фильмов в превосходстве гендерного порядка СССР. Для делегитимации гендерных отношений американского общества в советских мультфильмах использовались такие специфические свойства анимации, как искажение пропорций тел, изображение внешних и внутренних «чужих» в обликах малосимпатичных животных, акцентирование цветового контраста «своих» и «чужих», привлечение джазовой музыки в качестве знака американскости.

Ключевые слова: советский кинематограф, анимационные фильмы, холодная война, антиамериканизм, образ врага, гендерный дискурс.

“I AM SO GLAD I DON’T LIVE IN AMERICA IN REAL LIFE!” THE IMAGE OF THE USA IN GENDER DISCOURSE OF SOVIET ANIMATION (1946—1963)

O. V. Riabov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation, Riabov1@inbox.ru

The article based on the analysis of the Soviet animated films of the “Long Fifties” (1946—1963) deals with the role of gender discourse in constructing the USA image. The author discusses how the animation served as a weapon of the Cold War confrontation. Representations of American masculinity, femininity, love, marriage, and family issues were aimed

© Рябов О. В., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

to ensure the animated films' audience in superiority of the Soviet gender order. In order to delegitimize the USA gender order the films employed the specific possibilities of animation: distorting the bodies' proportions, picturing the external and internal "Them" in the guises of repulsive animals, using color to juxtapose "Us" and "Them", and exploiting jazz music as a sign of Americanness.

Key words: Soviet cinema, animated films, Cold War, Anti-Americanism, image of the enemy, gender discourse.

Кинематограф СССР и США играл важную роль в противостоянии двух сверхдержав, и этот аспект холодной войны привлекает все большее внимание исследователей (см., напр.: [Gillespie, 2002; Shaw, Youngblood, 2010, 2017; Heller, 2005; Рябов, 2013; Riabov, 2017; Федоров, 2017]). Вклад мультипликации, анимационного кино, в создание образов врага пока исследован значительно меньше (можно отметить лишь статью А. Федорова [Fedorov, 2016]), хотя в целом этот жанр отечественного кино не может пожаловаться на отсутствие интереса со стороны ученых (см., напр.: [Кривуля 2002; Капков, 2006; Beumers, 2007; Ромашова, 2011; Pontieri, 2012; Pikkov, 2016]).

Образы «своих» и «чужих» формируются при помощи различных дискурсов политики идентичности, среди которых гендерный занимает особое место. Он востребован и в отечественном антиамериканизме (см., напр.: [Рябова, Романова, 2012; Riabov, 2017]), и цель этой статьи заключается в анализе того, как гендерные отношения в американском обществе представлены в советском анимационном кино 1946—1963 гг. (период так называемых долгих пятидесятых, или первой холодной войны). Мы рассмотрим такие аспекты гендерного дискурса, как репрезентации мужественности, женственности, любви, брака, семьи. Но вначале речь пойдет о том, какое место мультипликация занимала в идеологическом противостоянии холодной войны и в силу каких жанровых особенностей это происходило.

Мультипликационная холодная война

Мультипликация выступает эффективным средством пропаганды, в том числе пропаганды военной. Она вырастает из карикатуры, которая обладает особыми возможностями в плане производства ирреального мира; получая значительную изобразительную свободу, художник может заострять одни черты культуры и затушевывать другие. Особое значение способность карикатуры к гиперболизации приобретает в процессах коллективной идентификации, позволяя проводить символическую границу между «своими» и «чужими» ярко и отчетливо. Эти черты карикатуры обуславливают ее широкое применение в политической пропаганде [Гайлите, 2013; Рябов, 2017]. Соответственно анимационный фильм также имеет значительный потенциал в создании образов врага: искажение реальности в мультфильме воспринимается аудиторией как вполне легитимное следование законам жанра — в отличие от игрового кино, где такое искажение расценивается в основном как пропаганда. По сравнению же с карикатурой анимация имеет такие преимущества, как нарратив и музыка, которые обладают собственными возможностями убеждения аудитории. Пропагандистский потенциал мультипликационных фильмов был осознан в самом начале

истории анимации и использован уже в Первую мировую войну (например, в анимационном фильме В. Старевича «Бельгийская лилия» (1915) война была показана как столкновение начала жизни, символизирующего страны Антанты, с бездушной бесчеловечной машиной как аллегорией германского милитаризма [Jahn, 1995: 165]). Мультфильмы становятся заметной частью пропаганды в период Второй мировой войны; неудивительно, что они стали привлекаться к решению задач холодной войны — как американским, так и советским кинематографом. Советская критика США активизировалась после появления «Плана мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (1949), рекомендовавшего уделять особое внимание ряду аспектов образа главного врага, среди которых был и такой, как «проповедь аморализма и звериной психологии в США» [План мероприятий, 2005: 322]. Тезис о моральном упадке западного мира был одним из важнейших положений советской идеологии, и перед кинематографом стояла двуединая задача: показывать высокий моральный облик советского человека и разоблачать тлетворную моральную основу буржуазного общества [Большаков, 1947: 2, 3]; отечественная киноиндустрия успешно решала эту задачу, и анимационное кино внесло в ее решение свою лепту.

Сегодня мультики ассоциируются в основном с юной аудиторией. В период холодной войны мультфильмы также создавались для подрастающего поколения; образ Америки появляется и в них (например, «Машенькин концерт» (реж. М. Пашенко, 1948), «Полет на Луну» (реж. З. Брумберг, В. Брумберг, 1953)), внося заметный вклад в формирование у детей картины мира, разделенного на два лагеря. («Холодная война детей» — это отдельная интереснейшая тема, которая уже привлекает внимание исследователей (напр.: [Веселые человечки, 2008; Реасок, 2014].) Однако мультфильмы производились и для взрослой аудитории (собственно, в таком качестве данный жанр киноискусства и возникает; только в 1936 г. создается киностудия «Союзмультфильм» для выпуска рисованных короткометражных фильмов, предназначенных детской аудитории). В послевоенный период кинокритика отмечала необходимость привлечения анимационного кино к освещению внешнеполитической проблематики; так, в статье 1951 г. автор, сетуя на недостаток мультфильмов на «злободневные сюжеты из международной жизни», подчеркивал: «Ждут своего сатирического воплощения бранные “подвиги” генерала Макартура, деятельность Эйзенхауэра по сколачиванию армии новоявленных крестоносцев и т. д.» [Дружнин, 1951: 37]. В период «оттепели» происходит значительное увеличение количества мультфильмов, рассчитанных на взрослую аудиторию [Pontieri, 2012; Васильева, 2015], в том числе на международные темы, о которых речь пойдет далее.

Мужественность

Анимационный фильм «Акционеры» (реж. Р. Давыдов, 1963), в котором жизнь американского общества показана наиболее полно, посвящен разоблачению мифа буржуазной пропаганды о народном капитализме. Главный герой, Майкл Чейз, — рабочий на фабрике мистера Пирсона. Поскольку у него есть акция этой фабрики, то, как настойчиво внушает ему пропаганда, он является партнером Пирсона, совладельцем фабрики. Но реалии американского общества быстро развеивают эти иллюзии.

Для нашего исследования фильм представляет интерес потому, что он также является попыткой разоблачения буржуазного мифа о «настоящих мужчинах». Казалось бы, жизнь Майкла — воплощение американской мечты. У него куплены в кредит загородный дом, роскошное авто, телевизор, холодильник... Навязчивая реклама призывает Майкла покупать вещи, чтобы стать «суперменом», и тот стремится соответствовать этому канону. Своеобразным сертификатом его образцовой американской маскулинности выступает прекрасная блондинка Дженни, с которой главного героя связывают романтические отношения. Словом, у него есть все атрибуты успеха по-американски (ил. 1).

Ил. 1

Однако неумолимая логика капитализма (высшая цель — получение максимальной прибыли любой ценой) приводит к тому, что мистер Пирсон заменяет Майкла роботом. Тот теряет работу, дом, машину, а потом и здоровье. Дженни бросает его и становится любовницей Пирсона (ил. 2). Майкл лишается не только денег, но и всех атрибутов маскулинности. Мужчина в Америке — это тот, у кого есть доллары.

Ил. 2

Мы уже отмечали, что значимое место в кинорепрезентациях США занимает деконструкция дискурса американской маскулинности, создаваемого Голливудом [Riabov, 2017]. В статье Г. Рошаль так описывается герой американского кино: «Этот милый простак исповедует только одну религию — религию острого локтя и стального кулака. <...> Это достойно мужчины» [Рошаль, 1947: 30—31]. Другой режиссер, М. Калатозов, более категоричен: «Перед Голливудом сегодня поставлена задача внушить людям необходимость войны, ожесточить их, превратить в кровожадных зверей... <...> С раннего возраста детям внушают, что американец — это супермен. Он должен быть выше всех, сильнее всех, должен уметь подчинить себе всех» [Калатозов, 1952: 100].

Очевидно, понятие настоящего мужчины призвано выразить иронию в отношении голливудского концепта маскулинности; при этом в советских кинофильмах его использовали только представители вражеского мира (например, Джанет Шервуд, американская шпионка из «Встречи на Эльбе» (реж. Г. Александров, 1949)), а в кинокритике он был востребован для подчеркивания, если пользоваться терминологией того времени, «звериной природы американского империализма» (напр.: [Кокорева, 1950: 30]). Иными словами, в рассматриваемый период концепт «настоящий мужчина» рассматривался как идеологически чуждый. Этот вопрос заслуживает отдельного исследования. На нынешней стадии понимания проблемы можно лишь предположить, что причина этого — негативное отношение к идее сильной личности, которое занимало важное место в большевистском мировоззрении еще с предреволюционных времен. Эта идея противоречила советской идеологии, одним из краеугольных камней которой был принцип коллективизма. Противопоставление себя коллективу, зазнайство, гордыня — эти пережитки эксплуататорского строя в советских людях бичевались во многих произведениях того времени, в том числе в кинофильмах [Riabov, 2017]. Разоблачению проявлений индивидуализма посвящены и мультфильмы, в том числе для юной аудитории: «Чемпион» (реж. А. Иванов, 1948), «Муравьишка-хвастунишка» (реж. В. Полковников, 1961), «Шайбу! Шайбу!» (реж. Б. Дежкин, 1964) и др. Кроме того, в американском супермене видели наследника сверхчеловека как составной части идеологии нацизма. Образ супермена, как следует из приведенных слов М. Калатозова, расценивался в качестве идеологического оружия поджигателей новой войны. Маскулинность «американской военщины» связывается с такими чертами, как культ насилия, безжалостность, бессовестность, убожество внутреннего мира.

Зловещие образы американских военных («Мистер Уолк» (реж. В. Громов, 1949), «Акционеры») в советской мультипликации дополнялись их демаскулинизацией. Так, в первом выпуске сатирического журнала «Мультипликационный Крокодил» (реж. В. Попов, Л. Позднеев, В. Пекарь, 1960) появляется изображение незадачливого летчика Г. Пауэрса, сбитого в районе Свердловска советской ракетой 1 мая 1961 г. (ил. 3).

Ил. 3

Другой типаж американской маскулинности, часто встречающийся в советской культуре, — это дельец. Вульгарность, самоуверенность, бездуховность — такие качества выступают атрибутами представителей данного типа маскулинности (как и неизменная сигара во рту). Примером такого дельца является мистер Цент из мультфильма «Дорогая копейка» (реж. И. Аксенчук, 1961) (ил. 4). Заметим, что подобное изображение американской маскулинности, базирующееся на представлениях об отсутствии в Америке подлинной культуры, было достаточно распространенным во время холодной войны (включая игровое кино, сатирическую графику [Рябов, 2004; Riabov, 2017]), оно используется и сегодня, в том числе при репрезентациях высших руководителей США [Riabova, 2018].

Ил. 4

Канон советской маскулинности составляли не только сила, храбрость, привлекательность для противоположного пола, профессиональная состоятельность, но и моральные качества — например, порядочность и чувство собственного достоинства. Было важным убедить аудиторию мультипликационных фильмов в том, что для американских мужчин моральная чистоплотность оказывается недостижимой роскошью; они сталкиваются с дилеммой, которую в «Русском вопросе» (реж. М. Ромм, 1947) журналист Гарри Смит формулирует следующим образом: можно ли в американском обществе быть счастливым и честным одновременно? Смит, как известно, выбирает второе, и когда газетные магнаты поручают ему сочинить пасквиль о России, он отказывается и пишет правдивую книгу. Однако для его коллег, американских репортеров, более типичным был другой выбор. Боб Скетч, главный герой мультфильма «Заокеанский репортер» (реж. Г. Ломидзе, 1961), едет в СССР с аналогичным заданием редакции «Стрикороба корпорейшн», не испытывая никаких сомнений. Это и не должно удивлять аудиторию: как показано в фильме, его интересуют только деньги, женщины, машины и выпивка; он очень честолюбивый, не очень способный и совершенно бессовестный. В журнале «Искусство кино» впечатления от мультфильма сформулированы следующим образом: «Сколько их, этих “заокеанских репортеров”, еще посещают нашу страну, пользуясь нашим гостеприимством. Они, как шелудивые псы, рыщут на задворках нашего строительства, в стороне от большой дороги, вынюхивая и выискивая, чем бы им поживиться» [Каранович, 1962: 143].

Вывод, к которому должна прийти аудитория советских мультфильмов, — единственным «настоящим мужчиной» в Америке является собственно Капитал. Мужчины вынуждены прислуживать тем, у кого есть деньги: не только людям, но и животным, что показано в мультфильме «Миллионер» (реж. В. Бордзиловский, Ю. Прытков, 1963), снятому по сценарию С. Михалкова. Богатая американка завещала все свое состояние бульдогу, и тот прекрасно вписывается в капиталистическую элиту страны, делает политическую карьеру и становится американским сенатором. В этом извращенном мире всевластия денег состоятельной собаке отведено место выше, чем обыкновенным людям. Весьма символично выглядит сцена, когда подгулявшая псина справляет нужду на ботинки нью-йоркского полицейского, и грозный офицер при этом, подобострастно улыбаясь, отдает бульдогу честь...

Женственность

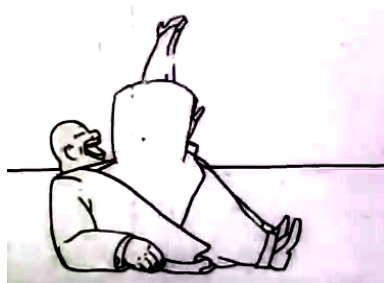
Вернемся к мультфильму «Акционеры». Дженни оставляет Майкла ради более успешного мужчины, причем отказывается от него именно тогда, когда тот более всего нуждается в ее помощи. В образе Дженни прослеживаются черты репрезентаций американских женщин, которые советская кинокультура использовала и в других произведениях [Riabov, 2017]. Прежде всего это эгоизм и неспособность к самопожертвованию во имя любимого человека. В советской культуре идея о том, что мужчина и женщина должны делить и радость, и горе, отражающая марксистские взгляды на коммунистическую семью, получала поддержку от укорененного в отечественной литературе и философии мифа о русской женщине — спасительнице мужчины. Подобные различия между советскими и американскими женщинами были особенно понятны аудитории, у которой был опыт Великой Отечественной войны, получивший осмысление, например, в таких фильмах, как «Летят журавли» (реж. М. Калатозов, 1957) и «Баллада о солдате» (реж. Г. Чухрай, 1959).

Киноаудитории такое поведение американки, очевидно, должно было напомнить в первую очередь образ Джесси — героини «Русского вопроса», пьесы К. Симонова, экранизированной М. Роммом. На сцене театра им. Моссовета роль Джесси играла Л. Орлова, которая характеризует свою героиню так: «...продажная женщина, легко покидающая человека, с которым она было связала судьбу, как только этот человек лишается возможности доставлять ей комфорт — единственную цель ее тщеславной жизни. Конечно, таких женщин и воспитывает буржуазный строй...» [Хорт, 2007].

Оставляя Майкла, Дженни демонстрирует еще одно качество, которое приписывалось американцам, — меркантильность, культ доллара. Вновь обратимся к мнению Орловой, высказанному на этот раз в отношении другой американки, роль которой она играла в кинематографе холодной войны, — Джанет Шервуд: «Именно за границей наблюдала я таких женщин — выхоленных, красивых, нарядных и одновременно душевно опустошенных, без высоких стремлений, без теплых чувств и привязанностей, холодных, себялюбивых, честолюбивых, верящих в один лишь банковский текущий счет, поклоняющихся одному лишь доллару» [там же].

Однако, изображая пороки американских женщин, пропаганда предлагала видеть в них не только представителей вражеского мира, но и его жертв.

Та же Орлова пишет о героине «Русского вопроса»: «...женщины капиталистических стран, такие как Джесси, вызывают у моих соотечественниц не только презрение, но и жалость» [там же]. Женский вопрос играл заметную роль в идеологической конфронтации [May, 1988: 18]. Одним из тезисов советской идеологии было положение о том, что в СССР он успешно решен, что рассматривалось как одно из главных достижений социалистического строя. Образ советской женственности конструировался на фоне репрезентаций положения женщины при капитализме. При этом постулировалось, что пороки американской женственности (эгоизм, меркантильность, бессердечие, развращенность, убожество интересов, расизм, антикоммунизм) неслучайны: они порождены буржуазным обществом, которое делает из женщины вещь, товар — такой же, как и все остальное. Примечательно, что уже в «Советских игрушках» — одном из первых советских анимационных фильмов, созданном в 1924 г. Дзигой Вертовым на основе политических шаржей Дени, — тема превращения буржуазным обществом женщины в объект потребления была среди центральных (ил. 5).

Ил. 5

Любовь, брак, семья

Итак, буржуазная женщина является товаром: она достается тому, кто больше за нее заплатит. Американки торгуют своей любовью, и это имеет отношение не только к проституции (популярной теме советской пропаганды [Kenez, 2008: 105], которая в мультипликации этого периода, впрочем, отражения не получила); фактически «любовь на продажу» — краеугольный камень брака по-американски, и главным мотивом вступления в брак выступает коммерческий расчет. Поскольку брак в американском обществе носит классовый характер, то индивидуальные предпочтения в любви не могут быть реализованы из-за социальных барьеров.

Трагизм любви в буржуазном обществе — важная тема пропаганды, получившая отражение во многих произведениях советской культуры, в том числе в игровом кинематографе [Riabov, 2017]. В пародийной форме эта тема была обыграна в мультфильме «Скорая помощь» (реж. Л. Бредис, 1949). Заяц Тотти влюблен в зайчиху Мумми, однако та не соглашается выйти за него замуж: он беден, а его шкурка пришла в негодность. В отчаянии Тотти пытается покончить жизнь самоубийством. Но тут в страну зайцев прибывает мистер Удав, который объявляет, что его страна готова оказать помощь в виде семи новых шкурок для каждого зайца. Недолгим было счастье Тотти и Мумми: помощь мистера Удава оказалась обманом. Мультфильм критикует американский «План Маршалла»

для послевоенной Европы, но также высмеивает и буржуазный брак, когда счастье индивида зависит от качества его шкурки.

Поскольку подлинная любовь в Америке обречена на неудачу, то ее суррогатом выступает секс. Разврат служил важным маркером для сигнификации США; пропаганда стремилась показать, что это неотъемлемая и распространенная часть американской повседневности. Например, С. Герасимов так описывает свои впечатления от пребывания в США: «Нагое женское тело, наподобие национальной торговой марки, стало символом американской коммерции. <...> Непристойность американской рекламы моментами просто неопишима. И очень стыдно и неприятно видеть, как... идущие по улицам женщины давно уже, видимо, не замечают той оскорбительной роли, которую им отвела американская коммерческая “культура”» [Герасимов, 1949] (см. также: [Калатозов, 1949: 52, 121]).

В советской визуальной культуре соответствующий образ повседневной жизни США создавался прежде всего за счет того, что своеобразным знаком американскости, — столь же распространенным, как, скажем, небоскребы, — становятся изображения полуодетых красоток на уличной рекламе, в карикатуре, в игровом кино («Встреча на Эльбе», «Русский вопрос», «Русский сувенир» (реж. Г. Александров, 1960)); появляются они и в мультипликации («Миллионер», «Акционеры», «Заокеанский репортер» и др.).

Обратим внимание на еще один аспект развития пропагандой этой темы, который связан с такой специфической чертой анимационных фильмов, как использование в них музыки. Враг должен был иметь не только визуальное, но и звуковое выражение, что было особенно значимо в мультипликации, где музыка играла особо важную роль. В советском кинематографе холодной войны музыкальным знаком американскости, символическим пограничником, отделяющим «своих» от «чужих», выступает джаз. Например, выразительный звуковой портрет Америки при помощи джазовой музыки создали А. Хачатурян в «Русском вопросе» и Д. Шостакович во «Встрече на Эльбе». Джаз активно привлекался в качестве маркера Америки и в мультипликации («Акционеры», «Миллионер», «Мистер Твистер» и др.). Показательно, что он использовался также для обозначения внутренних «чужих» (прежде всего «космополитов» и стилияг), пороки которых советская пропаганда объясняла тлетворным влиянием Америки («Чужой голос» (реж. И. Иванов-Вано, 1949), «Знакомые картинки» (реж. Е. Мигунов, 1957), «Дело №...» (реж. Ф. Епифанова, 1964)) (см. об этом подробнее: [MacFadyen, 2005; MacMillen, Kowell, 2015]). При этом данный маркер наделялся определенным значением; приведем несколько характеристик, которыми джаз награждается, вероятно, в самой известной книге, критикующей джаз, — «Музыка духовной нищеты» В. Городинского: «Джазовый танец пластически выражает только липкую, холодную, лягушачью сексуальность и ничего более», «Это тенденция... к замене жаркого чувства любви холодной похотью, к полному разрушению и исчезновению поэзии из жизни человека» [Городинский, 1950: 86]¹.

¹ Заслуживает упоминания еще один музыкальный маркер, используемый в мультфильмах для обозначения американскости, который появляется во второй половине 1950-х гг., — рок-н-ролл. В фильме «Привет друзьям!» (реж. М. Пашенко, Д. Бабиченко, Б. Дежкин, 1957), посвященном Московскому фестивалю молодежи и студентов, представители многих стран мира выступают на концерте с музыкальными номерами своих национальных культур,

Вопросы семейных отношений по обе стороны «железного занавеса» занимали заметное место в пресловутой «борьбе за сердца и умы» [May, 1988], включая визуальную советскую культуру [Рябов, 2004]. Критика американской семьи опиралась на традиции марксистского анализа буржуазной формы семейно-брачных отношений, берущие начало в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Ф. Энгельс и его последователи признавали исторически прогрессивный характер буржуазной семьи и вместе с тем бичевали ее пороки: коммерческий характер брака, подчиненное положение женщины, разврат, порожденные неравенством полов, и др. В пролетарской семье основоположники научного коммунизма видели зародыш будущего социалистического брака; лишь пролетарии, лишенные частной собственности, могут свободно, по любви, заключать браки. Репрезентации американской семьи играли роль фона для изображения семьи советской как «высшего исторического типа»; семейные же отношения, построенные на торгашеской основе, искренними быть не могут (см. подробнее: [Рябов, 2004]). В мультфильме «Мистер Уолк» показано, что деньги для американцев значат гораздо больше, чем родственные чувства. После того как была найдена нефть и запахло большим барышом, представители трех поколений уважаемой американской семьи устраивают между собой потасовку. А «богатая старуха» из «Миллионера» и вовсе в своем завещании оставила всех родственников без единого цента, предпочтя им собаку...

Подведем итоги. В стихотворении С. Михалкова «Сон», опубликованном в 1962 г., рассказывается, как советскому мальчику снится, что он плывет на корабле в Америку: «Не знаю, как, / Не знаю, где / Я в этот трюм попал, / А только знаю: быть беде! / И я теперь пропал — / Без папы с мамой, / Без друзей, / Без Родины моей!» Просыпается пионер со словами «Как хорошо, что наяву / Я не в Америке живу!». Действительно, образ США, который формировался в СССР у детей и взрослых, отнюдь не способствовал росту симпатий к основному идеологическому сопернику того времени. Мультфильмы были эффективным оружием холодной войны, которое использовалось по обе стороны «железного занавеса». Образы противоборства двух мировых систем включались в анимационные фильмы: и детские, и те, которые предназначались для взрослой аудитории. Гендерный дискурс отечественной анимации, противопоставляющий советскую и американскую мужественность, женственность, любовь, брак, семейные отношения, подчеркивал превосходство СССР над США.

При этом следует принимать во внимание, что значимым компонентом пропаганды была идея «двух Америк»: «реакционной» и «прогрессивной». Сама сущность советской идеологии с ее приоритетом классового над национальным требовала, чтобы, помимо «плохих американцев», аудитория увидела и «хороших»: коммунистов, рабочий класс, борцов за мир, афроамериканцев. Так, юные чернокожие американцы становятся друзьями советских детей в мультфильмах «Машенькин концерт» и «Полет на луну». С симпатией изображались «простые американцы», к примеру мистер Корн Гибрид — маис, приехавший в гости к Кукурузе («Мультипликационный Крокодил»). Союзниками советских людей

и эти номера встречают всеобщее одобрение. Однако когда ведущий концерта обнаруживает листки с нотами рок-н-ролла, он с отвращением рвет их на части, а те — обратим на это внимание — трансформируются в ку-клукс-клановцев.

выглядят прогрессивные американцы, выступающие против поджигателей войны с Уолл-стрит, и ряд фильмов показывает многолюдные демонстрации сторонников мира, а также ярость, которую они вызывают у реакционных кругов США, — как, например, в «Миллионере» (ил. 6). В целом, однако, советская анимация излучает исторический оптимизм; в мультфильме «Слова и буквы» (1962) из 4-го выпуска сатирического киножурнала «Фитиль», появившегося в период Карибского кризиса, утверждается: «Но в США живет народ, / Что не войны, а мира ждет. / И это надо бы учесть / Всем, позабывшим стыд и честь».

Ил. 6

Для делегитимации гендерных отношений в американском обществе в мультфильмах привлекались те же дискурсивные стратегии, что и в игровом кино. Кроме того, использовалась специфика анимации: искажение пропорций тел, изображение внешних и внутренних «чужих» в обликах малосимпатичных животных (например, крыса в «Лесном концерте» (реж. И. Иванов-Вано, 1953)²), акцентирование цветового контраста «своих» и «чужих», привлечение джазовой музыки в качестве знака американскости.

Библиографический список

- Большаков И. Г. Год перестройки // Искусство кино. 1947. № 6. С. 1—3.
Вано И. Искусство мультипликации // Искусство кино. 1947. № 6. С. 21—25.
Васильева В. П. Образ советского чиновника в сатирических мультфильмах эпохи «оттепели» // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5—6. С. 56—63. URL: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/05/Vasilyeva.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).

² «Низкопоклонство перед Западом» этой героини мультфильма проявляется, в частности, в том, что на стене ее квартиры висит портрет диснеевского Микки Мауса... Любопытно, что сам режиссер в статье, опубликованной в 1947 г., критиковал тех, кто видит в Микки Маусе высшее достижение мировой мультипликации, порицая «диснеизацию» отечественного анимационного кино и призывая отказаться от следования американским образцам: «Мы не должны никому подражать! Мультипликация должна быть русской, советской, мы не должны забывать, что первым мультипликатором был наш русский художник Старевич» [Вано, 1947: 25].

- Веселые человечки: культурные герои советского детства: сборник статей / под ред. И. В. Кукулина. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 415 с.
- Гайлите Г.* Медведь и Латвия: образы латышско-российских отношений в карикатуре // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. № 4. С. 29—40. URL: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/11/gailite.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).
- Герасимов С. А.* Двенадцать дней в Америке // *Литературная газета.* 1949. № 37. С. 4.
- Городинский В. П.* Музыка духовной нищеты. М.; Л.: Музгиз, 1950. 136 с.
- Дружнин В.* В общем строю киноискусства // *Искусство кино.* 1951. № 2. С. 34—37.
- Калатозов М.* Лицо Голливуда. М.: Госкиноиздат, 1949. 128 с.
- Калатозов М.* Правда советского киноискусства в борьбе за мир // *Искусство кино.* 1952. № 1. С. 98—102.
- Капков С. В.* Энциклопедия отечественной мультипликации. М.: Алгоритм, 2006. 816 с.
- Каранович А.* Григорий Ломидзе. Режиссер кукольных мультфильмов // *Искусство кино.* 1962. № 3. С. 142—143.
- Кривуля Н. Г.* Лабиринты анимации: исследования художественного образа российских анимационных фильмов второй половины XX в. М.: Грааль, 2002. 296 с.
- Кокорева И.* В защиту справедливости // *Искусство кино.* 1950. № 2. С. 29—32.
- План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время // *Сталин и космополитизм, 1945—1953: документы Агитпропа ЦК КПСС / под ред. Д. Г. Наджафова.* М.: Междунар. фонд «Демократия», 2005. С. 321—325.
- Ромашова М. В.* От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // *Вестник Пермского университета.* 2011. № 3. С. 114—119.
- Рошаль Г.* Герой стандартного голливудского фильма // *Искусство кино.* 1947. № 5. С. 30—31.
- Рябов О. В.* «Их нравы»: американская семья в зеркале советской пропаганды «холодной войны» // *Семейные узы: модели для сборки / под ред. С. Ушакина.* М.: Новое лит. обозрение, 2004. Кн. 2. С. 173—187.
- Рябов О. В.* «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946—1963 гг.) // *Общественные науки и современность.* 2013. № 5. С. 166—176.
- Рябов О. В.* «Родина-мать» в революционной карикатуре начала XX в.: легитимация и делегитимация власти // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 2. С. 84—97.
- Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе.* 2012. № 3. С. 21—35.
- Федоров А. В.* Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Информация для всех, 2017. 389 с.
- Хорт А. Н.* Любовь Орлова М.: Мол. гвардия, 2007. 400 с. URL: http://modernlib.ru/books/aleksandr_hort/lyubov_orlova/read/ (дата обращения: 01.04.2018).
- Beumers B.* Comforting creatures in children's cartoons // *Russian Children's Literature and Culture / ed. by M. Balina, L. Rudova.* New York; Oxon: Routledge, 2007. P. 153—172.
- Fedorov A.* The application of hermeneutical analysis to research on the Cold War in Soviet animation media texts from the second half of the 1940s // *Russian Social Science Review.* 2016. Vol. 57, № 3. P. 194—204.
- Gillespie D.* *Russian Cinema.* New York: Longman, 2002. 216 p.
- Heller D.* A passion for extremes: Hollywood's Cold War romance with Russia // *Comparative American Studies.* 2005. Vol. 3, № 1 (March). P. 89—110.
- Jahn H. F.* *Patriotic Culture in Russia during World War I.* Ithaca: Cornell University Press, 1995. 229 p.

- Kenez P. The picture of the enemy in Stalinist films // *Insiders and Outsiders in Russian Cinema* / ed. by S. M. Norris, Z. M. Torlone. Bloomington (IN): Indiana University Press, 2008. P. 96—112.
- MacFadyen D. *Yellow Crocodiles and Blue Oranges: Russian Animated Film since World War II*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. 256 p.
- MacMillen I., Kowell M. Cartoon jazz: Soviet animations and the Khrushchev «Thaw» // *Film & History: an Interdisciplinary Journal*. 2015. Vol. 45, № 2 (Winter). P. 24—38.
- May E. T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. New York: Basic Books, 1988. 284 p.
- Peacock M. *Innocent Weapons: the Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014. 304 p.
- Pikkov U. On the topics and style of Soviet animated films // *Baltic Screen Media Review*. 2016. Vol. 4. P. 17—37.
- Pontieri L. *Soviet Animation and the Thaw of the 1960s: Not Only for Children*. Bloomington: Indiana University Press, 2012. 248 p.
- Riabov O. Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193—219.
- Riabova T. «The clash of masculinities»? Gendering Russia — the West relations in popular geopolitics // *Russian Civilizational Identity: New Analytical Perspectives* / ed. by S. Turoma et al. London; New York: Routledge, 2018. P. 88—110.
- Shaw T., Youngblood D. *Cinematic Cold War: the American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010. 301 p.
- Shaw T., Youngblood D. Cold War sport, film, and propaganda: a comparative analysis of the superpowers // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 160—192.

References

- Beumers, B. (2007) Comforting creatures in children's cartoons, in: Balina, M., Rudova, L. (eds), *Russian Children's Literature and Culture*, New York, Oxon: Routledge, pp. 153—172.
- Bol'shakov, I. G. (1947) God perestroiki [The year of perestroika], *Iskusstvo kino*, no. 6, pp. 1—3.
- Druzhnin, V. (1951) V obshchem stroiu kinoiskusstva [In the same ranks of cinematic genres], *Iskusstvo kino*, no. 2, pp. 34—37.
- Fedorov, A. (2016) The application of hermeneutical analysis to research on the Cold War in Soviet animation media texts from the second half of the 1940s, *Russian Social Science Review*, vol. 57, no. 3, pp. 194—204.
- Fedorov, A. V. (2017) Otrazheniia: Zapad o Rossii / Rossiia o Zapade. Kinoobrazy stran i liudei [Reflections: the West about Russia / Russia about the West. The cinematic images of people and countries], Moscow: Informatsiia dlia vsekh.
- Gailite, G. (2013) Medved' i Latviia: Obrazy latyshsko-rossiiskikh otnosheniĭ v karikature [Bear and Latvia: The images of Latvian-Russian relations in caricature], *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 4, pp. 29—40, available from <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/11/gailite.pdf> (accessed 01.04.2018).
- Gerasimov, S. A. (1949) Dvenadsat' dneĭ v Amerike [Twelve days in America], *Literaturnaia gazeta*, no. 37, p. 4.
- Gillespie, D. (2002) *Russian Cinema*, New York: Longman.
- Gorodinskiĭ, V. P. (1950) *Muzyka dukhovnoĭ nishchety* [The music of spiritual poverty], Moscow, Leningrad: Muzgiz.

- Heller, D. (2005) A passion for extremes: Hollywood's Cold War romance with Russia, *Comparative American Studies*, vol. 3, no. 1 (March), pp. 89—110.
- Hort, A. N. (2007) *Liubov' Orlova* [Lyubov Orlova], Moscow: Molodaia gvardiia, available from http://modernlib.ru/books/aleksandr_hort/lyubov_orlova/read/ (accessed 01.04.2018).
- Jahn, H. F. (1995) *Patriotic Culture in Russia during World War I*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kalatozov, M. (1949) *Litso Gollivuda* [The face of Hollywood], Moscow: Goskinoizdat.
- Kalatozov, M. (1952) Pravda sovetskogo kinoiskusstva v bor'be za mir [Truth of the Soviet cinema's struggle for peace], *Iskusstvo kino*, no. 1, pp. 98—102.
- Kapkov, S. V. (2006) *Éntsiklopediia otechestvennoi mul'tiplikatsii* [Encyclopedia of Russian animation], Moscow: Algoritm.
- Karanovich, A. (1962) Grigoriĭ Lomidze. Rezhissĕr kukol'nykh mul'tfil'mov [Grigoriĭ Lomidze. Director of puppet cartoons], *Iskusstvo kino*, no. 3, pp. 142—143.
- Kenez, P. (2008) The picture of the enemy in Stalinist films, in: Norris, S. M., Torlone, Z. M. (eds), *Insiders and Outsiders in Russian Cinema*, Bloomington, IN: Indiana University Press, pp. 96—112.
- Kokoreva, I. (1950) V zashchitu spravedlivosti [In defense of justice], *Iskusstvo kino*, no. 2, pp. 29—32.
- Krivulia, N. G. (2002) *Labirinty animatsii: Issledovaniia khudozhestvennogo obraza rossiiskikh animatsionnykh fil'mov vtoroi poloviny XX v.* [Labyrinths of animation: Studying the images of Russian animation in second half of XX c.], Moscow: Graal'.
- Kukul'in, I. V. (ed.) (2008) *Vesĕlye chelovechki: kul'turnye geroi sovetskogo detstva* [Merry little fellows: Cultural heroes in Soviet childhood], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- MacFadyen, D. (2005) *Yellow Crocodiles and Blue Oranges: Russian Animated Film since World War II*, Montreal: McGill-Queen's University Press.
- MacMillen, I., Kowell, M. (2015) Cartoon jazz: Soviet animations and the Khrushchev "Thaw", *Film & History: An Interdisciplinary Journal*, vol. 45, no. 2 (Winter), pp. 24—38.
- May, E. T. (1988) *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*, New York: Basic Books.
- Peacock, M. (2014) *Innocent Weapons: The Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Pikkov, U. (2016) On the topics and style of Soviet animated films // *Baltic Screen Media Review*, vol. 4, pp. 17—37.
- Plan meropriiatii po usileniiu antiamerikanskoĭ propagandy na blizhaĭshee vremia (2005) [The plan on reinforcement of the Anti-American propaganda in the near future], in: Nadzhafov, D. G. (ed.), *Stalin i kosmopolitizm, 1945—1953: Dokumenty Agitpropa TsK KPSS*, Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia", pp. 321—325.
- Pontieri, L. (2012) *Soviet Animation and the Thaw of the 1960s: Not Only for Children*, Bloomington: Indiana University Press, 2012.
- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O. V. (2004) "Ikh nravy": Amerikanskaia sem'ia v zerkale sovetskoĭ propagandy "kholodnoi voiny" ["The moral of Them": American family in the mirror of the Soviet propaganda during the Cold War], in: Ushakin, S. (ed.), *Semeĭnye uzy: Modeli dlia sborki*, b. 2, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 173—187.
- Riabov, O. V. (2013) "From Russia with love": Obraz SSSR v gendernom diskurse amerikanskogo kinematografā (1946—1963 gg.) ["From Russia with love": Image of the USSR in gender discourse of American cinema (1946—1963)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 166—176.
- Riabov, O. V. (2017) "Rodina-mat'" v revoliutsionnoi karikature nachala XX v.: legitimatsia i delegitimatsiia vlasti [The "Motherland" in the revolutionary caricature of early XX c.:

- legitimation and delegitimation of power], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 84—97.
- Riabova, T. (2018) “The clash of masculinities”?: Gendering Russia — the West relations in popular geopolitics, in: Turoma, S., et al. (eds), *Russian Civilizational Identity: New Analytical Perspectives*, London, New York: Routledge, pp. 88—110.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2012) Genderное измерение современного rossiiskogo anti-amerikanizma: (K postanovke probleme) [Gender dimension of contemporary Russian Anti-Americanism], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—35.
- Romashova, M. V. (2011) Ot istorii animatsii k istorii detstva v SSSR: postanovka problemy [From the history of animation to the history of childhood in the USSR], *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3, pp. 114—119.
- Roshal', G. (1947) Geroi standartnogo gollivudskogo fil'ma [Hero of a typical Hollywood film], *Iskusstvo kino*, no. 5, pp. 30—31.
- Shaw, T., Youngblood, D. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Shaw, T., Youngblood, D. (2017). Cold War sport, film, and propaganda: A comparative analysis of the superpowers, *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 160—192.
- Vano, I. (1947) Iskusstvo mul'tplikatsii [Art of animation], *Iskusstvo kino*, no. 6, pp. 21—25.
- Vasil'eva V. P. (2015) Obraz sovetskogo chinovnika v satiricheskikh mul'tfil'makh epokhi “ottepeli” [A Soviet official's image in the Thaw satirical cartoons], in: *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 5—6, pp. 56—63, available from <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2016/05/Vasilyeva.pdf> (accessed 01.04.2018).

Статья поступила 12.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, консультант проректора по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Consultant of Vice-Rector for Research, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 104—115
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.9

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 104—115
ББК 66.041.32
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.9

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ПОСТСОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. Н. Чирун, Е. А. Боброва

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия,
Sergii-Tsch@mail.ru

Статья посвящена анализу актуальных гендерных особенностей российской публичной политики и политического участия. Выражено мнение, что «гендер» представляет собой не только научную категорию, но и динамичный, трансформирующийся социальный конструкт. Показаны роль и значение гендерного фактора в публичной политике постсовременности, взаимосвязь между развитием институтов гражданского общества и параметрами политического участия граждан в гендерном измерении, а также гендерно-обусловленная трансформация политического поведения и электоральных предпочтений в ситуации постмодерна. Представлены перспективные направления анализа политических процессов с учетом гендерного фактора.

Ключевые слова: гендер, политическое участие, публичная политика, фемининность, маскулинность, господство, патернализм, постмодерн.

GENDER PECULIARITIES OF POLITICAL PARTICIPATION IN POSTMODERN RUSSIA

S. N. Chirun, E. A. Bobrova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation,
Sergii-Tsch@mail.ru

The article, which includes the main theoretical and methodological approaches to explaining the concept of “gender”, is devoted to the analysis of the current gender specific features of Russian public policy and political participation. According to the authors, “gender” is not only a scientific category, but also a dynamic and transforming social construct. The authors try to show the role and significance of the gender factor in the public policy of postmodernity. The article shows the relationship between the development of civil society institutions and the parameters of citizens’ political participation in the gender dimension. The gender-dependent transformation of political behavior and electoral preferences in a post-modern situation is shown. Perspective directions of the analysis of political processes taking into account the gender factor are presented.

Key words: gender, political participation, public policy, femininity, masculinity, domination, paternalism, postmodernity.

Актуальность исследования гендерных особенностей политического участия обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, постсовременное общество нестабильно, уже не скреплено традициями, в том числе в области гендерных отношений, а новые принципы и ценности гражданского активизма, основанного на игре, случайности, ризоме и сетевом конструировании, мало соответствуют авторитарно-патриархальной политической культуре, в которой ведущую функцию выполняют традиционные гендерные роли.

Во-вторых, в постмодерне наблюдаются массовые трансформации «гендерного образа» личности в направлении деконструкции и симуляции вследствие сформировавшегося потока дефиниций — «гендеризмов», характеризующих отдельные когнитивные и поведенческие девиации личности, которые возникают на периферии ядра гендера и аргументируют свою метанарративность углубленным пониманием феномена.

В-третьих, динамика политических процессов в постмодерне сопровождается бегством от метанарратива, попытками пересмотра значения традиционных категорий «мужское» и «женское» и возможность манипулирования гендерной идентичностью приводит к пересмотру гендерных отношений, что трансформирует адаптационный потенциал личности, создает предпосылки коллективных девиаций и деформирует гендерную структуру общества.

В ситуации постмодерна участники политического процесса, оказавшиеся на пересечении целенаправленного воздействия информационных потоков различной идеологической направленности, проявляют выраженный скептицизм в отношении традиционного гендерного метанарратива.

Сети генерируют новую модель политического участия, в рамках которой гендерная политика приобретает форму фрагментированной системы, открытой для презентации соревнующихся моделей.

В эпоху глобальной конкуренции возможности достижения гендерного равенства, как и перспективы решения острых демографических проблем, влияют и на статус государства на международной арене, выступая элементом soft power в процессах геополитического соперничества.

Концептуальное осмысление гендера

Категория «гендер» была введена в научный оборот в начале 1960-х гг. Р. Столлером, интерпретирующим его в качестве социально-психологического пола, определяющего нормативную и статусно-социальную позицию индивида в обществе (см.: [Kateb et al., 2004]). Спустя десятилетие гендерная теория получает мощное развитие, что было обусловлено успехом феминистских общественно-политических движений.

Идея гендера прежде всего основана на том, что дихотомия двух полов не сводится лишь к биологическим отличиям [Тарасенко, 2014: 195], поскольку сюда же относятся различия в мотивации, целях и ценностях.

Различия пола и гендера рассматриваются Г. Рубин в работе «Обмен женщинами», в которой она использовала категорию пологендерной системы, определяя последнюю как пакет соглашений, которыми социум оперирует, чтобы сублимировать сексуальную активность в общественный продукт. Согласно

Г. Рубин, гендерная система фактически представляет собой систему властного доминирования и преследует в качестве своей конечной цели концентрацию властного ресурса в руках мужчин [Рубин, 2000: 109]. Гендер — в данной интерпретации — это, по сути, социальный статус, поскольку он обуславливает возможности и перспективы получения индивидом качественного образования, престижной работы, политической власти, а также прочих дефицитных ресурсов и ценностей. Это социальный пол, отличающийся от пола биологического (sex) [Здравомыслова, Темкина, 1996].

Одну из первых концепций протогендера (биполярная модель) сформулировали еще в 30-х гг. XX в. Л. Терман и К. Майлз (см.: [La Toure, William, 1978: 141]). Теория постулировала радикальный антагонизм проявлений фемининности и маскулинности в человеческой личности. Лишь с 1970-х гг. стала допускаться возможность наличия в рамках одной личности фемининных и маскулинных качеств, что повлекло возникновение психологической андрогинии [Хоч, 2011]. В науке до 1970-х гг. гендерная проблематика ограничивалась преимущественно вопросами половых отношений [Кон, 2004].

Однако с 1990-х гг. наблюдается взлет исследовательского интереса к гендерной проблематике (см.: [Рябова, Овчарова, 2016]). С. Бем была разработана теория гендерных схем, определяющая специфику гендера в качестве базиса систематизации общественно значимых представлений индивида [Бем, 2004].

В этот период формируются основные направления гендерных исследований.

1. Статусно-ролевой подход, объясняющий поведенческие различия женщин и мужчин особенностями процесса их социализации [Рябова, Овчарова, 2016]. Например, по мнению Т. Парсонса, общество приписывает женщине экспрессивную функцию, а мужчине инструментальную и изменить такое распределение функций невозможно [Парсонс, 2000]. С данной точкой зрения солидаризировались приверженцы эволюционной теории, считавшие, что мужчины генетически запрограммированы на агрессивность, брутальность, властолюбие, промискуитет, в то время как женщины, напротив, на заботу о потомстве и сострадание [Connell, 2000].

2. Феминистические исследования [Клецина, 2002]. Т. де Лауретис рассматривала гендер в качестве компенсационного механизма, действующего в системе социального контроля.

3. Теория конструирования гендера [Gilligan, 1982: 182]. В основе этой теории лежит концепция П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которой индивид, основываясь на объективных данных и жизненном опыте, формирует индивидуальную модель восприятия общественных процессов и определяет свое место в этой модели [Бергер, Лукман, 1995: 123].

Конструирование гендера осуществляется в предписанном пространстве координат, обусловленных статусными ролями женского или мужского пола. Но здесь сам человек выступает творцом гендерных ролей, отношений и правил, что предполагает изменение сложившейся социальной структуры. Следовательно, пол как приписываемая составляющая статуса человека необязательно должен соответствовать его биологическому полу. С этим связано появление таких понятий, как гендерная роль, гендерная идеология, гендерная дифференциация, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия, гендерная стратификация, гендерная идентичность.

В ситуации постмодерна актуализируются девиантные проявления гендерной идентичности, такие как трансгендерность [Иванченко, 2009], гендерквир, интергендер, бигендер, агендер, пансексуальность, эмпауэрмент [Айвазова, 2016], гендерные диспропорции сетевого фронта [Гандалоева и др., 2017: 31] и т. д.

И. Гоффман применяет категорию «гендернизм», которая означает институализацию и ритуализацию пола. Если же граждане массово нарушают гендерные ритуалы, в обществе происходят институциональные изменения [Goffman, 1976]. Среди идеологов данного подхода также можно назвать Г. Гарфинкеля [Гарфинкель, 2007], К. Уэст, Д. Зиммермана. Интегрируя конструктивистский подход с политическим восприятием, Дж. Скотт рассматривает гендер в качестве приоритетного способа артикуляции отношений власти [Scott, 1986: 1057].

Российские авторы также отмечают конструирование гендера за счет действия механизмов социализации [Здравомыслова, Темкина, 2000].

Гендер, в отличие от пола, является конструктом властных отношений, поскольку не только бинарно дифференцирует, но также поляризует и иерархизирует маскулинное и фемининное начала. Но политическая власть сопрягается именно с маскулинными понятиями (сила, воля, господство, управление), в то время как фемининные понятия (чувства, эмоции, слабость, нежность, покорность) соответствуют отсутствию власти и подчинению. Следовательно, обусловленная гендером асимметрия власти означает, что настоящий мужчина — это всегда господин, это тот, кто имеет власть [Рябова, 2008: 115]. Одновременно трактовка гендера как социокультурного конструкта предполагает, что гендерные характеристики взаимодействия формируются и меняются в определенном социально-политическом контексте, являются динамичными и трансформируемыми.

Предельно радикальным воплощением релятивности гендера в ситуации постмодерна стала концепция «постгендеризма». Представители этого направления ратуют за упразднение половых дифференциаций при помощи инновационных технологий в репродуктивной сфере. Отметим, что «постгендеризм» связан с развитием идей радикального феминизма. Например, в работе «Диалектика пола» С. Файрстоун требует не только устранения всех «мужских привилегий», но и самого полового размножения, которое предлагает заменить размножением искусственным [Firestone, 1970]. Подобные идеи представлены в «Манифесте киборгов» Д. Харауэй, которая заявляет, что подлинного гендерного освобождения смогут достичь только постбиологические организмы [Харауэй, 2005]. Так возникает революционный концепт бесполого постчеловека, представляющего неким киберсуществом.

Обобщая теорию гендерного подхода, нужно сказать, что, во-первых, в науке отсутствует универсальное понимание гендера; во-вторых, гендерные различия включают как прирожденные, так и приписываемые особенности личности; в-третьих, понятие «гендер» затрагивает социально-психологические и политико-культурные характеристики.

Наконец, следует указать основные гендерные признаки: гендер — социальный статус, который детерминируется половой принадлежностью индивида, а также исторически и культурно обусловленными общественными ожиданиями; гендерные признаки закрепляются в процессе интериоризации личностью

набора социальных ролей; гендер встраивается в систему общественных отношений, моделируя иерархию властных отношений, где мужчина является доминатором в общественно-политической сфере, где контроль идеологически оформляется легитимацией маскулинного доминирования [Айвазова, 2017: 6]; гендер предполагает интериоризацию ролевых ожиданий общества относительно полового статуса.

Реализуя в своей деятельности элементы общественных ожиданий, связанных с гендерным статусом, индивиды, участвующие в общественно-политическом процессе, создают институциональные основания для гендерных различий. Согласно подходу Дж. Скотт, уже само осознание гендерной принадлежности является конструирующей основой отношений господства и подчинения, основанных на массовых представлениях о половых различиях [Scott, 1986].

Гендерное восприятие политики и политическое участие

Гендер выступает важнейшим фактором, влияющим на развитие политического сознания, поведения и политического участия граждан [Айвазова, 2012], что порождает необходимость в регистрации гендерных маркеров [Степаненко, 2017].

Р. Инглхарт отмечает, что гендерным различиям в рамках электорального процесса не уделяется столько внимания, сколько различиям классовым или конфессиональным [Inglehart, Norris, 2000]. Проблемы гендера в политике могут успешно исследоваться с использованием методологии постмодернизма и сетевого подхода. Особенно это актуально для молодежи, ведь 90 % молодых людей ежедневно взаимодействуют в сетевых сообществах. Главной задачей сетевого политического участия становится «перевод виртуальной активности в мобилизацию сторонников на активность в офлайн, будь то голосование, агитация, участие в мероприятиях и т. д.» [Гандалоева и др., 2017: 79].

Ю. В. Ирхин наглядно демонстрирует основополагающие отличия парадигм модерна и постмодерна [Ирхин, 2014: 18]. В постмодерне политическое участие — это прежде всего управление символами. Возрастанию их значения в политике способствуют процессы информатизации и глобализации, формирования «сервис-класса» — образованных, ориентированных на высокую мобильность и карьеру граждан, активно использующих сетевые средства взаимодействия.

Однако российские политологи исследуют гендерную асимметрию политических структур как федерального, так и регионального уровня [Айвазова, 2012], а также гендерные особенности электорального поведения граждан [Вардьян, 2003: 273]. Фиксируя специфику гендерной динамики от выборов к выборам, они отмечают, что мужчин характеризует более брутальный характер участия в электоральном процессе, в то время как женщины традиционно более конформны. Кроме этого, в ситуации, когда исход выборов уже очевиден и заранее предрешен, мужчины чаще проявляют склонность к абсентеизму. Женщины демонстрируют больше лояльности к власти и государству, тогда как мужчины более склонны к гражданскому активизму и протестным акциям [Айвазова, 2012].

Мужчины фокусируются на статусных атрибутах публичного взаимодействия, женщины же на психологических характеристиках, степени доверия и близости [Знаков, 2004]. Исследования показывают, что женщины в три раза чаще признают над собой власть государства и более послушны, чем мужчины. Так, количество политических нонконформистов среди мужчин в пять раз превосходит их количество среди женщин [Грошев, 2000]. Кроме того, женщины более позитивно относятся к институтам государственной власти, зато менее осведомлены о таких политических категориях, как патриотизм, патернализм, экстремизм и др. [Айвазова, Кертман, 2001].

В ходе исследования, проводимого в 2017 г. под эгидой фонда «Сибирская политика» среди жителей Кемеровской области, нами было опрошено 837 человек в возрасте 18—65 лет, из них 45 % — мужчины и 55 % — женщины. Расчет ошибки выборки показал, что она не превышает 5 % при доверительной вероятности 96 %.

Результаты исследования свидетельствуют, что женщины и мужчины, анализируя личность политического лидера, акцентируют внимание на разных аспектах. Восприятие женщин направлено на морально-психологические характеристики политика, такие как порядочность, отношение к семье, спокойствие, доброта и др. Мужчины же уделяют внимание в первую очередь профессиональным и деловым качествам политика (сильный характер, воля и политическая эффективность).

Отвечая на вопрос «Почему женщины участвуют в политике?», респонденты в качестве главной причины назвали стремление решать актуальные общественные проблемы, а также стремление к самореализации. Однако 30 % опрошенных высказали гипотезу, согласно которой женщины участвуют в политике вследствие недостатка внимания со стороны мужчин. Какие проблемы способна наиболее успешно разрешать женщина-политик? 81 % женщин и 55 % мужчин уверены, что гендерному статусу женщины прежде всего соответствуют вопросы воспитания, образования и молодежной политики.

Российские женщины в своем большинстве не столь политически честолюбивы. Вместе с тем они демонстрируют более высокую электоральную активность. Результаты российских выборов подтверждают мнение, согласно которому количество женщин, участвующих в выборах в качестве избирателей, выше, чем аналогичное количество мужчин, даже при том, что женщины проявляют меньше интереса к самой политике [Музыка, 2015: 249]. Возможно, именно поэтому стремление к лидерству ярче выражено именно у мужчин. Главная особенность женской составляющей российского электората — это ее количественный перевес.

Таким образом, участвуя в политическом процессе, женщина способна реализовать свои возможности и осуществить задуманное. Мужчинам в целом свойствен более широкий диапазон политической активности, и они склонны к более радикальным формам протестного активизма, чем женщины. Женщины как в России, так и в Европе менее готовы выражать свое симпатию к кандидатам и чаще дают ответ «Не знаю».

Наше исследование (опросы по репрезентативной выборке, а также фокус-группы) показывает, что, несмотря на возросшее политическое участие женщин,

гендерные разрывы в целом по Сибирскому федеральному округу сохраняют свою актуальность. Женщины реже мужчин обсуждают политику с подругами и знакомыми и, как правило, не пытаются навязывать свое волеизъявление другим людям.

Результаты исследования свидетельствуют, что у большинства мужчин (61,3 %) и у женщин (47,5 %) доминирует в целом негативное отношение к российской политической элите, при этом женщины демонстрируют большую лояльность, нежели мужчины.

Женщины, как правило, избегают острых политических споров и стараются не раскачивать лодку в силу глубокой интеграции в социальные сети. Однако, несмотря на общее негативное отношение респондентов обоих полов к институтам власти в нашей стране, президент России В. В. Путин пользуется их высокой поддержкой: 69 % опрошенных нами мужчин и 72 % женщин заявили о полной или частичной поддержке действующего президента. Анализируя отношение респондентов к В. В. Путину, стоит отметить, что мужчины и женщины в качестве достоинства называли волевые качества, проявленные им во внешней политике, констатируя в то же время наличие серьезнейших проблем и противоречий в политике внутренней. При этом женщины больше внимания обращали на имидж и харизму, а мужчины акцентировали внимание на уме и профессионализме президента.

Выводы

Следует отметить, что гендерным особенностям восприятия власти не уделено достаточного внимания в отечественной прикладной политологии. В результате нашего исследования выявлено, что позиция мужчин характеризуется более радикальным подходом к оцениванию институтов власти, в то время как оценки женщин более умеренны. Кроме того, женщины, как правило, лояльны к действующей власти, они демонстрируют преимущественно установки на патернализм и институциональную регламентацию общественных отношений, тогда как мужчины более требовательны к субъектам публичной политики — политическим партиям и институтам, а также склонны проявлять свою политическую независимость. Женщины более толерантны в своей оценке политических акторов, к тому же они более лояльны к институтам и органам действующей государственной власти.

Мужчины уделяют значительно меньше внимания проблеме морального выбора в политике, их также меньше интересуют имиджевые и атрибутивно-ролевые характеристики политических акторов и институтов государственной власти, фокус внимания мужчин сосредоточен на профессиональных и деловых качествах политических лидеров и на эффективности достижения ранее поставленных властью целей. Гендерные особенности также проявляются в том, что для мужчин часто оптимальным вариантом является констатация фактов, тогда как для женщин важна именно интерпретация политического процесса.

Мужчины демонстрируют значительный уровень знаний, связанных с миром политики, женщин же характеризует более высокий потенциал электоральной активности, хотя они, как правило, дистанцируются от политического лидерства, поскольку у них слабее представлено стремление к независимости.

При этом мужчины более мотивированы к участию в протестных акциях, а женщины более конформны и склонны признавать власть над собой существующих государственных институтов и мужчин.

В заключение подчеркнем, что глобальный тренд гендерной трансформации означает не тотальное нивелирование различий между гендерами, а скорее отказ от гендерной дискриминации. В основе же тренда заложена убежденность, что чем меньше в обществе условий для проявлений гендерной дискриминации, тем это общество прогрессивнее и имеет больше перспектив достижения успеха в глобальной конкуренции стран и народов.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 3. С. 3—11.
- Айвазова С. Г.* Эмпауэрмент как проблема российской массовой политики // *Массовая политика: институциональные основания* / под ред. С. В. Патрушева. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 248—258.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 6—13.
- Айвазова С. Г., Кертман Г. Л.* Женщины на randevу с российской демократией. М.: Эслан, 2001. URL: <http://owl.ru/win/books/democracy/index.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
- Бем С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Вардадян Р. А.* Демография, общественное мнение и различия в электоральном поведении женщин и мужчин // *Гендерная реконструкция политических систем*. СПб.: Алетейя, 2003. С. 269—281.
- Гандалоева М. Т., Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Плотицкина Н. В., Рябченко Н. А., Терешина М. В., Ячменник К. В.* Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 272 с.
- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
- Гнедаш А. А.* Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение // *Новые направления политической науки*. М.: РОССПЭН, 2007. С. 258—274.
- Грошев И. В.* Гендерные представления о власти // *Социологические исследования*. 2000. № 12. С. 33—41.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. СПб.: Центр независим. социол. исслед., 1996. Вып. 4. С. 5—13.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 15—24.
- Знаков В. В.* Половые, гендерные и личностные различия // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25, № 1. С. 41—52.
- Иванченко С. Н.* Трансгендерность, гендерная идентичность и гендерные стереотипы // *Психологические исследования: электронный научный журнал*. 2009. Т. 8, № 6.

- URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/259-ivanchenko8.html> (дата обращения: 19.02.2018).
- Ирхин Ю. В.* Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1 (123). С. 13—25.
- Клецина И. С.* Гендерные исследования // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 181—192.
- Кон И. С.* Пол и гендер: заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1—2. С. 31—35.
- Музыка Е. В.* Гендерные различия в восприятии власти // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 277—286.
- Парсонс Т.* Новый аналитический подход к теории социальной стратификации // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2000. С. 563—637.
- Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 99—114.
- Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г.* Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3—23.
- Степаненко А. А.* Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17—25.
- Тарасенко О. Н.* Гендер с точки зрения его взаимодействия с социальными, психологическими и культурными факторами // Современная научная мысль: научный журнал НИИ истории, экономики и права. 2014. № 1. С. 193—200.
- Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство: антология, 1970—2000 / под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322—377.
- Хоч Н. С.* К построению системной модели гендерной индивидуальности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 182—189.
- Connell R. W.* Making gendered people: bodies, identities, sexualities // *Revisioning Gender*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2000. P. 449—472.
- Firestone S.* The Dialectic of Sex. New York: William Morrow Published, 1970. 243 p. URL: <https://teoriaevolutiva.files.wordpress.com/2013/10/firestone-shulamith-dialectic-sex-case-feminist-revolution.pdf> (дата обращения: 19.02.2018).
- Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 184 p.
- Goffman E.* Gender display // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 1976. № 3. P. 69—77.
- Inglehart R., Norris P.* The development theory of the gender gap: women and men's voting behavior in global perspective // Revised Version for the International Politics Science Review Special Issue on Women in Politics. 2000. Vol. 21, № 4. P. 441—463.
- Kateb H. K., Diguet D., Diguet D.* L'approche scientifique du genre en France // *Population*. 2004. Vol. 59, iss. 1. P. 161—194.
- La Torre R. A., William E.* Gender identity and gender role in schizophrenia // *Journal of Abnormal Psychology*. 1979. Vol. 88, iss. 1. P. 68—72. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/0021-843X.88.1.68> (дата обращения: 13.04.2018).
- Scott J. W.* Gender: a useful category of historical analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91, iss. 5. P. 1053—1075.

References

- Aivazova, S. G. (2012) Gendernye osobennosti politicheskogo povedeniia rossiian v kontekste izbiratel'nogo tsikla parlamentskikh i prezidentskikh vyborov 2011—2012 gg. [Gender peculiarities of political behavior of Russians in the context of the electoral cycle of parliamentary and presidential elections 2011—2012], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—11.
- Aivazova, S. G. (2016) Ėmpauèrment kak problema rossiiskoi massovoï politiki [Empowerment as a problem of Russian public policy], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Massovaia politika: institutsional'nye osnovaniia*, Moscow: Politicheskaiia èntsiklopediia, pp. 248—258.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 6—13.
- Aivazova, S. G., Kertman, G. L. (2001) *Zhenshchiny na randevu s rossiiskoi demokratiei* [Women for rendezvous with Russian democracy], Moscow: Èslan, available from <http://owl.ru/win/books/democracy/index.htm> (accessed 10.02.2018).
- Bem, S. (2004) *Linzy gendera: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [Lens of gender: Transformation of views on the problem of gender inequality], Moscow: ROSSPÈN.
- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Connell, R. W. (2000) Making gendered people: bodies, identities, sexualities, in: *Revisioning Gender*, Thousand Oaks, CA: Sage Publications, pp. 449—472.
- Firestone, S. (1970) *The Dialectic of Sex*, New York: William Morrow Published, available from <https://teoriaevolutiva.files.wordpress.com/2013/10/firestone-shulamith-dialectic-sex-case-feminist-revolution.pdf> (accessed 19.02.2018).
- Gandaloeva, M. T., Mirosnichenko, I. V., Morozova, E. V., Plotichkina, N. V., Riabchenko, N. A., Tereshina, M. V., Iachmennik, K. V. (2017) *Frontir setevogo obshchestva kak prostanstvo politicheskogo vzaimodeistviia* [Frontier of a network society as a space for political interaction], Krasnodar: Perspektivy obrazovaniia.
- Garfinkel', G. (2007) *Issledovaniia po ètnometodologii* [Studies in ethnomethodology], St. Petersburg: Piter.
- Gilligan C. (1982) *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge: Harvard University Press.
- Gnedash, A. A. (2007) Politiko-administrativnye èlity postsovetskoï Rossii: gendernoe izmerenie [Politico-administrative elite's of Post-Soviet Russia: the gender dimension], in: *Novye napravleniia politicheskoi nauki*, Moscow: ROSSPÈN, pp. 258—274.
- Goffman, E. (1976) Gender display, *Studies in the Antropology of Visual Communication*, no. 3, pp. 69—77.
- Groshev, I. V. (2000) Gendernye predstavleniia o vlasti [Gender representations of power], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 33—41.
- Inglehart, R., Norris, P. (2000) The development theory of the gender gap: women and men's voting behavior in global perspective, *Revised Version for the International Politics Science Review Special Issue on Women in Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 441—463.
- Irkhin, Iu. V. (2014) Postmodernistskaia metodologiia analiza i proektirovaniia politiki [The postmodern methodology of policy analysis and design], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, no. 1 (123), pp. 13—25.
- Ivanchenko, S. N. (2009) Transgendernost', gendernaia identichnost' i gendernye stereotipy [Transgender, gender identity and gender stereotypes], *Psikhologicheskie issledovaniia*,

- vol. 8, no. 6, available from <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n6-8/259-ivanchenko8.html> (accessed 19.02.2018).
- Kateb, H. K., Diguët, D., Diguët, D. (2004) L'approche scientifique du genre en France, *Population*, vol. 59, iss. 1, pp. 161—194.
- Kharauëi, D. (2005) Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiia i sotsialisticheskii feminizm 1980h gg. [The manifesto of cyborgs: science, technology and socialist feminism of the 1980], in: Bredikhina, L. M., Dipuëll, K. (eds), *Gendernaia teoriia i iskusstvo: Antologiia, 1970—2000*, Moscow: ROSSPËN, pp. 322—377.
- Khoch, N. S. (2011) K postroeniiu sistemnoi modeli gendernoï individual'nosti [To build a system model of gender identity], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 182—189.
- Kletsina, I. S. (2002) Gendernye issledovaniia [Gender Studies], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 181—192.
- Kon, I. S. (2004) Pol i gender: Zametki o terminakh [Gender and gender: Notes on the terms], *Andrologiia i genital'naia khirurgiia*, no. 1—2, pp. 31—35.
- La Torre, R. A., William, E. (1979) Gender identity and gender role in schizophrenia, *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 88, iss. 1, pp. 68—72, available from <http://dx.doi.org/10.1037/0021-843X.88.1.68> (accessed 13.04.2018).
- Muzyka, E. V. (2015) Gendernye razlichii v vospriatii vlasti [Gender differences in the perception of power], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 12, pp. 277—286.
- Parsons, T. (2000) Novyi analiticheskii podkhod k teorii sotsial'noi stratifikatsii [A new analytical approach to the theory of social stratification], in: Parsons, T. *O strukture sotsial'nogo deïstviia*, Moscow: Akademicheskii proekt, pp. 563—637.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiïskoï politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian policy], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiia v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender Studies in Russian Political Sciences: current status, problems, and prospects], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Rubin, G. (2000) Obmen zhenshchinami: Zametki po politèkonomii pola [Exchange of women: Notes on the political economy of sex], in: *Antologiia gendernoï teorii*, Minsk: Propilei, pp. 99—114.
- Scott, J. W. (1986) Gender: a useful category of historical analysis, *American Historical Review*, vol. 91, iss. 5, pp. 1053—1075.
- Stepanenko, A. A. (2017) Gendernaia atributsiia tekstov komp'iuternoï kommunikatsii: statisticheskii analiz ispol'zovaniia mestoimeniï [Gender attribution of computer communication texts: statistical analysis of the use of pronouns], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 415, pp. 17—25.
- Tarasenko, O. N. (2014) Gender s tochki zreniia ego vzaimodeïstviia s sotsial'nymi, psikhologicheskimi i kul'turnymi faktorami [Gender in terms of its interaction with social, psychological and cultural factors], *Sovremennaia nauchnaia mysl': Nauchnyi zhurnal Nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, èkonomiki i prava*, no. 1, pp. 193—200.
- Vardanian, R. A. (2003) Demografiia, obshchestvennoe mnenie i razlichii v èlektoral'nom povedenii zhenshchin i muzhchin [Demographics, public opinion and differences in the electoral behavior of women and men], in: *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteïa, pp. 269—281.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (1996) Sotsial'naia konstruktsiia gendera i gendernaia sistema v Rossii [The social construction of gender and the gender system in Russia], in:

-
- Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period*, iss. 4, St. Petersburg: Tsentr nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniĭ, pp. 5—13.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2000) Sotsiologĭia gendernykh otnosheniĭ i gendernyĭ podkhod v sotsiologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 15—24.
- Znakov, V. V. (2004) Polovye, gendernye i lichnostnye razlichĭia [Sexual, gender and personality differences], *Psikhologicheskĭ zhurnal*, vol. 25, no. 1, pp. 41—52.

Статья поступила 27.02.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Чирун Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент кафедры истории России, Кемеровский государственный университет; действительный член Сибирской академии политических наук, г. Кемерово, Россия, Sergii-Tsch@mail.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Associate Professor at the Department of History of Russia, Kemerovo State University; Full Member of the Siberian Academy of Political Sciences, Kemerovo, Russian Federation).

Боброва Елизавета Александровна — аспирантка кафедры истории России, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, yuliya89832124570@gmail.com (Post-graduate student at the Department of History of Russia, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 116—122
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.10

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 116—122
ББК 66.041.32
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.10

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. Г. Ушакова, К. А. Балан

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, wale@peterlink.ru

Приводятся данные международных исследований и сравнительного социологического исследования, впервые проведенного одновременно в Санкт-Петербургском государственном университете и Университете шейха Зайеда (Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты). Полученные данные позволяют сделать вывод о тенденции гендерного прогресса в обеих странах, положительном отношении молодежи к участию женщин в политике при сохраняющихся в общественном сознании гендерных стереотипах о социальных ролях мужчин и женщин.

Ключевые слова: политика, женщины, гендер, политическое участие, глобальное гендерное различие, дискриминация, равноправие.

WOMEN'S POLITICAL ACTIVITY IN PUBLIC OPINION OF THE STUDENT YOUTH IN RUSSIA AND THE UNITED ARAB EMIRATES: COMPARATIVE ANALYSIS

V. G. Ushakova, X. A. Balan

St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, wale@peterlink.ru

The article presents the data of international studies and comparative sociological studies, for the first conducted simultaneously at Saint Petersburg State University and the University of Sheikh Zayed (Abu Dhabi, United Arab Emirates).

Determined are statistical indicators showing not only common to both countries trends in the process of overcoming gender discrimination, equalization of gender asymmetry, but also revealing the peculiarities of each country, the complexity and nonlinear nature of these trends.

The obtained empirical data allow to draw a conclusion about trends in gender progress in both countries, despite all the differences in the political, economic, social, cultural context. Women who are currently active in politics and public opinion, generally enjoy the student support. On the other hand, some discriminatory gender stereotypes still exist both in Russian and in Arab societies, and among the younger educated generation.

Key words: policy, women, gender, political participation, the global gender gap, discrimination, equal rights.

XX в. внес радикальные изменения в положение женщин во всем мире. Женщины стали не только объектом, но и субъектом социальных и политических процессов. Все больше стран вовлекают женщин в сферу государственного управления, занятий наукой, социальной политикой, развитием человеческого капитала. В XXI в. в государствах с различными типами политических систем отмечается общая тенденция — повышенное внимание к продвижению женщин в политике. При этом в политический процесс входит новое поколение молодежи, которое уже в ближайшей перспективе будет оказывать значительное влияние на гендерный порядок в своих странах. Возникает закономерный вопрос, как молодое поколение разных стран относится к участию женщин в политике и управлении государством.

Авторами статьи проведено пилотажное социологическое исследование мнения студенческой молодежи по проблеме участия женщин в политике. Респонденты репрезентируют два государства — Российскую Федерацию и Объединенные Арабские Эмираты. Эти государства имеют разную историю предоставления женщинам и мужчинам равных гражданских, политических и экономических прав. Россия была одной из первых стран, в которых женщины в начале XX в. получили право избирать и быть избранными. Объединенные Арабские Эмираты, как и ряд других арабских государств, где основным ограничителем общественной жизни женщин выступает религия — ислам, совершили заметный прорыв в решении гендерного вопроса в XXI в. Однако на современном этапе у обеих стран есть общие характеристики, позволяющие осуществить сравнительный анализ гендерных установок молодежи. Рассмотрим основные из них, опираясь на доклады «Глобальное гендерное различие» 2013 и 2017 гг. и показатели международного индекса гендерного развития [The Global Gender Gap Report 2013, The Global Gender Gap Report 2017].

Российская Федерация и Объединенные Арабские Эмираты входят в группу стран с высоким уровнем дохода (от 12 616 долл. США и более). По показателю гендерного различия в доступе к образованию Россия занимает 50-е место (индекс 0,997), ОАЭ — 62-е (индекс 0,994) [The Global Gender Gap Report 2017]. По показателю «политическое участие женщин» Российская Федерация находилась в 2017 г. на 121-м месте, ОАЭ — на 67-м. В Парламенте РФ заседают 15,8 % женщин, среди министров женщин 9,6 %. В Парламенте ОАЭ женщин 22,5 %, на министерских постах — 26,7 % [ibid.]. Таким образом, ОАЭ сохраняют тенденцию роста и опережают Российскую Федерацию по показателю политического участия женщин.

По показателям индекса гендерного неравенства (ГИИ — Gender Inequality Index), который рассчитывается с учетом коэффициента материнской смертности,

коэффициента рождаемости у подростков, численности женщин и мужчин в национальном парламенте, численности населения, имеющего среднее образование, и коэффициента экономической активности [Statistical tables, 2014], рейтинг России составляет 0,271 (52-е место), рейтинг ОАЭ — 0,232 (46-я позиция) [Индексы человеческого развития, 2016]. По показателям продолжительности жизни, образования и дохода Российская Федерация занимает 61-ю строчку рейтинга, а ОАЭ — 70-ю [Statistical tables, 2014].

Одной из главных причин гендерного прогресса в ОАЭ стала государственная социальная политика, направленная на поддержание своих соотечественниц, введение обязательного среднего образования для всех граждан страны, а также предоставляющая право женщинам вести предпринимательскую деятельность, участвовать в экономической и политической жизни, занимать руководящие должности. Вместе с тем, согласно общественному мнению, основное предназначение арабской женщины — быть женой и матерью.

Что касается гендерной политики в Российской Федерации, то в нашей стране женщины представлены во всех сферах экономической и общественной жизни, у них равный с мужчинами уровень профессионального образования. Так, по данным на 2016 г., в Российской Федерации высшее образование (включая послевузовское) имеют 58 % женщин и 42 % мужчин, неполное высшее — 54 % женщин и 46 % мужчин, среднее — 56 % женщин и 44 % мужчин [Женщины и мужчины России... , 2016: 64]. Женщины составляют 70 % российских государственных служащих, 40 % всех российских ученых, 43 % руководителей профессиональных организаций [Роль женщин... , 2016: 10].

В то же время для России остаются актуальными проблемы гендерной сегрегации на рынке труда, более низкого уровня оплаты труда женщин по сравнению с мужчинами, недопредставленности женщин на руководящих позициях, в органах законодательной власти всех уровней. В общественном сознании остаются распространенными гендерные стереотипы относительно женского политического участия, например о том, что политическая деятельность не женское дело, женщина-политик теряет женственность, женщины сами не верят в свои собственные силы и способность заниматься делами представительства [Женщины в политическом процессе... , 2003: 34]

Таким образом, в Российской Федерации и в Объединенных Арабских Эмиратах женщины принимают участие в политической жизни, голосуют на выборах, сами являются кандидатами в органы представительной власти. Однако гендерная асимметрия в обществе продолжает сохраняться.

Каково же отношение молодого поколения к женщинам — субъектам политического процесса?

Студенты, в частности студенческая молодежь факультетов социальных наук, являются активной частью общества. После завершения университетского образования они будут широко представлены в профессиональной сфере, в том числе в сфере государственного управления. Изучение общественного мнения этой категории граждан как субъектов политической жизни имеет значение для определения роли женщин в управлении государством на уровне принятия решений. Пилотажное социологическое исследование общественного мнения современных студентов позволяет выявить динамику влияния гендерных стереотипов на общественное мнение молодежи.

Объект нашего исследования — студенты обоего пола факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета и факультета гуманитарных и социальных наук Университета шейха Зайеда (Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты).

Предмет исследования — общественное мнение студенческой молодежи об участии женщин в управлении государством и других видах политической деятельности.

В качестве рабочей гипотезы был сформулирован тезис о положительном отношении студенческой молодежи к активному участию женщин в политическом процессе как субъектов этого процесса.

Анкетный опрос был проведен среди студентов и студенток второго, третьего и четвертого курсов. Случайная выборка составила 60 человек в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета, а также 60 студентов и студенток аналогичного возраста, обучающихся в Университете шейха Зайеда в Абу-Даби. Некоторая разница в формулировке вопросов анкеты для российских и арабских студентов объясняется культурными особенностями респондентов.

На вопрос о том, может ли женщина участвовать в политическом процессе и принимать важные государственные решения, управлять государством, более половины российских студентов (53 %) ответили утвердительно. Более трети из них отметили, что участвовать в политике, выступать с инициативами может, а управлять государством — нет (33 %), только 5 % заявили, что женщина не может участвовать в политике. Среди других вариантов ответов были следующие: «Может участвовать, но политика мешает созданию семьи, а, как ни крути, поддержание семьи даже в наше время — обязанность женщины»; «Может принимать участие, но государство должно быть небольшим»; «В целом в мировой практике может, а конкретно в России для женщин возможности ограничены».

На аналогичный вопрос о необходимости женщинам участвовать в политике 90 % арабских студентов ответили положительно. Тем не менее на вопрос «Отдали бы Вы свой голос за женщину-кандидатку на выборах в Федеральный национальный совет?» только 63 % опрошенных ответили утвердительно. 35 % студентов сомневаются, а 2 % не отдали бы свои голоса за женщин-кандидаток.

Студентам было предложено перечислить известных им женщин-политиков. Большинство российских студентов назвали Ангелу Меркель (83 %), Маргарет Тэтчер, Хилари Клинтон и Юлию Тимошенко (25 %). 10 и менее процентов получили бывшая депутатка Государственной думы Алина Кабаева, Мишель Обама, Индира Ганди, Дилма Русеф, Даля Грибаускайте, Кристина Фернандес де Киршнер, Мария Гайдар. Российских женщин-политиков было названо немного: Валентина Матвиенко (45 %), Ирина Яровая, Елена Мизулина (менее 10 %), Ирина Хакамада, Ксения Собчак, Оксана Дмитриева, Валерия Новодворская (менее 2 %).

Арабские студенты, выполняя это задание, указали американского политика Хилари Клинтон, пакистанскую правозащитницу Малалу Юсузфай, главу Агентства по контролю над качеством лекарственных препаратов и продуктов питания (США) Маргарет Гамбург, бывшего президента Республики Корея Пак Кын Хе, королеву Иордании Ранию. 43 % назвали министра международного

сотрудничества Ее Высочество шейху Любну аль-Касими, 12 % — pilota военной авиации ОАЭ Марьям аль-Мансури, 10 % — государственного министра Рим аль-Хашими, 6 % отметили первую женщину — председателя Федерального национального совета ОАЭ Амаль аль-Кубейси, 5 % — исполнительного директора медиазоны Нуру аль-Кааби. 18 % ответили, что не знают таких женщин.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что российские и арабские студенты имеют слабое представление о женщинах-политиках своих стран и более осведомлены о зарубежных женщинах-политиках.

Неоднозначное мнение студенты высказали по поводу того, существуют ли «мужской» и «женский» стили управления. Утвердительно на этот вопрос ответили 35 % российских студентов и 78 % арабских студентов. Каждый третий российский студент и каждый пятый арабский считают, что стиль управления не зависит от пола руководителя.

Исследование показало, что российские студенты в первую очередь видят в политике профессионала, который имеет широкий кругозор, обладает эрудицией, является рассудительным и рациональным. Немаловажное значение студенческая молодежь придает решительности и уверенности, а также ответственности политика за свои слова и действия. 55 % студентов и студенток отметили, что эти качества характерны и для мужчин и для женщин, 40 % приписали их именно мужчинам. Каждый третий российский респондент считает, что существуют «мужской» и «женский» стили управления. Столько же студентов полагают, что стиль управления зависит от личных качеств, воспитания, образования, а не от пола. Выяснилось, что политическая активность респондентов достаточно низкая. 48 % указали: в выборах они не участвуют. Для тех, кто участвует, пол кандидата не имеет значения.

На открытый вопрос о причинах дискриминации около половины студентов (45 %) ответили, что существует дискриминация женщин, и привели следующие аргументы: «сложности в трудовой сфере», «стеклянный потолок во всех областях жизни», «недостаточно серьезное отношение к женщине», «эмоциональное давление при приеме на работу», «эмоциональность в процессе принятия решений», «большинство политических постов заняты мужчинами», «гендерные стереотипы», «их считают глупыми и слабыми», «функции в доме», «взгляд на семью», «женщины не всегда могут найти достойную работу, а поэтому не всегда могут покинуть семью, даже если жизнь с данным мужчиной принижает личность», «предпочтение часто отдается мужчинам», «недооценивание лидерских качеств», «недопущение к власти, к высоким должностям», «недоверие к женщинам как к профессионалам», «ущемление некоторых прав». Остальные отметили, что наблюдается дискриминация и мужчин и женщин.

Представляется очевидным, что, с одной стороны, студенты позитивно воспринимают участие женщин в политике на высоком уровне, с другой стороны, более трети опрошенных готовы предоставить женщинам возможность лишь выступать с инициативами, не видят их на уровне принятия решений и непосредственного управления делами государства. Кроме того, половина студентов выразили мнение о наличии дискриминации женщин в российском обществе, указав на широкий перечень существующих гендерных стереотипов о социальных ролях мужчин и женщин.

В целом исследование показало, что российские и арабские студенты положительно относятся к участию женщин в политике и управлении государством. Они единодушны во мнении, что в парламентах их стран женщин должно быть больше. Однако в обоих государствах на политические установки молодежи влияют гендерные стереотипы, сложившиеся в обществе. Студенты придерживаются мнения, что женщины-политики в большей степени, чем мужчины, уделяют внимание «женским» проблемам, связанным с заботой о семье, воспитанием детей, реализацией репродуктивных прав и т. д. Более 60 % российских студентов разделяют направления государственной политики на «мужские» (военная сфера) и «женские» (социальная политика), только 26 % считают, что женщинам можно доверить любые сферы управленческой деятельности. Большинство арабских студентов сомневаются в том, что женщины могут достичь более эффективных результатов в управлении, чем мужчины. 37 % арабских студентов и 51 % российских не уверены, что проголосовали бы на выборах за женщину-кандидатку. Напрашивается вывод: наличие в обществе устойчивых стереотипов о предназначении полов является одной из причин отставания Российской Федерации и Объединенных Арабских Эмиратов в международном рейтинге гендерного равенства.

Таким образом, исследование выявило определенное противоречие в социальных процессах России и ОАЭ. С одной стороны, в соответствии с мировыми трендами XXI в. очевидной является позитивная тенденция гендерного прогресса в обеих странах, несмотря на все различия в политическом, экономическом, социальном, культурном аспектах. Женщины активно проявляют себя в политике, а общественное мнение, в частности студенческое, в целом поддерживает их. Наша гипотеза, следовательно, подтвердилась. С другой стороны, молодое поколение обеих стран находится под влиянием сложившихся в обществе традиционных представлений о предназначении полов, что мешает молодым людям воспринимать женщин как равноправных субъектов политического процесса. Полагаем, что смягчение влияния гендерных стереотипов на жизненные установки населения, особенно молодежи, должно занять важное место в деятельности органов управления.

Библиографический список

- Женщины в политическом процессе современной России / под ред. В. Г. Ушаковой, Г. Бауманн. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 64 с.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник. М.: Росстат, 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/wo-man16.pdf (дата обращения: 05.11.2017).
- Индексы человеческого развития. 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 03.11.2017).
- Роль женщин в современной России / изд. Совета Федерации. М., 2016. 45 с.
- Statistical tables // Human Development Report 2014: Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. 2014. P. 156—160. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).
- The global gender gap report 2013 // World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2013.pdf (дата обращения: 07.11.2017).
- The global gender gap report 2017 // World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2017/dataexplorer/#economy=RUS> (дата обращения: 03.11.2017).

References

- Indeksy chelovecheskogo razvitiia* (2016) [Human development indices], available from http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (accessed 03.11.2017).
- Rol' zhenshchin v sovremennoï Rossii* (2016) [The role of women in modern Russia], Moscow. Statistical tables, *Human Development Report 2014: Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience*, available from <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> (accessed 15.02.2015).
- The global gender gap report 2013, *World Economic Forum*, available from http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2013.pdf (accessed 07.11.2017).
- The global gender gap report 2017, *World Economic Forum*, available from <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2017/dataexplorer/#economy=RUS> (accessed 03.11.2017).
- Ushakova, V. G., Baumann, G. (eds) (2003) *Zhenshchiny v politicheskom protsesse sovremennoï Rossii* [Women in the political process of modern Russia], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016: Statisticheskii sbornik* (2016) [Women and men of Russia: Statistics digest], available from http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/woman16.pdf (accessed 05.11.2017).

Статья поступила: 01.04.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ушакова Валентина Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, wale@peterlink.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at Sociology of Political and Social Processes Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Балан Ксения Андреевна — аспирантка кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, kseniyabalan@gmail.com (Post-graduate student at Sociology of Political and Social Processes Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Коржова Е. Ю.** Земной путь игумении Таисии (Солоповой)
как личности с активной жизненной позицией 3
- Кротова М. В.** Дело Марии Гриценко — крестьянки, коммунистки:
молчание как протест 13
- Алтаева А. Э.** Становление женского образования в Бурятии
во второй половине XIX — начале XX в. (На примере
Мариинской бурятской женской школы) 22
- Козлова Н. Н.** Женский вопрос в политической философии российской
консервативной мысли XIX — первой половины XX в. 29

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА И РЕГИОНА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

- Калабихина И. Е., Мокренский Д. Н., Оборин М. С., Шерешева М. Ю.**
Экономико-демографическое развитие малых городов Центральной
России: важен ли гендерный аспект? 42
- Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Максимова А. С., Гафурова Ш. Ш.**
Трансформация социальных ролей женщин в Таджикистане
в условиях трудовой миграции 64
- Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М.** Влияние миграции
на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан 75

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Рябов О. В.** «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!» Образ США
в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946—1963) 89
- Чирун С. Н., Боброва Е. А.** Гендерные особенности политического
участия в постсоветской России 104
- Ушакова В. Г., Балан К. А.** Политическая активность женщин
в общественном мнении студенческой молодежи России
и Объединенных Арабских Эмиратов: сравнительный анализ 116
- Информация для авторов* 123

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

GENDER HISTORY

- Korzhova E. Yu.** The life span of the abbess Taisiya (Solopova) as a personality with active life position 3
- Krotova M. V.** The case of Mariya Gritsenko, peasant woman and communist: silence as protest 13
- Altaeva A. E.** The formation of female education in Buryatia in the second half of the XIX — the beginning of the XX c. (On the example of the Buryat Mariinsky female school) 22
- Kozlova N. N.** Women's question in the political philosophy of the Russian conservative thought of the XIX — early XX c. 29

SOCIAL SCIENCES

SOCIOLOGY OF CITY AND REGION: GENDER ASPECTS

- Kalabikhina I. E., Mokrensky D. N., Oborin M. S., Sheresheva M. Yu.** Economic and demographic development of small cities in Central Russia: is gender aspect important? 42
- Ryazancev S. V., Pismennaya E. E., Maksimova A. S., Gafurova Sh. Sh.** Transformation of women social roles in Tajikistan in the labor migration conditions 64
- Kazenin K. I., Idrisov E. Sh., Imasheva M. M.** The relation of migration and fertility: the case of migration of Nogais from Daghestan 75

POLITICAL SCIENCE

GENDER POLITOLOGY

- Riabov O. V.** "I am so glad I don't live in America in real life!" The image of the USA in gender discourse of Soviet animation (1946—1963) 89
- Chirun S. N., Bobrova E. A.** Gender peculiarities of political participation in postmodern Russia 104
- Ushakova V. G., Balan X. A.** Women's political activity in public opinion of the student youth in Russia and the United Arab Emirates: comparative analysis 116
- Information for the authors* 123

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 (87) — 2018

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 24.05.2018 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 103. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru